ИСТОРИЧЕСКІЯ И СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

о

КАЛМЫКАХЪ.



Фотографіи К. Костенкова.

Кочующихъ въ Астраханской Губерніи.

съ картою Калмыцкой степи

составилъ

Главный Попечитель Калмыцкаго народа

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ К. КОСТЕНКОВЪ.

С. Петербургъ.

1870.

Грав. и печ. въ Хромол. И. Глыбова, С.П.Б. по Екатер. пр. близъ Калинк. мос. д. № 89

ИСТОРИЧЕСКІЯ И СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

о

КАЛМЫКАХЪ,

КОЧУЮЩИХЪ ВЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ИЗДАНІЕ
Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Типографія В. Нусвальта, Литейная, № 13.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предлагаемыя въ настоящихъ очеркахъ свѣдѣнія извлечены изъ оффиціальныхъ и другихъ источниковъ, но главнымъ образомъ изъ архива калмыцкаго Управленія, дѣла котораго сохранились съ 1703 года, и Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи.

I.

Историческій очеркъ происхожденія калмыцкаго народа и отношеній къ нему Русскаго Правительства.

Обитающій въ предѣлахъ Россіи, кочевой калмыцкій народъ имѣетъ одни общія происхожденіе и религію съ монголами, населяющими часть сѣверной и средней Азіи.

Послѣ переворота, произведеннаго въ средней Азіи основателемъ монгольскаго царства Чингисъ-Ханомъ, когда потомки его владѣли китайскимъ престоломъ, большая часть монголовъ кочевала въ сѣверной и сѣверо-западной частяхъ Китая. Возникшіе около половины XIV столѣтія въ Китаѣ безпорядки, окончившіеся низверженіемъ монгольской династіи, были причиною страшныхъ кровопролитій; страна была раздираема междоусобіями, вслѣдствіе которыхъ образовалось множество независимыхъ одно отъ другаго мелкихъ владѣній.

Для поддержанія своей независимости, въ виду этой неурядицы, три монгольскія племена: *Чоросъ, Хойтъ* и *Хошотъ*, кочевавшія на сѣверо-западѣ Китая, сопредѣльно съ владѣніями Азіатской Россіи, въ нынѣшней Зюнгаріи, или Джунгаріи, образовали, въ концѣ XIV столѣтія, между собою союзъ, извѣстный подъ названіемъ *Ойратскаго;* впослѣдствіи къ нему присоединилось еще одно монгольское племя *Торгоутъ* и союзъ этотъ сталъ извѣстенъ подъ названіемъ *Дербенъ-Ойратъ* четырехъ союзіе (по монгольски *дербенъ*—четыре).

Распространивъ свое вліяніе на дѣла Монголіи, Дербенъ Ойраты сдѣлались опасными сосѣдями для китайцевъ и нерѣдко наводили на нихъ ужасъ своими набѣгами, надѣясь силою оружія возвратить китайскій престолъ прежней монгольской династіи.

Главою союза Дербенъ-Ойратъ, называвшагося также *Оронъ* (собраніе нѣсколькихъ племенъ), былъ *Конъ-Тайша* (Хунъ-Тайджи), титулъ, принадлежавшій сначала тайшамъ чоросскаго поколѣнія,—но слабое управленіе ихъ было причиною раздробленія чоросцевъ на двѣ партіи *Зюнгаръ* и *Дербетъ*. Въ это время конъ тайши совершенно утратили вліяніе не только на дѣла Монголіи, но даже на свой союзъ до такой степени, что тайши отдѣльныхъ поколѣній дѣйствовали каждый, соображаясь съ своими личными интересами, увеличивая свои силы на счетъ слабыхъ и въ свою очередь падая подъ гнетомъ болѣе сильныхъ; но при всей этой неурядицѣ, ойратскіе тайши соединялись вмѣстѣ, въ виду внѣшней общей опасности отъ Монголовъ, начиная снова междоусобія и взаимную борьбу, лишь только опасность проходила.

Въ началѣ XVII столѣтія, когда первенство въ союзѣ принадлежало уже тайшамъ хошотовскаго поколѣнія, возводимымъ Далай-Ламою въ титулъ хановъ, зюнгарскій тайша Хара-Хула, имѣя намѣреніе возстановить прежнее вліяніе чоросскаго поколѣнія, подчинилъ своей власти множество мелкихъ нойоновъ; въ то же время началъ стѣснять права Ойратовъ, желая преобразовать союзъ и сдѣлаться его главою, чего и достигъ впослѣдствіи сынъ его Эрдени-Батыръ-Убуши (Батуръ Хунъ-Тайджи), извѣстный въ русскихъ лѣтописяхъ подъ названіемъ *Богатырь-Тайша*.

Стѣсненія и притязанія Хара-Хулы были причиною того, что множество тайшей и нойоновъ, съ подвластнымъ имъ

народомъ, стали отдѣляться отъ союза, перекочевывая или къ Монголамъ, или въ предѣлы Сибири; въ числѣ послѣднихъ были Торгоуты, выведенные изъ Зюнгаріи влiятельнымъ тайшею этого поколѣнія Хо-Урлюкомъ.

Отдѣлившись около 1621 года отъ Ойратскаго союза, Хо-Урлюкъ первоначально расположился кочевьемъ по берегамъ рѣкъ: Оби, Иртыша и Тобола, но и здѣсь не могъ найти покойнаго убѣжища для себя и подвластныхъ ему торгоутовъ. Тѣснимые съ одной стороны Киргизъ-Кайсаками, давшими имъ названіе *Калма*, *Калмакъ*, *Калмаклыкъ* [1]), съ другой — своими же соплеменниками, подъ предводительствомъ Хара-Хулы и сына его Эрдени-Батыръ-Убуши, желавшихъ подчинить ихъ своей власти, торгоуты вынуждены были искать болѣе удобное пристанище для своего кочевья.

Обширныя степи юго-востосной Россіи, между рѣками: Ураломъ, Волгою и Дономъ, совершенно пустынныя въ то время, представляли привольное убѣжище для торгоутовъ, тѣмъ более, что незначительныя остатки кочевавшихъ по этимъ степямъ татаръ, бывшей нѣкогда здѣсь Золотой орды, не могли быть страшны имъ своею силою, и потому Хо-Урлюкъ, разведавъ предварительно объ удобствахъ этихъ степей, перекочевалъ сюда изъ Сибири въ 1628 году [2]) съ 6-ю своими сыновьями и 50,000 кибитокъ подвластныхъ ему калмыковъ. Занявъ своими кочевьями сначала свободныя мѣста по рѣкѣ Эмбѣ и Уралу и подчинивъ своей власти кочевавшихъ тамъ татаръ, калмыки захватили за тѣмъ все простран-

---

[1]) На тюркскихъ нарѣчіяхъ значитъ отсталой, отдѣлившійся. Отсюда названіе *Калмыкъ*.

[2]) Прибытіемъ калмыковъ считается собственно 1630 годъ, т. е. когда они перешли въ предѣлы Европейской Россіи съ береговъ рѣкъ Эмбы и Урала. (Полн. соб. закон. Т. XXIX, № 22,135. § 1).

ство между рѣками Ураломъ и Волгою и на сѣверъ до Самары, а въ 1632 году Хо-Урлюкъ, сдѣлавшись уже первенствующимъ Тайшею (Ахалакчи-Тайша), расположилъ свою ставку по берегу рѣки Ахтубы, главнаго притока въ низовьяхъ рѣки Волги.

Русское Правительство не только не имѣло возможности отразить самовольный захватъ своихъ пустынныхъ степей, но даже мало помышляло объ этомъ, полагая, что прикочевавшіе калмыки будутъ составлять надежный оплотъ южныхъ границъ отъ набѣговъ и вторженій различныхъ ордъ изъ глубины средней Азіи. Но это ожиданіе, какъ увидимъ ниже, не оправдалось; Тайша Хо-Урлюкъ, обольщенный такимъ неожиданнымъ успѣхомъ, началъ мечтать о возстановленіи независимаго ханства на развалинахъ Золотой орды, и для внушенія страха, а также по свойственной его народу привычкѣ, началъ грабить и раззорять пограничные города и села. Наконецъ, принявъ подъ свое покровительство татаръ, бывшихъ уже подданными Россіи, онъ напалъ на Астрахань, разграбилъ и сжегъ всѣ дома жителей, укрывшихся въ кремлѣ, который и осадили калмыки; но это нападеніе, стоившее жизни Хо-Урлюка и большихъ потерь, было отбито русскими [1]).

По смерти Хо-Урлюка, во время управленія сына его Шукуръ-Дайчина, калмыки по прежнему продолжали грабежи и набѣги, пока наконецъ сила оружія не заставила ихъ покориться Россіи. Отправленные въ 1655 году Шукуръ-Дайчиномъ послы клялись по шертной записи Царю Алексѣю Михайловичу быть *въ вѣчномъ послушаніи* и помогать русскому войску въ походахъ его противъ государевыхъ недруговъ: Крымцевъ, Азовцевъ и другихъ.

---

[1]) Исторія кальмыцкихъ Хановъ. Переводъ Лыткина изъ соч. Батыръ-Убаши Тюменя. Сказаніе о Дербенъ-Ойратахъ. Астрах. Губ. Вѣд. № 19, 1861 года.

Покорясь Русскому Правительству, Шукуръ-Дайчинъ, по примѣру своего отца, не прекращалъ сношеній съ Зюнгарскими Тайшами и Нойонами, въ глазахъ которыхъ пользовался большимъ политическимъ значеніемъ и силою. Главною цѣлію этихъ сношеній было желаніе привлечь и увеличить число подвластнаго ему народа переселенцами изъ Зюнгаріи.

Духовный владыка Тибета Далай-Лама [1]), желая поддержать значеніе и власть Шукуръ-Дайчина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ради политическихъ своихъ видовъ, предложилъ ему титулъ Хана. Но Шукуръ-Дайчинъ, не желая навлечь на себя подозрѣніе Русскаго Правительства, отказался отъ этой почести. Вѣроятно по случаю этого отказа, между калмыками до сихъ поръ повторяется и даже вошло въ нравы ихъ изрѣченіе Шукуръ-Дайчина: «Высшій изъ обманщиковъ тотъ, кто умѣетъ прикинуться любящимъ правду».

Хотя калмыки подчинились и содѣйствовали русскимъ, принимая участіе въ походахъ на крымскіе улусы, но, не смотря на это, грабежи не прекращались и Правительство, съ недовѣріемъ смотрѣвшее на нихъ, признало необходимымъ потребовать снова въ 1661 году присягу отъ калмыковъ, которую принялъ на урочищѣ Берекетѣ (близь Астрахани) сынъ Шукуръ-Дайчина *Пунцукъ* (Бунчукъ) отъ имени своего отца, родственниковъ, нойоновъ и улусныхъ людей, обѣщаясь *быть въ вѣчномъ послушаніи и подданствѣ русскому Царю.* Въ подкрѣпленіе своей клятвы Пунцукъ призывалъ гнѣвъ Божій

---

[1]) Глава Буддизма Далай-Лама имѣлъ огромное вліяніе на своихъ духовныхъ чадъ. Ойратскіе и монгольскіе Тайши дорожили его вниманіемъ и благословеніемъ какъ въ былыя времена въ Европѣ свѣтскіе владыки дорожили вниманіемъ Папы и Патріарха. Зная свое вліяніе, Далай-Лама въ крайнихъ только случаяхъ раздавалъ свое благословеніе, милости и титулы, которыхъ ойратскіе и монгольскіе Тайши такъ сильно добивались.

за нарушеніе ея и лизалъ свой ножъ, прикладывая его къ горлу.

По смерти Шукуръ-Дайчина въ 1672 году, управленіе народомъ перешло къ внуку его, знаменитому Тайшѣ Аюкѣ, правленіе котораго продолжалось слишкомъ 50 лѣтъ и заключаетъ въ себѣ болѣе интересный періодъ исторіи калмыцкаго народа, представляя Аюку замѣчательной личностью по хитрому, изворотливому уму, дѣятельности и сильному вліянію на своихъ подвластныхъ.

Унаслѣдовавъ вполнѣ характеръ и совѣты своего дѣда Шукуръ-Дайчина, Аюка нѣсколько разъ подтверждалъ клятвами и увѣреніями преданность свою Русскому Правительству и безпрестанно измѣнялъ, соображаясь съ обстоятельствами.

Въ 1690 году, Далай-Лама пожаловалъ ему титулъ хана, печать (цоло) и всѣ знаки ханскаго достоинства. Такимъ образомъ титулъ Конъ-Тайши Ойратовъ, которымъ въ сущности никто не пользовался изъ прибывшихъ въ Россію тайшей, былъ замѣненъ званіемъ хана калмыцкой орды. Съ этого времени, во всѣхъ сношеніяхъ Правительства съ Аюкою, онъ именуется ханомъ, а по смерти его, въ 1724 году, само уже Правительство начало заботиться о назначеніи калмыцкихъ хановъ и потому въ инструкціи, данной по этому случаю Астраханскому Губернатору 3-го мая 1724 года, сказано: «стараться, чтобы владѣльцы не выбрали изъ себя хана, а просили бы объ этомъ Его Императорское Величество [1]).

Избранный послѣ долгихъ смутъ и семейныхъ раздоровъ одинъ изъ сыновей Аюки, Церенъ-Дондокъ утвержденъ былъ въ 1731 году правительствомъ въ званіи хана, причемъ были пожалованы ему Высочайшая грамота и знаки на ханское

[1]) Дѣло арх. Калм. Управл. 1723 года № 23.

достоинство [1]); но этотъ первый выборъ былъ весьма неудаченъ. Слабое управленіе Церенъ-Дондока и страсть его къ пьянству были причиною безчисленныхъ споровъ и несогласій въ улусахъ и столкновеній за право на ханское достоинство, почему Правительство сочло необходимымъ вызвать Церенъ-Дондока въ Петербургъ, гдѣ онъ спился совершенно и умеръ. Вмѣсто его былъ назначенъ въ 1735 году внукъ Аюки, Дондокъ-Омбо *Главнымъ Управителемъ калмыцкаго народа*, а въ 1737 году утвержденъ въ званіи хана [2]).

По смерти Дондокъ-Омбо, въ 1741 году, назначенъ былъ другой внукъ Аюки (отъ старшаго сына Чакдорджаба), Дондокъ-Даши, намѣстникомъ ханства. Въ 1758 году онъ утвержденъ въ званіи хана, а малолѣтній сынъ его Убаши въ званіи намѣстника [3]).

Между тѣмъ происходившія въ Зюнгаріи постоянныя междоусобія и другіе безпорядки между мелкими калмыцкими владѣльцами, окончившіеся порабощеніемъ калмыковъ китайскимъ правительствомъ, были поводомъ къ частымъ перекочевкамъ ихъ небольшими партіями въ южные предѣлы Россіи, гдѣ они находили для себя привольное и безопасное убѣжище. Такимъ образомъ число калмыковъ, находившихся въ Россіи, постепенно увеличивалось, такъ что во второй половинѣ прошедшаго столѣтія число ихъ простиралось уже до 80 тыс. кибитокъ или семействъ, подвластныхъ намѣстнику хана и подчиненнымъ ему на вассальныхъ правахъ нойонамъ.

Возникшіе по смерти Дондокъ-Даши, въ 1761 году, раздоры между потомками Аюки за ханское достоинство были причиною страшныхъ безпорядковъ и столкновеній въ улу-

---

[1]) Полн. собр. зак. т. VIII, № 5699.
[2]) Полн. собр. зак. т. X, № 7191.
[3]) Дѣло арх. К. У. 1758 г. № 347, отд. историч.

сахъ. Главнымъ виновникомъ ихъ былъ Тайша Цебекъ-Дорджи, внукъ хана Дондокъ-Омбо, не признававшій надъ собою власти малолѣтняго Убаши [1]). Желая достигнуть своей цѣли— ханскаго достоинства, и не надѣясь на поддержку со стороны правительства, Цебекъ-Дорджи началъ всѣми мѣрами склонять калмыковъ къ неповиновенію не только намѣстнику, но даже и Русскому Правительству, и помощію интригъ успѣлъ убѣдить многихъ вліятельныхъ лицъ, особенно въ средѣ духовенства, къ удаленію изъ Россіи въ Зюнгарію.

Около этого же времени Правительство признало необходимымъ ограничить нѣкоторыя права намѣстника ханства и приступить къ водворенію военныхъ линій по берегамъ Волги, Урала, Самары и Терека. Эти распоряженія, вмѣстѣ съ распущенною въ народѣ молвою, что Правительство намѣрено будто бы взять въ казну большую часть калмыцкихъ земель, а калмыковъ принудить къ осѣдлой жизни и, обративъ въ военное сословіе, образовать изъ нихъ отдѣльное войско, не могли нравиться калмыкамъ и потому они рѣшились оставить Россію. Задуманный калмыками планъ бѣгства приведенъ былъ ими въ исполненіе въ 1771 году. Въ январѣ мѣсяцѣ этого года, большая часть калмыковъ, находившихся на луговой (лѣвой) сторонѣ рѣки Волги, откочевала за Уралъ, къ границѣ Китая, куда калмыки достигли въ весьма маломъ числѣ послѣ всѣхъ бѣдствій, перенесенныхъ ими въ пути. Прибывшихъ калмыковъ китайское правительство, подчинившее уже своей власти Зюнгарію и раздробившее Ойратскія поколѣнія, распредѣлило по кантонамъ Илійской области.

Въ предѣлахъ Россіи осталось около 13,000 кибитокъ кал-

---

[1]) Высочайшею грамотою 8-го мая 1765 года Цебекъ-Дорджи назначенъ первенствующимъ въ народномъ Зарго (судѣ) и главнымъ судьею при намѣстникѣ. (Д. Арх. Калм. Упр. 1765 г. № 4. Отд. историч.).

мыковъ, неуспѣвшихъ присоединиться къ бѣжавшимъ, по отдаленности кочевья и по недостатку переправъ, такъ какъ въ это время Волга не была еще покрыта льдомъ.

Послѣ бѣгства Убаши, званіе калмыцкихъ хановъ и намѣстниковъ указомъ 19-го октября 1771 года [1]) было уничтожено; тѣмъ же указомъ повелѣвалось Губернатору Бекетову распредѣлить неуспѣвшихъ бѣжать бывшихъ подвластныхъ Убаши 4706 кибитокъ, между нойонами, оставшимися въ Россіи, взамѣнъ бѣжавшихъ отъ нихъ калмыковъ. — Нойоны, которымъ принадлежали въ то время оставшіеся въ Россіи калмыки, были слѣдующіе: *Торгоутовскіе* — Полковникъ Князь Алексѣй Дондуковъ [2]), Яндыкъ, Асарха, Маша; *Хошоутовскіе* — Замьянъ и Теке; *Дербетевскіе* — Цебекъ-Убаши и Ценденъ Дорджи и *Зюнгарскіе*—Тюмень Джиргаланъ, Джиргалъ и Рюбджюръ и мелкопомѣстные, т. е. владѣвшіе небольшимъ числомъ кибитокъ: Цагалай, Цаганъ, Джальчинъ Нохонъ Кюбенъ, братъ его Габунгъ-Намка и Санджилъ.

Замѣчательно, что при этомъ распредѣленіи калмыковъ между нойонами, нѣкоторые роды были раздѣлены такимъ образомъ, что калмыки одного и того же рода достались на долю нѣсколькимъ владѣльцамъ, отчего впослѣдствіи, при образованіи улусовъ, одинъ и тотъ же родъ оказался по нѣсколькимъ улусамъ, что существуетъ и до настоящаго времени, кромѣ дербетевскихъ улусовъ, сохранившихъ составъ родовъ своихъ въ цѣлости.

Правительство, передавъ калмыковъ нойонамъ, предоставило имъ управлять каждому своимъ улусомъ (путукъ) отдѣльно,

---

[1]) Д. А. К. У. 1772 г. № 13.

[2]) Сынъ Хана Дондокъ-Омбо, принявшій въ Петербургѣ св. крещеніе вмѣстѣ съ своей матерью, извѣстною кабардинкою *Джанъ*, братьями и сестрами. Всему семейству ихъ былъ пожалованъ при крещеніи княжескій титулъ съ фамиліею Дондуковыхъ.

и давать, какъ прежде, судъ и расправу по калмыцкимъ законамъ и обычаямъ. Въ то же время усиленъ былъ надзоръ за калмыками со стороны Правительства и послѣдовалъ рядъ административныхъ распоряженій по управленію народомъ.

Обозрѣвая историческіе и законодательные акты и переписку, сохранившуюся въ дѣлахъ архива калмыцкаго управленія за прошедшіе два столѣтія, мы находимъ, что весь періодъ отъ прихода калмыковъ въ Россію до бѣгства ихъ, рѣзко отличается отъ временъ послѣдующихъ особеннымъ характеромъ отношеній Русскаго Правительства къ этому народу. Калмыки были въ продолженіи этого времени скорѣе плохіе союзники, чѣмъ безпокойные подданные Россіи. Правительство, оставляя въ совершенной неприкосновенности сословныя права калмыковъ и не вмѣшиваясь въ управленіе народомъ, предоставляло его сначала тайшамъ, потомъ ханамъ или ихъ намѣстникамъ; словомъ ихъ родовымъ начальникамъ, и уже съ ними вело переговоры скорѣе дипломатическіе, чѣмъ властительные.

Вообще періодъ пребыванія калмыковъ подъ покровительствомъ Россіи, съ 1630 по 1771 годъ, представляетъ разгулъ дикой свободы, необуздываемой Правительствомъ. Такъ напр. калмыки считались подданными Россіи, но управлялись самовластіемъ хановъ и нойоновъ, которое поддерживалось Правительствомъ до такой степени, что даже тѣхъ калмыковъ, которые совершали убійства и другія преступленія въ русскихъ городахъ и селахъ, отсылали на судъ къ ханамъ [1]). Существовавшія же въ продолженіи почти всего прошедшаго столѣтія въ городахъ пограничныхъ съ степью правительственныя учрежденія, именовавшіяся *калмыцкими* канцеляріями. *упра-*

---

[1]) Дѣла арх. К. У. 1735 г. № 55 и 1747 г. № 267.

вами калмыцкихъ дѣлъ не могли имѣть вліянія на дѣла калмыковъ, такъ какъ Правительство, договорами съ ханами и особыми своими указами, разрѣшило ханамъ, для разбора дѣлъ калмыковъ съ русскими, назначать въ эти учрежденія особыхъ *боодокчеевъ*, которые обязаны были судить и разбирать жалобы [1]).

Правительственнаго надзора за ордою въ точномъ смыслѣ слова не было; всѣ мѣры въ этомъ отношеніи ограничивались единственно тѣмъ, что въ 1729 году было предписано Астраханскому Губернатору Волынскому имѣть при ханѣ Аюкѣ и сынѣ его Чакдырджабѣ и другихъ главныхъ нойонахъ довѣренныхъ людей, которые, слѣдя тайно за ихъ поступками, сообщали бы о вредныхъ замыслахъ калмыковъ. Въ то же время учрежденъ былъ при ханѣ, въ видѣ почетной стражи, *драгунскій эскадронъ* (упраздненный въ 1797 году). Завѣдываніе вообще калмыцкими дѣлами, подъ главнымъ начальствомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сосредоточивалось, съ половины прошедшаго столѣтія, въ конторѣ калмыцкихъ и татарскихъ дѣлъ, находившейся въ Астрахани, а потомъ было поручено комендантамъ: сперва въ Саратовѣ, потомъ въ Царицынѣ и наконецъ въ Енотаевскѣ, подъ названіемъ: *командующій при калмыцкихъ дѣлахъ*.

Съ 1752 года Правительство, въ виду безпрерывныхъ смутъ и столкновеній въ улусахъ за ханское достоинство, учредило особыя должности «*дворянъ*» [2]) въ пограничныхъ городахъ и

---

[1]) Дѣла арх. К. У. 1747 № 267 и 1748 № 279.

[2]) Изъ дѣлъ Калмыцкаго Управленія видно, что «дворяне» при калмыцкихъ дѣлахъ были должности только по названію. Такъ напр. въ 1763 году, опредѣленъ былъ толмачъ Власовъ для исправленія дворянской должности, вмѣсто дворянина Тихона Лепехина, который былъ «къ дворянской службѣ весьма не способенъ и глупъ, и кромѣ того, въ немалыхъ продерзостяхъ обращался». Дворяне получали различные оклады жалованья и, сверхъ того, муку и овесъ. (Дѣло арх. Калм. Управл. № 361, отд. историч.).

въ улусахъ при нойонахъ, для разбора жалобъ и наблюденія какъ за нойонами, такъ и за потомками хановъ, и для извѣщенія о ходѣ дѣлъ «командующихъ при калмыцкихъ дѣлахъ».

Обязанные договорами [1]) «не брать русскихъ людей въ полонъ», не грабить и не раззорять города и села, калмыки постоянно нарушали свои обѣщанія, пользуясь случаемъ и оплошностію. На требованіе Правительства о наказаніи виновныхъ, ханы по обыкновенію отвѣчали [2]), что они не находятъ таковыхъ и затѣмъ прекращались требованія. Договоры подобнаго рода, заключенные въ видахъ огражденія русскихъ отъ калмыковъ, мало оберегали первыхъ отъ этой дикой, необузданной орды: грабежи, захваты въ полонъ и отгоны скота не прекращались въ пограничныхъ со степью губерніяхъ.

Калмыцкіе ханы и нойоны, пользуясь, съ подвластнымъ имъ народомъ, *безданно, безпошлинно* русскою территоріею, въ продолженіи почти полутора вѣковаго періода, не могли даже назваться вассалами Русскаго государства, хотя, по договорамъ съ послами Шукуръ-Дайчина 4 февраля 1655 года и потомъ съ ханомъ Аюкою [3]), они были обязаны выставлять войска по требованію Правительства и «идти войною на кого приказано будетъ», но и это ими никогда не исполнялось въ точности. Такъ напр. въ іюлѣ 1674 года, по указу Царя велѣно было Аюкѣ идти съ войсками подъ Крымъ [4]); но 9-го октября 1675 года князь Каспулатъ Черкасскій отписывалъ: »Аюка не пошолъ и Церенъ Солома Тайшу съ подвластными

[1]) П. С. З., т. I, № 540 и т. IV стр. 140 пункты 3 и 6.
[2]) Дѣла А. К. У. 1731 г. № 55 и 1748 г. №№ 267 и 279.
[3]) П. С. З. т. I, № 145, т. III, № 12,207, т. IV, № 2291.
[4]) П. С. З. т. I, № 581.

«его не пустилъ; а хотя послалъ своего брата Замсо съ не-«большимъ отрядомъ, но и тотъ съ дороги вернулся и только «одинъ Мазанъ-Батуръ пошолъ съ 1000 человѣкъ».

Изъ сохранившихся актовъ видно, что ханы не рѣдко вели переговоры съ Крымомъ противъ Россіи, принимая къ себѣ даже оттуда пословъ. Правительство, зная объ этомъ, ограничивалось только «развѣдываніемъ» [1]), не принимая рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію зла.

Хотя по смерти хана Аюки Правительство приняло на себя назначеніе калмыцкому народу хановъ, но не рѣдко случалось, что избраніе Правительства было только номинальное. Потомки бывшихъ тайшей и нойоновъ, поддерживаемые своими партіями, не признавали избраннаго Правительствомъ, ссорились между собою, волновали народъ и очень часто возводили въ званіе хана вопреки желанію Правителства.

Объяснить причины такихъ нерѣшительныхъ отношеній Правительства въ продолженіи этого періода къ калмыцкому народу, признавшему его власть надъ собою, можно только тѣми обстоятельствами, что Правительство, какъ выше было сказано, не имѣло возможности силою оружія усмирить и держать въ покорности эту дикую орду и, что, допуская калмыковъ на свои обширныя и совершенно пустынныя степныя пространства, оно, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, находило полезнымъ пребываніе въ тѣхъ предѣлахъ полупокорнаго кочеваго народа, какъ живаго оплота отъ вторженія кавказскихъ горцевъ и разныхъ ордъ изъ глубины Азіи въ южные предѣлы государства. Но на сколько калмыки приносили пользу Россіи въ этомъ отношеніи, на столько же они вредили своими разбоями и грабежами окраинамъ Россіи, препятствуя ихъ заселенію.

[1]) Д. А. К. У. 1831 г. № 55.

Обуздывая кроткими мѣрами своеволіе этой бродячей массы, Правительство въ то же время, въ видахъ «*приласканія*» калмыковъ, постоянно издавало указы, облегчавшіе сношенія этого народа съ русскимъ населеніемъ. Въ этихъ видахъ разрѣшено калмыкамъ ѣздить въ Нерчинскъ для торговли, присылать въ Москву табуны лошадей для продажи, безъ взятія *мостовщины*, торговать товарами безпошлинно [1]) и вмѣстѣ съ тѣмъ указывались мѣры къ обращенію калмыковъ въ христіанскую вѣру и опредѣленію ихъ на службу [2]).

Чтобы положить хотя какое нибудь ограниченіе необузданной власти калмыцкихъ хановъ, Правительство сочло нужнымъ, при утвержденіи Убаши въ 1761 году намѣстникомъ ханства (по смерти отца его Дондокъ-Даши), учредить при намѣстникѣ Зарго (судъ) изъ 8 членовъ, въ число которыхъ намѣстникъ могъ назначать только троихъ, избраніе же остальныхъ предоставлено было нойонамъ. Такимъ образомъ ханская власть была нѣсколько парализована; по крайней мѣрѣ этого желало Правительство при учрежденіи Зарго, названнаго *народнымъ*.

Послѣ бѣгства калмыковъ, одновременно съ уничтоженіемъ званія калмыцкаго хана, начались преобразованія по управленію народомъ. При Астраханской Губернской Канцеляріи была открыта *Экспедиція калмыцкихъ дѣлъ*, а въ слѣдующемъ 1772 г. при ней былъ открытъ *Зарго* изъ 3-хъ членовъ, отъ 3-хъ главныхъ родовъ: Торгоутова, Дербетева и Хошоутова, подчиненный контролю Астраханскаго Губернатора [3]).

---

[1]) П. С. З. т. I, № 540, т. II, №№ 672, 990 и 1245, т. IV, № 1822, т. V, №№ 2958, 3076 и 3314 т., VII, № 4216, т. X, № 7733.

[2]) Тамъ же т. I, № 540, т. II, №№ 672 и 990, т. III, № 1591, т. IV, №№ 2207 и 2291, т. V, №№ 2702, 3001 и 3002, т. VII, №№ 4427, 4492, 4683, 4783, 4784 и 4795, т. VIII, № 5444.

[3]) Д. А. К. У. 1771 г. № 414.

Вслѣдствіе всеобщихъ преобразованій, послѣдовавшихъ въ 1786 году въ низовомъ краѣ, Генералъ-Губернаторъ Кавказскаго Намѣстничества Князь Потемкинъ, находя, что калмыки могутъ исполнять военныя обязанности, предписалъ открыть въ Астрахани *калмыцкую войсковую канцелярію;* но въ 1788 году, правитель того же намѣстничества Статскій Совѣтникъ Алексѣевъ, наименовавъ ее просто *калмыцкою канцеляріею,* перевелъ послѣднюю въ городъ Енотаевскъ, какъ центральный пунктъ всѣхъ улусовъ. Слѣдующій за нимъ правитель Кавказскаго Намѣстничества, Генералъ-Маіоръ Брянчаниновъ [1]) снова перевелъ канцелярію калмыцкихъ дѣлъ въ Астрахань, гдѣ она и существовала до 1797 года. Въ этомъ году, при указѣ Правительствующаго Сената 15 января, присланъ былъ Высочайше конфирмованный штатъ Астраханской губерніи; а какъ по этому штату калмыцкой канцеляріи не было положено и суммы не ассигновано, то она и была закрыта, дѣла же о калмыкахъ казенныхъ улусовъ, по предложенію Астраханскаго Губернатора, были переданы въ мѣстные уѣздные суды, а о владѣльческихъ ожидалось особое распоряженіе. Но въ томъ же году послѣдовало Высочайшее повелѣніе: оставить управленіе калмыками на прежнемъ основаніи; вслѣдствіе чего вновь было открыто въ Астрахани, 29 іюня, *калмыцкое управленіе.*

Предоставленное нойонамъ неограниченное управленіе оставшимися въ Россіи калмыками вызвало съ ихъ стороны произволъ, относительно ихъ подвластныхъ, порождая вмѣстѣ съ тѣмъ нескончаемыя взаимныя ссоры, жалобы и непримиримую вражду, волновавшія народъ.

Всѣ эти неурядицы привели Правительство къ убѣжденію въ

---

[1]) Д. А. К. У. 1790 г. № 413.

необходимости обратить всѣхъ калмыковъ въ казенное вѣдомство.

Въ этихъ видахъ, взяты были въ 1786 году отъ наслѣдниковъ умершаго нойона, полковника Князя Дондукова, принадлежавшіе ему улусы Багацохуровскій и Эркетеневскій, въ количествѣ 3,086 кибитокъ, въ замѣнъ коихъ имъ были пожалованы пенсія и 1,984 души крестьянъ въ Могилевской губерніи. Вслѣдъ за тѣмъ, именно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, повелѣно было причислить въ казенное вѣдомство Дербетевскіе улусы [1]).

Около этого времени, нѣкоторые изъ Дербетевскихъ калмыковъ, вслѣдствіе будто-бы притѣсненій, причиняемыхъ имъ мѣстнымъ начальствомъ, начали самовольно переходить съ приволжскихъ степей на земли Войска Донскаго; оставшіеся же въ предѣлахъ Астраханской губерніи Дербетевцы раздѣлились на двѣ части: бо́льшая—избрала себѣ нойономъ Ханцука, а меньшая—Чучея Тайши Тундутова [2]). Но порядокъ въ Дербетевскихъ улусахъ этимъ не былъ возстановленъ: калмыки, увлекаемые тѣмъ или другимъ нойономъ, безпрестанно дѣлали переходы, то на земли Войска Донскаго, то обратно въ приволжскія степи; наконецъ въ Донскія степи перекочевали почти всѣ калмыки Большедербетевскаго улуса.

Въ 1798 году, калмыки, находившіеся на Войсковыхъ земляхъ, были причислены къ Войску Донскому, а въ слѣдующемъ году начальство этого Войска начало подчинять ихъ казачьимъ обязанностямъ [3]). Во избѣжаніе этого, калмыки снова стали переходить обратно въ предѣлы Астраханской губерніи, при-

---

[1]) П. С. З. Т. XXII. 1786 г. № 16387.

[2]) Этотъ раздѣлъ послужилъ началомъ образованія нынѣшнихъ Большедербетевскаго (въ Ставропольской губерніи) и Малодербетевскаго улусовъ.

[3]) П. С. З. Т. XXV, №№ 18651 и 18860.

соединяясь здѣсь большею частію къ Малодербетевскому улусу [1]); незначительная только часть калмыковъ осталась, и до настоящаго времени находится, въ предѣлахъ Донскаго Войска, гдѣ они и обращены въ казачье сословіе, а нойонамъ ихъ предоставлена свобода [2]).

Всѣ эти перемѣны сопровождались волненіями и безпорядками въ Дербетевскихъ улусахъ, виновниками которыхъ были: Малодербетевскій нойонъ Чучей Тайша Тундутовъ и Лама Соебынгъ. По поводу сего они были вызваны, въ 1799 году, въ Петербургъ. Здѣсь они успѣли оправдаться и исходатайствовать себѣ и калмыцкому народу разныя милости; именно: Высочайшимъ указомъ Императора Павла, 14 октября 1800 года, Чучей возведенъ былъ въ званіе намѣстника хана, а Соебынгъ въ званіе главнаго Ламы; причемъ были пожалованы Чучею: знамя, сабля, панцырь, шишакъ, соболья шуба и шапка, а Соебынгу: соболья шуба и посохъ. Кромѣ того, съ упраздненіемъ существовавшаго въ Астрахани калмыцкаго управленія, повелѣно было калмыкамъ: а) зависѣть непосредственно отъ Государя; б) самимъ избирать себѣ начальника; в) переписываться непосредственно съ Государемъ; г) по дѣламъ имѣть сношеніе съ Иностранною Коллегіею и назначеннымъ въ то же время при намѣстникѣ Главнымъ Приставомъ, и д) по землямъ

---

[1]) Этимъ объясняется то обстоятельство, что, въ улусѣ Малодербетевскомъ числится калмыковъ почти въ 5 разъ болѣе противъ улуса Большедербетевскаго.

[2] Для кочевья этихъ калмыковъ отведена близь Романовской станицы земля, въ количествѣ 1,034,000 десятинъ, такъ что, при численности Донскихъ, или такъ называемыхъ *базовыхъ калмыковъ* (въ настоящее время около 10½ т. душъ мужскаго пола) приходится почти по 100 десятинъ на душу. Калмыки обязаны нести казачью службу, но въ исполненіе этой повинности зачисляется имъ то, что они поступаютъ въ табунщики къ частнымъ заводчикамъ, которые предпочитаютъ нанимать преимущественно предъ прочими калмыковъ, какъ ловкихъ наѣздниковъ. Калмыки назначаются къ заводамъ отъ Войсковаго начальства, а коннозаводчики за каждаго назначеннаго калмыка платятъ опредѣленную сумму въ Войсковой Комитетъ.

и проч., имѣть сношеніе съ Генералъ-Прокуроромъ. Сверхъ того, возстановленъ существовавшій при ханахъ и упраздненный послѣ бѣгства калмыковъ судъ Зарго изъ 8 членовъ. Приказано было предоставить калмыкамъ во владѣніе тѣ земли, на которыхъ они кочевали до этого времени, и дозволена свобода вѣроисповѣданія [1]).

Хотя при вступленіи на престолъ Императора Александра I-го были подтверждены предоставленныя калмыцкому народу, вышеозначенныя права и преимущества [2]), но подобный порядокъ, при неустройствѣ народа, существовать долго не могъ, и потому, въ 1803 году, по смерти намѣстника ханства Чучея, званіе это болѣе уже не возобновлялось. Калмыцкій народъ, оставаясь подъ управленіемъ Главнаго Пристава и непосредственнымъ вѣдѣніемъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, былъ подчиненъ, вмѣстѣ съ своимъ судомъ Зарго, первоначально Астраханскому Военному [3]), а въ 1816 году — Гражданскому Губернатору [4]).

Трехлѣтнее управленіе назначеннаго Правительствомъ намѣстника хана Чучея не могло водворить порядокъ въ калмыцкомъ народѣ. Нойоны не признавали власти его надъ собою и не подчинялись его распоряженіямъ; безпорядки въ улусахъ, грабежи и воровство, неограниченный произволъ нойоновъ по сбору денегъ въ свою пользу съ подвластныхъ имъ калмыковъ, все это доходило, какъ подробнѣе увидимъ ниже, до невѣроятныхъ размѣровъ.

Весьма естественно, что подобные безпорядки, вредно отзы-

---

1) П. С. З. Т. XXVI, 1800 года №№ 19,511, 19,536, 19,575, 19,599, 19,600 и 19,921.
2) Тамъ же Т. XXVI, 1801 года, № 20,037.
3) Тамъ же Т. XXVII, 1803 года, № 21,011.
4) Тамъ же Т. XXVII, 1816 года, № 26,196.

ваясь на правахъ и хозяйствѣ народа и на отношеніяхъ къ нему правительства, вызывали постоянныя жалобы и просьбы со стороны лицъ благоразумныхъ и вліятельныхъ изъ среды народа о введеніи порядка въ управленіи, соотвѣтствующаго духу и быту народа. Эти лица особенно указывали на необходимость ввести калмыцкое уложеніе, составленное въ 1640 году, на съѣздѣ въ Сибири Ойратскихъ тайшей и нойоновъ, и извѣстное подъ названіемъ *Цааджинъ-Бичикъ*, т. е. уставъ взысканій. Они утверждали, что калмыки, не зная русскихъ законовъ и обычаевъ, нерѣдко подвергаются напрасной отвѣтственности и многіе изъ нихъ содержатся въ тюрьмахъ за такія преступлянія, которыя, по древнему народному уставу, составленному сообразно съ обычаями калмыковъ, не навлекали бы на нихъ такую мѣру наказанія, или наказывались бы немедлено, безъ всякой канцелярской *волокиты*. Въ этомъ заявленіи народа нельзя не видѣть справедливаго требованія, если вспомнить ту проволочку и тѣ формальности, которыя существуютъ даже и до настоящаго времени въ судахъ стараго устройства.

То же самое просилъ прежде и намѣстникъ Чучей, сознавая впрочемъ необходимость сдѣлать пересмотръ и измѣненія калмыцкаго устава, сообразно съ новыми отношеніями Правительства къ народу. Вслѣдствіе его просьбы, Высочайше было повелѣно, въ 1802 году, Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ заняться этимъ дѣломъ; Коллегія же поручила бывшему тогда при народѣ Главному Приставу Страхову доставить точный переводъ устава.

Переписка по этому предмету продолжалась весьма долго, такъ что только въ 1821 году Министерство Иностранныхъ Дѣлъ препроводило къ Главному Приставу Коханову копію съ древняго калмыцкаго уложенія, поручивъ разсмотрѣть и сообразить, вмѣстѣ съ владѣльцами, Ламою и духовенствомъ, точ-

но ли это уложеніе содержитъ тѣ законы, которыми калмыки издревле руководствовались. Для этой цѣли были приглашены означенныя лица на съѣздъ въ урочище *Зензели* (нынѣ селеніе въ 100 верст. къ югу отъ Астрахани). Здѣсь уложеніе было свѣрено и дополнено [1]), доставивъ калмыкамъ надежду на осуществленіе завѣтныхъ ихъ желаній. Но этому ожиданію калмыковъ суждено было осуществиться не вполнѣ, потому что Правительство не могло признать непогрѣшимости судебныхъ рѣшеній по калмыцкому уставу, основанныхъ на преданіяхъ и на собственномъ соображеніи судей, даже по уголовнымъ преступленіямъ, какъ это судьямъ предоставлялось по уставу.

Послѣдовавшія около этого времени преобразованія въ бывшей Кавказской области измѣнили и управленіе калмыцкимъ народомъ. Результатомъ этихъ преобразованій было отчисленіе отъ калмыцкаго управленія кавказскихъ инородцевъ: Ногайцевъ, Туркменъ и другихъ, въ составъ *особаго управленія магометанскими народами*, подъ начальствомъ Главнаго Пристава, и передача въ 1824 году главнаго завѣдыванія калмыцкою ордою изъ Министерства Иностранныхъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ то же время были составлены правила для управленія калмыцкимъ народомъ, Высочайше утвержденныя 10 марта 1825 года. По этимъ правиламъ управленіе калмыками, обитающими въ Астраханской губерніи и Кавказской области, было раздѣлено: на Главное, Областное, Окружное и Улусное.

Главное управленіе принадлежало Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, ближайшій же надзоръ предоставлялся уполномо-

---

[1]) Это распоряженіе было принято народомъ съ восторгомъ и благодарностію; бывшія на съѣздѣ лица пожертвовали 343 лошади для ремонта кавалеріи и 800 руб. асс. въ пользу инвалидовъ (Д. А. К. У. 1821 г. № 765).

ченному отъ Министерства Главноуправляющему въ Кавказскомъ краѣ, на котораго возложено было наблюденіе за управленіемъ дѣлами калмыковъ и ихъ благосостояніемъ, а также пресѣченіе безпорядковъ и злоупотребленій.

Областное управленіе сосредоточивалось въ Астрахани *въ Коммисіи Калмыцкихъ Дѣлъ,* которую, подъ предсѣдательствомъ Гражданскаго Губернатора, составляли: Вице-Губернаторъ, Главный при калмыцкомъ народѣ Приставъ, Губернскій Прокуроръ и два Депутата со стороны народа — одинъ отъ владѣльцевъ, другой отъ духовенства, по выбору этихъ сословій. Власть Коммисіи была главнымъ образомъ распорядительная; но вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣла отчасти и судебный характеръ при разсмотрѣніи тяжебныхъ дѣлъ, по жалобамъ на рѣшенія суда Зарго, на сумму свыше 400 руб. асс. Окончательно Коммисія рѣшала подобнаго рода дѣла только до 1000 рублей; по жалобамъ недовольныхъ дѣла переходили въ Министерство. Коммисіи также предоставленъ былъ разборъ жалобъ зайсанговъ на Зарго въ неправомъ рѣшеніи дѣлъ по управленію аймаками.

Обязанности *Окружнаго Управленія* соединялись въ судѣ Зарго, который находился въ г. Енотаевскѣ [1]), состоя по прежнему изъ 8-ми членовъ—двухъ отъ духовенства и шести отъ народа, изъ владѣльцевъ и зайсанговъ, избираемыхъ на улусныхъ сходахъ и утвержденныхъ Коммисіею не менѣе какъ на три года.

Зарго имѣлъ исключительно судебный характеръ. Онъ разсматривалъ жалобы на управленія улусныя по дѣламъ свыше 200 рублей, а также дѣла тяжебныя по имѣніямъ, по лич-

---

[1]) Назначеніе мѣстопребыванія Зарго зависѣло отъ усмотрѣнія Коммисіи, примѣняясь къ временамъ года и, по возможности, ближе къ средоточію калмыцкихъ кочевьевъ.

нымъ обидамъ, по управленію аймаками, и наконецъ дѣла о всѣхъ случаяхъ, которые не считались, по понятіямъ калмыковъ, тяжкими преступленіями, въ томъ числѣ угонъ скота, захватъ имущества и воровства-мошенничества, на сумму не свыше 400 рублей и не болѣе трехъ разъ. Окончательно же рѣшались судомъ Зарго всѣ дѣла на сумму до 400 рублей ассигнац.

Для наблюденія за порядкомъ и успѣшнымъ отправленіемъ дѣлъ въ судѣ Зарго, при немъ находился одинъ изъ помощниковъ Главнаго Пристава.

Управленіе въ улусахъ состояло изъ частныхъ приставовъ, улусныхъ судей и владѣльцевъ или правителей. Частные пристава, наблюдая за порядкомъ и благоустройствомъ въ улусахъ, разбирали споры калмыковъ съ сосѣдями о землѣ и о потравахъ хлѣба, сѣна и т. п. Разбирательства эти окончательно рѣшались Приставомъ на сумму 200 руб. асс.; свыше этой суммы недовольные могли приносить жалобы по порядку. Кромѣ того, Пристава производили слѣдствія по всѣмъ происшествіямъ, имѣвшимъ характеръ уголовныхъ преступленій; обязанность ихъ была слѣдственно-полицейская. Улусные же Судьи, избираемые на годъ изъ зайсанговъ и другихъ почетныхъ лицъ, составляли изъ себя посредниковъ, на правахъ словесныхъ судей, разсматривали исковыя дѣла, рѣшая оныя окончательно, когда цѣна иска не превышала 200 руб., равно дѣла объ угонахъ скота и о покражахъ на ту же сумму. Затѣмъ внутреннее управленіе калмыками въ улусахъ и наблюденіе за правильностію отбываемыхъ ими повинностей возложено было на обязанность нойоновъ (владѣльцевъ) а въ казенныхъ улусахъ на правителей.

Этими же правилами предоставлялось (§ 57) всѣ вообще дѣла по предметамъ, подлежащимъ разбирательству духовнаго

или гражданскаго суда, рѣшать по древнимъ калмыцкимъ законамъ, обычаямъ и обрядамъ; но дѣла по преступленіямъ уголовнымъ (§ 37), какъ то: за измѣну, неповиновеніе власти, возмущеніе, смертоубійство, грабежъ, насиліе и подводъ злодѣевъ, дѣланіе фальшивой монеты и воровство свыше трехъ разъ разсматривались въ русскихъ присутственныхъ мѣстахъ, по общимъ государственнымъ установленіямъ.

Такимъ образомъ въ этомъ первомъ законодательствѣ по управленію калмыками выразилась отчасти цѣль Правительства вводить постепенно гражданское устройство въ среду этого народа, предоставивъ въ нѣкоторой степени руководствоваться и древнимъ его уложеніемъ; но какъ неполнота и неясность этого уложенія затрудняли Правительство, то на обязанность Коммисіи калмыцкихъ дѣлъ возложено было, между прочимъ, (§ 27), разсмотрѣть и исправить древнее законоположеніе калмыковъ и, по предварительномъ совѣщаніи владѣльцевъ съ лучшимъ духовенствомъ, приспособить оное, на сколько возможность дозволитъ, къ общимъ правамъ, дополняя недостатокъ или неудобство изъ законовъ россійскихъ.

По введеніи въ дѣйствіе вышеозначенныхъ правилъ, Государь Императоръ Николай I-й, Высочайшею грамотою, 24 апрѣля 1828 года, утвердилъ права, предками Его калмыкамъ дарованныя, и въ знакъ особеннаго Монаршаго благоволенія Всемилостивѣйше пожаловалъ калмыцкому суду Зарго золотую печать [1]).

---

[1]) Посланному изъ Петербурга отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Статскому Совѣтнику Путятину, для передачи грамоты и печати калмыцкому народу, дано было подробное наставленіе Министра, какъ выполнить этотъ церемоніалъ и потомъ сдѣлать угощеніе владѣльцамъ, зайсангамъ, духовенству и народу,—для каковой цѣли было отпущено ему 1500 рублей. Церемоніалъ происходилъ въ г. Енотаевскѣ. (Д. А. К. У. 1828 г. № 7155). Эта грамота хранится въ присутственной комнатѣ Главнаго Управленія

Новый порядокъ управленія калмыками, введенный правилами 1825 года, не оправдалъ, однако же, ожиданій Правительства: народъ видимо бѣднѣлъ и все болѣе и болѣе приходилъ въ разстройство. Вслѣдствіе этого, а равно для разрѣшенія все еще длившихся споровъ между Дербетевскими владѣльцами за права владѣнія этими улусами, въ 1827 году былъ отправленъ въ Астраханскую губернію Сенаторъ Энгель для изысканія надежныхъ мѣръ къ водворенію между калмыками тишины, правосудія и хозяйственнаго благоустройства.

По произведеннымъ изслѣдованіямъ было открыто, что главныя причины разстройства въ положеніи калмыцкаго народа заключались: въ обычной и неограниченной власти и алчности *нойоновъ*, которымъ Положеніе 1825 года, назвавъ ихъ безъ всякаго основанія «владѣльцами», придало еще болѣе власти и самоуправства надъ калмыками; кромѣ того, сильное вліяніе умножившагося духовенства, нравственный развратъ въ народѣ, проистекавшій отъ невѣжества и бѣдности, и наконецъ отчасти самый порядокъ управленія, начала котораго во многомъ несоотвѣтствовали ни положенію, ни привычкамъ, изстари укоренившимся въ народѣ.

Все это указывало на необходимость измѣнить существовавшій порядокъ мѣстнаго калмыцкаго управленія, издавъ положеніе, которое болѣе соотвѣтствовало бы нуждамъ народа, состоянію его понятій и нравовъ, и открывало бы калмыкамъ путь къ гражданственности и благоустройству.

Въ этихъ видахъ, для управленія калмыцкимъ народомъ составлено было, подъ руководствомъ Астраханскаго Военнаго

калмыцкимъ народомъ въ г. Астрахани, а золотая печать, по закрытіи Зарго впослѣдствіи, отослана въ Государственное Древлехранилище. (Дѣло II. 1. Г. II. Отд. IV ст. 2 № 65, 1858 года).

Губернатора Пяткина, новое Положеніе, Высочайше утвержденное 24 ноября 1834 года и приведенное въ дѣйствіе съ 1 января 1836 года [1]). Этимъ положеніемъ учреждено было надъ калмыцкимъ народомъ въ первый разъ *попечительство*, существующее и до настоящаго времени.

Главное Управленіе калмыками, по прежнему, принадлежало Министерству Внутреннихъ Дѣлъ Мѣстное Губернское Управленіе составляли: Астраханскій Военный Губернаторъ и Главный Попечитель калмыцкаго народа, на личной обязанности котораго лежали надзоръ за благоустройствомъ и ходатайство о дѣлахъ и нуждахъ калмыковъ. Кромѣ того, учрежденъ былъ *Совѣтъ Калмыцкаго Управленія*, состоявшій подъ предсѣдательствомъ Главнаго Попечителя, изъ двухъ его товарищей, одного Ассесора изъ нойоновъ (владѣльцевъ), и двухъ депутатовъ изъ сословія зайсанговъ. Совѣтъ, какъ распорядительное управленіе, завѣдывалъ всѣми *дѣлами*, относящимися до *благоустройства и благочинія*. Судебною частію калмыковъ завѣдывалъ, на правахъ судебныхъ инстанцій *второй* степени, *судъ Зарго*, состоявшій изъ предсѣдателя, двухъ совѣтниковъ, опредѣляемыхъ отъ Правительства, и двухъ ассесоровъ изъ нойоновъ. Дѣлами, относившимися до религіи, завѣдывало, какъ главное судебное правительственное мѣсто для духовныхъ дѣлъ калмыцкаго народа, *Ламайское Духовное Управленіе*, состоявшее подъ предсѣдательствомъ Ламы, изъ четырехъ членовъ калмыцкаго духовенства.

Управленіе улусное составляли: *нойоны* (владѣльцы), а въ казенныхъ улусахъ *Правители*, на которыхъ лежалъ хозяйственный порядокъ; Улусные пристава, переименованные въ *Попечителей*, вмѣстѣ *съ помощниками* своими, завѣдывали,

---

[1]) П. С. З. Т. X, № 7560 и Д. А. К. У. 1825 г. № 943, по Арх. № 6991.

по прежнему, слѣдственно-полицейскою частію. Кромѣ того, на правахъ судебныхъ инстанцій *первой* степени, были учреждены *Улусные Суды*, состоявшіе въ каждомъ улусѣ, подъ предсѣдательствомъ нойона-владѣльца или Правителя улуса, изъ Улуснаго Попечителя, Помощника его и двухъ Засѣдателей-Зайсанговъ.

Вѣдѣнію суда Зарго подлежали всѣ уголовныя дѣла калмыковъ, также тяжбы ихъ какъ между собою, такъ и по претензіямъ калмыковъ, лицъ постороннихъ какого бы званія они ни были, и дѣла между калмыками по несогласію родителей съ дѣтьми. Всѣ эти дѣла какъ судъ Зарго, такъ и улусные суды, разсматривали въ предѣлахъ предоставленной имъ власти, руководствуясь въ дѣлахъ уголовныхъ общими законами Россійской Имперіи, а въ дѣлахъ тяжебныхъ—древними калмыцкими постановленіями, и только въ случаѣ недостатка таковыхъ, общими законами Имперіи.

Несообразность учрежденнаго Положеніемъ 1834 года управленія калмыцкимъ народомъ очевидна, если принять въ соображеніе незначительное количество народа, для котораго создано было такое громадное управленіе, и еще болѣе въ отношеніи судебной части, невыдерживающей даже самой поверхностной критики. Такъ напримѣръ: улусные попечители и ихъ помощники, въ одно и тоже время являлись и слѣдователями и судьями подъ предсѣдательствомъ неграмотнаго и большею частію полупьянаго нойона или зайсанга (Правителя улуса). Къ сожалѣнію этотъ порядокъ сохраняется и до настоящаго времени.

Съ образованіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ вѣдомство котораго, въ числѣ другихъ инородцевъ, поступили и калмыки, Положеніе 24 ноября 1834 года подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, сообраз-

нымъ съ порядкомъ и правилами новаго Министерства. Въ этихъ видахъ, для управленія калмыками издано было новое, Высочайше утвержденное 23 апрѣля 1847 года, Положеніе, которое остается въ дѣйствіи и до настоящаго времени.

Этимъ Положеніемъ управленіе калмыцкимъ народомъ, попечительство и ближайшее наблюденіе надъ калмыками [1]), поручено Управляющему Астраханскою Палатою Государственныхъ Имуществъ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ присвоено званіе *Главнаго Попечителя.* Совѣтъ Калмыцкаго Управленія закрытъ; вмѣсто его образовано *Ордынское Отдѣленіе* при Палатѣ, которая по дѣламъ калмыцкаго народа состоитъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ Астраханскаго Губернатора на томъ же основаніи, какъ и по управленію бывшими государственными крестьянами. Существовавшее, по Положенію 1834 г., Ламайское Духовное Правленіе и судъ Зарго упразднены, и затѣмъ обязанности перваго сосредоточены въ лицѣ одного Ламы, а дѣла, входившія въ кругъ вѣдомства суда Зарго, перешли въ вѣдѣніе общаго судебнаго учрежденія въ губерніи— *Палаты Уголовнаго и Гражданскаго суда*; но первую степень суда составляютъ, по прежнему и въ томъ же составѣ, *Улусные суды*, переименованные только въ *Улусные Зарго.*

Хотя § 153 Положенія 1847 года предоставлено Улуснымъ Зарго разбирать тяжебныя дѣла между калмыками объ имуществѣ «по древнимъ калмыцкимъ постановленіямъ», но въ настоящее время эти постановленія не только не примѣняются къ дѣлу, но даже едвали извѣстны народу: тщетно разыскивался по улусамъ, съ научною цѣлію, въ теченіе нѣсколькихъ

---

[1]) За исключеніемъ Большедербетевскаго улуса, отчисленнаго по Высочайшему повелѣнію 8 марта 1860 года, при разграниченіи губерній Астраханской и Ставропольской, въ вѣдомство Главнаго Пристава кочующихъ въ этой послѣдней губерніи народовъ.

лѣтъ, *этотъ источникъ калмыцкой премудрости*, о которомъ нѣкогда такъ хлопотали калмыки.

По закрытіи 1-го января 1867 года Палаты Государственныхъ Имуществъ, бывшее Ордынское Отдѣленіе Палаты, переименованное *въ Главное Управленіе калмыцкимъ народомъ*, оставлено въ прежнемъ составѣ, равно какъ и прочія части Управленія впредь до предстоящихъ преобразованій.

II.

Историческое происхожденіе правъ высшихъ сословій Калмыцкаго народа.

а) Нойоны.

Происхожденіе правъ высшихъ сословій монгольскаго народа теряется въ глубокой древности; опредѣлить начало ихъ положительно невозможно, по совершенному отсутствію какихъ либо документовъ или историческихъ указаній. Съ нѣкоторою вѣроятностію можно допустить предположеніе, что первоначально это было право сильнаго, перешедшее впослѣдствіи въ потомственное, и что этотъ переходъ совершился до XIV столѣтія, т. е. до религіозной реформы, произведенной между монголами Зонкавою (Тсунъ-Хова); во время этой реформы, какъ извѣстно, народъ уже былъ раздѣленъ на сословія.

Основное дѣленіе было на *два сословія:* сословіе привиллигированныхъ, благорожденныхъ (*Цаганъ-Іоста* — бѣлой кости) и сословіе простолюдиновъ (*Хара-Іоста* — черной кости, *хара-кюнъ*, черный человѣкъ, *хара-улусъ* — черный народъ), изъ коихъ послѣднее, вслѣдствіе разныхъ политическихъ переворотовъ, подпало подъ власть перваго.

Историческіе документы о монголахъ [1]) указываютъ, что во

[1]) Исторія восточныхъ Монголовъ Сананъ-Сецена. Исторія Сибири — Фишера. Историческое обозрѣніе Ойратовъ, Отца Іакинфа. Исторія калмыцкихъ хановъ и матеріалы для исторіи Ойратовъ (калмыковъ) въ переводахъ Лыткина.

главѣ управленія этимъ народомъ были: ханъ и особая іерархія подчиненныхъ ему лицъ высшаго сословія, и что ханы завѣщевали по смерти, а иногда дѣлили и при жизни своей, подвластный имъ народъ между своими сыновьями и родственниками, образуя такимъ образомъ особые удѣлы, подчиненныя власти хана на вассальномъ правѣ. Точно такое же управленіе было введено и въ образовавшейся монгольской конфедераціи, извѣстной подъ наваніемъ *Ойратскаго союза*, отъ котораго отдѣлились калмыки (Ойраты), перекочевавшіе въ началѣ XVII столѣтія въ южные предѣлы Европейской Россіи.

Главою этого союза, состоявшаго изъ нѣсколькихъ поколѣній, управляемыхъ *Тайшами* (Тайджи), былъ *Хунъ-Тайджи* или Контайша; нѣкоторые изъ нихъ имѣли титулъ хана, жалованный имъ духовнымъ владыкою монголовъ Далай-Ламою.

Все высшее сословіе Ойратовъ имѣло общее названіе *Нойонъ,* означающее на Ойратскомъ (калмыцкомъ) языкѣ: господинъ, властелинъ, начальникъ, предводитель. Названіе это происходитъ отъ глагола *Нойолху* - властвовать, имѣть начальство.

Званіе нойона первоначально принадлежало однимъ только потомкамъ Чингисъ-Хана и его братьевъ по мужскому колѣну; но впослѣдствіи его стали присваивать себѣ дальные родственники хановъ, происходившіе изъ побочныхъ линій.

Ханы, Контайши и Тайши принадлежали также къ сословію нойоновъ, различаясь между собою только старшинствомъ своихъ родовъ.

Тайша былъ правителемъ цѣлаго поколѣнія *Тангачи*, раздѣлявшагося на улусы. Лучшимъ и обширнѣйшимъ улусомъ завѣдывалъ Тайша самъ непосредственно, а менѣе обширные роздавалъ въ управленіе и въ кормленіе своимъ сыновьямъ и братьямъ, которые и чередовались между собою, смотря по об-

стоятельствамъ. Напр., если сынъ Тайши, нойонъ умиралъ, то улусъ его переходилъ въ управленіе другаго сына, или брата, или племянника, а ихъ улусы либо передавались третьимъ родственникамъ, либо присоединялись къ улусу старшаго сына или самаго Тайши. Нойоны иногда присваивали себѣ званіе «*Тайшей*», но на самомъ дѣлѣ они Тайшами не были, состоя къ этой власти въ вассальныхъ отношеніяхъ. Земли, занимаемыя кочевьями цѣлаго поколѣнія, назывались *Нутукъ*.

Въ то время, когда Ойраты, вслѣдствіе постоянныхъ раздоровъ между поколѣніями, должны были употреблять въ дѣло оружіе, правители народа начали подраздѣлять его *на сотни* (зунъ), а сотни *на сорока*, для легчайшаго расчета и сбора ратныхъ людей. «Зунъ» заключалъ также количество кибитокъ или хошей, въ которомъ находилось сто котловъ или семействъ, члены которыхъ живутъ общимъ хозяйствомъ, ѣдятъ изъ одного родительскаго котла.

Въ мирное время власть Тайши была весьма ограниченная; но при опасностяхъ внѣшняго нападенія она являлась болѣе сильною. Тайши располагали тогда народными правителями, нойнами, назначая и перемѣняя ихъ, по своему усмотрѣнію.

Каждый *улусъ* состоялъ изъ нѣсколькихъ родовъ *(анги)*, происходившихъ отъ одного общаго имъ родоначальника. Земли, занимаемыя кочевьемъ одного рода отдѣльно отъ чужеродцевъ, назывались *Отокъ*.

Роды дѣлились на *аймаки* или *цзисаи*, [1]) неимѣвшіе опредѣленной численности. Для ближайшаго управленія аймаками, нойоны роздавали ихъ своимъ дальнимъ родственникамъ или избраннымъ лицамъ, которые, отъ слова цзисаи, назывались *Цзайсанъ*,

---

[1]) *Цзисаи* назывались собственно небольшіе удѣлы, данные духовенству для его содержанія.

или Зайсангъ. Право управленія аймаками и цзисаями переходило въ потомство, но съ ограниченіями, такъ какъ нойонъ, дававшій аймакъ въ управленіе извѣстному лицу, могъ отнять его, и передать другому, принимавшему въ свою очередь званіе зайсанга.

Каждый аймакъ состоялъ изъ нѣсколькихъ *хотоновъ* или группъ, близко родственныхъ между собою семействъ, кочующихъ нераздѣльно на данной мѣстности. Эту группу составляли: прадѣдъ, дѣдъ и отецъ съ сыновьями и внуками; правителемъ хотона былъ глава семейства («*ага*»), старецъ, старѣйшина, нынѣ *хотонный староста*.

—

Калмыки принесли въ Россію изъ Зюнгаріи вышеозначенное общественное устройство, основанное на началахъ воинственно-патріархальнаго родоваго ихъ быта.

Предводительствуемые Хо-Урлюкомъ, *Тайшею*, торгоутовскаго поколѣнія, калмыки имѣли уже сословное дѣленіе: нойоновъ, зайсанговъ и простолюдиновъ; присоединявшіеся же впослѣдствіи къ этимъ калмыкамъ тайши другихъ поколѣній, съ своими подвластными калмыками, подчинялись власти находившагося въ Россіи тайши.

Русское Правительство, предоставивъ калмыкамъ кочевать на принадлежащей ему территоріи и оставляя неприкосновенными сословныя права этого народа, ограничивалось въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ только договорами съ тайшами и нойонами, которые принимали на себя отвѣтственность за своихъ улусныхъ людей. Эти отношенія не измѣнились и послѣ принятія калмыками подданства Россіи въ 1661 году.

Власть калмыцкаго Тайши, относительно подчиненныхъ ему нойоновъ и подвластнаго народа, была ничѣмъ не ограничена; онъ творилъ судъ и расправу, по преданіямъ монгольскаго на-

рода и составленному въ 1640 году на съѣздѣ въ Сибири Ойратскихъ тайшей и нойоновъ *уставу взысканій* (Цааджинъ-бичикъ), но нерѣдко также по своему усмотрѣнію и произволу; въ случаѣ же сопротивленія или ослушанія кого либо изъ его подчиненцыхъ, Русское Правительство силою оружія усмиряло недовольныхъ. Самовластіе тайшей получило еще болѣе значенія, когда въ 1690 году пожалованъ былъ Далай-Ламою тайшѣ Аюкѣ титулъ *Хана калмыцкаго народа.* Правительство не обратило никакого вниманія на присвоеніе однимъ изъ его подданныхъ титула, который ставилъ его въ независимое положеніе и возвышалъ въ глазахъ не только подвластнаго ему народа, но и всѣхъ соплеменниковъ, кочевавшихъ въ Азіи.

Сохранившіеся документы того времени не заключаютъ въ себѣ ни свѣдѣній о послѣдовавшихъ по этому случаю распоряженіяхъ Правительства, ни даже указаній, какіе именно оно имѣло виды, дозволяя одному изъ своихъ подданныхъ принять подобный титулъ. Вѣрнѣе всего можно предположить, что Правительство, не имѣя точныхъ свѣдѣній объ іерархіи этого народа, не признало возможнымъ и необходимымъ отказать Аюкѣ въ присвоеніи имъ этого званія. Такимъ образомъ, въ послѣдующихъ затѣмъ сношеніяхъ съ калмыцкою ордою, Аюка именуется уже *Ханомъ калмыцкаго народа* и хотя, по смерти его въ 1724 году, Правительство приняло на себя иниціативу въ избраніи этому народу хановъ, но большею частію случалось такъ, что назначеніе Правительства было только номинальное, непризнаваемое потомками тайшей и нойонами, возводившими нерѣдко въ званіе хана лицъ вопреки желанію Правительства.

Весьма естественно, что подобный порядокъ не могъ быть терпимъ Правительствомъ и потому, послѣ бѣгства калмыковъ изъ Россіи въ 1771 году, званіе хановъ и ихъ намѣстниковъ

было уничтожено. И хотя последнее званіе было снова возстановлено въ началѣ текущаго столѣтія, по проискамъ Дербетевскаго тайши Чучея Тундутова, но со смертію его, въ 1803 году, болѣе уже не возобновлялось.

Послѣ бѣгства калмыковъ, Правительству представлялся весьма удобный случай обратить всѣхъ оставшихся въ Россіи калмыковъ *въ казенное вѣдомство*, водворить порядокъ въ управленіи народомъ, выведя его изъ того изолированнаго положенія, въ которомъ онъ находился; вмѣстѣ съ тѣмъ представлялась возможность, если не совершенно уничтожить, то по крайней мѣрѣ парализовать самовластіе и произволъ высшихъ сословій этого народа. Къ сожалѣнію, Правительство, не рѣшаясь приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ, сдѣлало, напротивъ, весьма важную ошибку, усиливъ еще болѣе власть нойоновъ предоставленіемъ каждому изъ нихъ отдѣльнаго управленія своими улусами, численность которыхъ была увеличена еще оставшимися калмыками, бывшими подвластными бѣжавшаго намѣстника Хана-Убаши.

Этимъ распоряженіемъ Правительство подготовило себѣ немаловажное затрудненіе, которое не замедлило представиться въ самомъ непродолжительномъ времени. Такъ въ слѣдующемъ-же 1772 году, по поводу происходившихъ волненій въ Дербетевскомъ улусѣ, калмыки котораго, не желая подчиняться нойону, намѣрены были послѣдовать за бѣжавшими въ Китай своими соплеменниками, Астраханскій Губернаторъ Бекетовъ предложилъ Дербетевскому нойону Цебекъ-Убаши передать управленіе улусомъ его родственнику Ценденъ-Дорджи, а самому жить въ городѣ Царицынѣ [1]). Но Цебекъ-Убаши не исполнилъ приказанія Губернатора; а какъ обстоятельства требовали рѣ-

---

[1]) Д. А. К. У. 1771 года № 441.

шительныхъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ улусахъ начали возникать весьма серьозные безпорядки, то въ томъ же году послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ были отозваны въ Петербургъ трое главныхъ нойоновъ: Яндыкъ, Асарха и Цебекъ-Убаши [1]).

По смерти нойоновъ: Яндыка въ 1772 году и Хошоутовскаго Замьяна въ 1773 году, Губернаторъ Бекетовъ, сознавая, что поддерживать порядокъ въ управленіи калмыками невозможно при тѣхъ правахъ, которыя были предоставлены нойонамъ, полагалъ, болѣе прочнымъ и полезнымъ, *изъять эти улусы изъ владѣльческаго вѣдѣнія,* о чемъ и представлялъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ [2]). На это категорическое заявленіе послѣдовалъ весьма уклончивый отвѣтъ, выраженный въ именномъ указѣ 30 апрѣля 1774 года на имя Губернатора Кречетникова (смѣнившаго Бекетова), именно: «разсмотрѣть на ка-«комъ основаніи и съ лучшею пользою содержимы могутъ быть «улусы, оставшіеся послѣ умершихъ нойоновъ: Яндыка и Замь-«яна».

Такимъ образомъ вопросъ о сомнительности и прочности правъ нойоновъ на подвластныхъ имъ калмыковъ былъ уже въ виду Правительства, но оно не рѣшалось приступить тогда къ какой либо болѣе энергической мѣрѣ, собственно потому, что опасалось удаленія остальныхъ калмыковъ изъ предѣловъ Россіи. Это опасеніе, удержавшееся даже до половины нынѣшняго столѣтія, высказывалось преимущественно лицами, поверхностно знавшими характеръ народа, отношенія его къ той массѣ осѣдлаго населенія, которое окружаетъ степь, а главное совершенно не понимавшими тѣхъ условій, въ которыя были по-

---

[1]) Д. А. К. У. 1772 года №14/17. Яндыкъ во время пути умеръ на Дону, въ Островской станицѣ, а Цебекъ-Убаши и Асарха въ Петербургѣ въ 1774 году.

[2]) Д. А. К. У. 1772 года № 10.

ставлены калмыки, оставшіеся въ Россіи, лишенные всякой возможности послѣдовать за своими бывшими соплеменниками. Этотъ взглядъ отражался постоянно на всѣхъ распоряженіяхъ Правительства,—иначе никакъ нельзя объяснить ту осторожность и излишнюю предупредительность Правительства, которыя постоянно выражались въ изданныхъ законоположеніяхъ, относившихся до управленія калмыками.

Очевидно, что при такомъ, хотя и не на чемъ не основанномъ опасеніи и при отсутствіи точныхъ свѣдѣній о положеніи этого, совершенно подвластнаго и вполнѣ покорнаго народа, Правительство, желая вводить въ среду его благоустройство и гражданственность, постоянно дѣйствовало какъ бы ощупью, и эта осторожность была главною причиною тому, что калмыки остаются и до настоящаго времени какимъ то отчужденнымъ, изолированнымъ народомъ, съ своими особыми правами и привиллегіями среди окружающаго ихъ степь, трудолюбиваго и предпріимчиваго осѣдлаго населенія.

—

Предварительно указанія на тѣ распоряженія, которыя послѣдовали со стороны Русскаго Правительства для утвержденія правъ высшихъ сословій калмыцкаго народа, представляется полезнымъ ближе ознакомиться съ сущностью и характеромъ отношеній этихъ сословій къ простолюдинамъ, въ то время, когда Правительство, предоставляя тайшамъ и ханамъ управленіе народомъ, еще не касалось его бытовыхъ сословныхъ правъ и порядковъ.

Воинственный духъ Калмыковъ-Ойратовъ, сложившійся подъ вліяніемъ постоянныхъ столкновеній и борьбы между отдѣльными поколѣніями, кочевавшими въ Средней Азіи, повелъ къ подчиненію массы народной преобладающему вліянію отдѣльныхъ лицъ, которыя имѣли первоначально лишь военно-дисциплинарное зна-

ченіе въ средѣ народа. Этими лицами являлись нойоны, изъ коихъ старшіе въ родѣ становились тайшами, контайшею или ханомъ. Самая этимологія слова—*нойонъ*-начальникъ, предводитель указываетъ, что власть этого лица, въ отношеніяхъ его къ простому народу, должна была ограничиваться только начальствованіемъ въ военное время, и что обязательныя отношенія низшаго сословія заключались только въ поставленіи извѣстнаго числа вооруженныхъ воиновъ и въ сборѣ необходимыхъ припасовъ для содержанія войска и для общественныхъ надобностей, *нутугинъ-гарудъ*, на нужды нутука, т. е. кочевья извѣстной части народа. Количество этого сбора обусловливалось встрѣчавшейся необходимостью, такъ что эта повинность первоначально не была постоянною, а измѣнялась, сообразно обстоятельствамъ. Впослѣдствіи, съ усиленіемъ самовластія нойоновъ, произволъ ихъ не имѣлъ границъ; въ извѣстныхъ случаяхъ они брали отъ простолюдиновъ сколько вздумается, нерѣдко лишая ихъ послѣдняго достоянія.

Подобная произвольная система сбора поддерживалась долгое время и по прибытія калмыковъ въ Россію. Изъ сохранившихся документовъ извѣстно, что тайша Хо-Урлюкъ, прикочевавъ съ подвластнымъ ему народомъ на пустынныя приволжскія степи, подчинилъ своей власти кочевавшихъ здѣсь татаръ, и не смотря на то, что они были уже данниками Россіи, обложилъ ихъ налогомъ, количество котораго измѣнялось по усмотрѣнію тайшей.

Произволъ нойоновъ постоянно вызывалъ протесты со стороны лицъ, находившихся въ обязательныхъ къ нимъ отношеніяхъ; но Русское Правительство, само парализовавшее свое вліяніе на эту орду, не имѣло въ то время возможности ни устранять произволъ высшихъ сословій, ни укрощать его силою, хотя калмыки и считались подданными Россіи. Первые попытки

Правительства установить нормальный сборъ съ калмыковъ начались не ранѣе второй половины прошедшаго столѣтія. Такъ въ 1786 году, по смерти Дербетевскаго нойона Галданъ-Церена, оставившаго по себѣ множество долговъ разнымъ лицамъ, *Командовавшій при калмыцкихъ дѣлахъ* подполковникъ Кишенской приказалъ собрать для уплаты долга по 1 рублю съ кибитки и впредь до совершеннолѣтія наслѣдника этого нойона Цебекъ-Убаши, собирать въ пользу его по 70 копѣекъ. Эта норма была утверждена коллегіей иностранныхъ дѣлъ, въ указѣ 18-го января 1786 года [1]. Въ то же время, по приглашенію начальства, намѣстникъ ханства Убаши и нойонъ князь Алексѣй Дондуковъ установили опредѣленную плату съ каждой кибитки подвластныхъ имъ калмыковъ по 1-му рублю въ годъ и, въ случаѣ необыкновенныхъ требованій, до 4-хъ рублей, смотря по состоянію плательщиковъ [2]; прочіе же нойоны брали когда и сколько имъ заблагоразсудилось. По смерти Дондукова, подать-*албанъ* [3]) была положена по 4 рубля съ кибитки. Но, по бѣдности народа, этотъ сборъ оказался обременительнымъ; и потому, вслѣдствіе жалобы калмыковъ, Астраханскій Губернаторъ предписалъ 17-го декабря 1785 года опекунамъ этого улуса установить цифру сбора. По общему согласію, они опредѣлили собирать отъ 1-го до 4-хъ рублей въ годъ съ кибитки, смотря по состоянію плательщиковъ.

Этими распоряженіями не былъ однако же ограниченъ тотъ произволъ въ сборѣ нойонами албана съ подвластныхъ имъ калмыковъ, который существовалъ въ улусахъ. Правительство какъ бы устраняло себя отъ всякаго вмѣшательства въ это

---

[1]) Д. А. К. У. 1786 года № 6. Отд. истор.

[2]) Тоже 1785 года № 14.

[3]) Слово *албанъ* происходитъ отъ глагола *албэркэ*, означающаго на ойратскомъ языкѣ: платить дань, подать. *Албату*-данникъ, платящій подать.

дѣло. Такъ по возникшимъ въ 1801 году повсемѣстно въ улусахъ жалобамъ калмыковъ на обременительность налоговъ, требуемыхъ нойонами, Правительство ограничилось только предписаніемъ лицамъ, находившимся при мѣстномъ управленіи калмыками: «присматривать стороною, чтобы нойоны не раззоряли *слишкомъ* своихъ подвластныхъ» [1]). Такая нерѣшительность въ дѣйствіяхъ только усугубляла своеволіе грубыхъ и развратныхъ нойоновъ, нисколько не заботившихся о подвластныхъ имъ калмыкахъ, благосостояніе которыхъ постоянно служило источникомъ для праздной и развратной ихъ жизни. Въ подтвержденіе этого можно бы привести множество указаній, сохранившихся въ дѣлахъ Калмыцкаго Управленія. Такъ напр.: въ началѣ нынѣшняго столѣтія расточительная и развратная жизнь Харахусовскаго нойона Джиргала довела калмыковъ этого улуса до нищеты, и хотя Правительство вынуждено было устранить его отъ управленія улусомъ, но сдѣланные имъ долги болѣе 40 т. рублей были разложены на подвластныхъ ему калмыковъ, не смотря на ихъ бѣдность. Въ 1817 году, Яндыковскій нойонъ Церенъ-Убаши, въ теченіе 10 мѣсяцевъ со времени вступленія въ управленіе улусомъ, собралъ съ $2^1/_2$ тысячь кибитокъ болѣе 100,000 руб. [2]). Малодербетевскій нойонъ Эрдени Тундутовъ собиралъ съ кибитки по 75 рублей и умеръ, оставивъ болѣе 100 т. руб. долга разнымъ лицамъ [3]). Замѣчательно, что ни одинъ еще нойонъ не умиралъ, не оставивъ по себѣ долговъ на десятки и сотни тысячь. Такъ умершіе въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія нойоны: Церенъ-Джабъ и Церенъ-Норбо-Тюмени и Цанджинъ Тундутовъ оставили послѣ себя долговъ до 30 т.

---

[1]) Д. А. К. У. 1801 года № 736.
[2]) Д. А. К. У. 1826 года № 6/6477.
[3]) Д. А. К. У. 1823 года № 14/6485.

рублей каждый, уплата коихъ производится и до настоящаго времени изъ доходовъ, слѣдуемыхъ въ пользу ихъ наслѣдниковъ.

Такимъ образомъ та система народной повинности, которая обусловливалась нѣкогда военно-кочевымъ положеніемъ народа и его спокойствіемъ, получивъ другое примѣненіе, сдѣлалась источникомъ зла и произвола для лицъ высшаго сословія, права котораго въ этомъ случаѣ не находятъ себѣ подтвержденія даже въ установленныхъ временемъ обычаяхъ. Правительство же, передавъ оставшихся въ Россіи калмыковъ въ управленіе нойонамъ и устраняя отъ себя разсмотрѣніе ихъ правъ и отношеній къ простолюдинамъ, давало еще большій просторъ ихъ произволу.

Подобныя отношенія не могли оставаться безъ измѣненія; Правительство вынуждено было принять наконецъ мѣры къ водворенію порядка въ управленіи калмыцкимъ народомъ и ближайшимъ образомъ опредѣлить его сословныя отношенія.

О послѣдовавшихъ по этому предмету распоряженіяхъ будетъ сказано ниже; въ настоящее же время необходимо упомянуть еще о томъ положеніи калмыковъ-простолюдиновъ, которое безъ всякаго основанія ставило ихъ въ рабскія отношенія къ нойонамъ.

Выше объяснено уже какъ произволъ хановъ и нойоновъ, относительно имущества подвластныхъ имъ калмыковъ, не имѣлъ предѣловъ; но этимъ не ограничивались самовластіе и деспотизмъ высшихъ сословій. Самая жизнь калмыка-простолюдина зависѣла отъ воли и каприза лицъ, присвоившихъ себѣ власть надъ народомъ. Ханы и нойоны, нерѣдко безъ всякаго суда и расправы, лишали жизни простолюдиновъ и такіе поступки, какъ напр. внука хана Аюки, Натыра-Дорджи, который не пропускалъ почти ни одного дня, не совершивъ

хотя одного убійства. Если не попадался ему человѣкъ, то онъ убивалъ первое попавшееся ему подъ руку животное [1]).

Въ дѣлахъ архива Калмыцкаго Управленія сохранилось множество указаній существовавшаго произвола нойоновъ, относительно подвластныхъ имъ калмыковъ, которыхъ они продавали, дарили и отдавали, за свои долги, цѣлыми семействами разнымъ лицамъ другихъ сословій. Этому самовластію еще болѣе способствовалъ послѣдовавшій 16 ноября 1737 года манифестъ, по поводу переписи крестьянъ и разночинцевъ, не положенныхъ въ подушный окладъ.

Пунктомъ шестымъ этого манифеста [2]) дозволялось лицамъ всѣхъ сословій и званій покупать калмыковъ, крестить ихъ и держать у себя безъ всякаго платежа за нихъ подушныхъ денегъ, доставляя только свѣдѣнія о числѣ находящихся у нихъ калмыковъ въ Губернскія и Воеводскія канцеляріи. Было повелѣно, по полученіи отписи, что калмыки предъявлены, оставлять ихъ у тѣхъ лицъ, отъ кого объявлены, *неотъемлемыми*. За тѣмъ указомъ 12 мая 1744 года [3]), вслѣдствіе возникшаго недоразумѣнія, было разъяснено, что «калмыковъ, которые приходятъ и просятся на волю безъ всякаго письменнаго вида отъ помѣщиковъ, такихъ за такое своевольство наказывать батогами и отдавать тѣмъ помѣщикамъ *и прочимъ*, потому что по указу 1737 года повелѣно быть калмыкамъ, у кого объявлены, *неотъемлемыми*, почему они стали быть уже равно *яко ихъ крѣпостные*».

Если при изданіи манифеста 1737 года была проведена мысль законодателя объ оставленіи у хозяевъ *неотъемлемыми* только такихъ калмыковъ, которые были взяты съ малолѣтства,

[1]) Д. А. К. У. 1723 года, № 23.
[2]) П. С. З. Т. X 1737 года, № 7438.
[3]) П. С. З. Т. XII 1744 года, № 8941.

окрещены и стоили хозяевамъ не малыхъ расходовъ на воспитаніе и обученіе ихъ, то послѣдовавшій, для разъясненія этого манифеста, указъ 1744 года окончательно закрѣплялъ калмыковъ за ихъ покупателями, устрашая калмыковъ даже батогами за желаніе освободиться на волю. Эти два указа дали поводъ къ громаднѣйшимъ злоупотребленіямъ; торговля калмыками начала открыто производиться на рынкахъ ближайшихъ къ калмыцкой степи городовъ и селеній, люди продавались иногда за самую ничтожную цѣну. Калмыцкіе нойоны и зайсанги воровали и отбивали другъ у друга цѣлыя семьи для продажи. Процедура закрѣпощенія была немногосложная; духовенство обыкновенно представляло промеморію, что такіе-то калмыки окрещены, а Губернская или Воеводская канцелярія выдавала отпись, что они поступаютъ въ холопы къ такому-то,—и конецъ дѣлу; въ случаѣ жалобъ калмыковъ—недовольнымъ предстояли батоги.

Зная характеръ и отношенія высшихъ калмыцкихъ сословій къ простолюдинамъ, легко представить себѣ тѣ вопіющія злоупотребленія, которыя совершались въ улусахъ, и потому становится понятнымъ, что Правительство, желая положить какую-нибудь преграду воровству людей въ улусахъ, признано необходимымъ объявить въ 1749 году [1]), что будетъ взыскиваться штрафъ 20 рублей за каждаго украденнаго калмыка или калмычку, а кому платить будетъ нечѣмъ, тѣхъ приказано было *наказывать публично плетьми.* Но этимъ распоряженіемъ нисколько не уменьшилось укоренившееся зло; правами закрѣпощенія калмыковъ пользовались всѣ имѣвшіе къ тому хотя малѣйшую возможность, особенно лица, стоявшія во главѣ управленія. Въ дѣлахъ Калмыцкаго Управленія сохранилось

[1]) Д. К. А. У. 1749 года № 284. Именной указъ Императрицы Елисаветы Петровны.

очень много фактовъ о выдачѣ отписей Астраханскому Губернатору, Генералъ-Поручику Никитѣ Афонасьевичу Бекетову на калмыковъ, подаренныхъ ему или купленныхъ для населенія его имѣній по нѣскольку десятковъ семействъ у калмыцкихъ нойоновъ Замьяна, князя Дундукова и другихъ. Рыбопромышленники и всѣ, кто только имѣлъ возможность, закрѣпощали калмыковъ за недоловъ рыбы и другіе долги. Словомъ купля, продажа и закрѣпощеніе производились въ обширныхъ размѣрахъ, такъ что Правительство вынуждено было въ 1808 году, въ отмѣну существовавшихъ законоположеній, назначить обязательное время служенія калмыковъ тѣмъ лицамъ, которыя пріобрѣли ихъ мѣною или покупкою, затѣмъ въ 1819 году ограничить права владѣльцевъ на купленныхъ ими калмыковъ 25-ти лѣтнимъ возрастомъ послѣднихъ, и наконецъ въ 1825 году совершенно воспретить продажу калмыковъ [1]).

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что Русское Правительство, принимая калмыцкій народъ подъ свое покровительство, оставляло первоначально неприкосновенными сословныя его отношенія; но послѣ бѣгства большей части калмыковъ изъ Россіи, въ 1771 году, Правительство, предоставивъ нойонамъ управлять каждому своимъ улусомъ отдѣльно, начало вводить безъ всякаго основанія *крѣпостное право* у калмыковъ, *тогда какъ при военно-кочевомъ бытѣ* этого народа, *нойоны* или родоправители *не имѣли права владѣть землею, а тѣмъ менѣе людьми.*

Поддерживаемое, издаваемыми законоположеніями крѣпостное право слагалось незамѣтно. Такъ указомъ Сената 27-го іюня 1785 года за № 3517 [2]), было подтверждено, что нойоны имѣ-

[1]) П. С. З. Томы XXX, XXXVII и XL, № 30,528.
[2]) Д. А. К. У. 1820 года, № 215.

ютъ право продавать и дарить подвластныхъ имъ калмыковъ; когда же злоупотребленія высшихъ сословій, какъ-то: непомѣрные налоги и необузданное своеволіе стали усиливаться до того, что калмыки начали бѣгать отъ нойоновъ, то Министерство Иностранныхъ Дѣлъ предписало въ 1821 году Главному при калмыцкомъ народѣ Приставу, имѣть наблюденіе и благоразумными мѣрами не допускать, чтобы калмыки откочевывали отъ своихъ нойоновъ, подъ предлогомъ неудовольствій, такъ какъ они, принося жалобы, стараются быть независимыми отъ нойоновъ и освободиться отъ возлагаемыхъ на нихъ повинностей[1]).

Поставивъ такимъ образомъ калмыковъ-простолюдиновъ, вопреки ихъ основному бытовому праву, въ полную зависимость отъ ихъ нойоновъ, Правительство, при изданіи въ 1825 году правилъ для управленія народомъ, находилось въ затрудненіи при опредѣленіи сословныхъ отношеній. При отсутствіи положительныхъ правовыхъ основаній и подчиняясь идеѣ о крѣпостной зависимости калмыковъ, оно впервые назвало нойоновъ *владѣльцами*, не объяснивъ однако ни отношеній этихъ «владѣльцевъ» къ подвластнымъ имъ калмыкамъ, ни того положенія, которое они должны занимать въ общемъ государственномъ строѣ, сравнительно съ другими сословіями. Впрочемъ, недостатокъ положительныхъ свѣдѣній о сословныхъ правахъ калмыцкаго народа, Правительство надѣялось восполнить при посредствѣ коммисіи, учрежденной для управленія калмыцкимъ народомъ, на которую, въ этихъ видахъ, § 28 правилъ 1825 года, возложено было собрать свѣдѣнія:

1) Объ отношеніяхъ владѣльцевъ (нойоновъ) къ духовенству и о степени власти ихъ надъ зайсангами, а также на подвластныхъ аймачныхъ или *собственныхъ людей*.

---

[1]) Д. А. К. У. 1821 года, № 340.

2) О таковыхъ же обязанностяхъ къ тѣмъ и другимъ зайсанговъ.

3) О степени зависимости подвластныхъ и о повинностяхъ, отправляемыхъ ими въ пользу владѣльцевъ, зайсанговъ и духовенства.

4) *О обязанностяхъ, отправляемыхъ собственными калмыками въ пользу господъ своихъ* [1]:

и 5) О степени власти духовенства и ихъ обязанностей, вліяніи его на дѣла между народа, на владѣльцевъ, зайсанговъ и простолюдиновъ.

А какъ главный надзоръ за управленіемъ дѣлами калмыковъ и ихъ благосостояніемъ порученъ былъ уполномоченному отъ Министерства Главноуправляющему въ Кавказскомъ краѣ, то занимавшій въ то время эту должность Генералъ отъ Инфантеріи Ермоловъ предложилъ калмыцкому суду Зарго опредѣлить сколько каждая кибитка должна платить въ годъ въ пользу *владѣльца* и на содержаніе управляющаго аймакомъ зайсанга [2]; но *Зарго уклонился отъ прямаго отвѣта.*

Между тѣмъ произволъ нойоновъ (владѣльцевъ), относительно сбора албана съ калмыковъ, служилъ постояннымъ поводомъ къ жалобамъ послѣднихъ, спорамъ и столкновеніямъ между владѣльцами за право управленія улусами. Какъ эти, такъ и другіе безпорядки въ улусахъ вынудили Правительство командировать лицо, облеченное болѣе обширною властію, для разбора этихъ столкновеній, водворенія порядка и спокойствія въ улусахъ.

---

[1] Этотъ пунктъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что Правительство, совершенно игнорируя слово нойонъ и даже не упоминая его въ изданныхъ правилахъ, назвало нойоновъ «владѣльцами» или «господами», помѣщиками, полагая, что подвластные имъ калмыки находятся въ крѣпостной зависимости.

[2] Д. А. К. У. 1826 года, № 2/41.

Прибывшій въ 1827 году съ этою цѣлію въ Астраханскую губернію, Сенаторъ Энгель, собравъ всѣ необходимыя свѣдѣнія и удостовѣрившись, что поводомъ къ безпорядкамъ въ улусахъ, кромѣ другихъ причинъ, служила также и неограниченная власть нойоновъ, которымъ правила 1825 года, въ качествѣ владѣльцевъ, дали еще болѣе простора для произвольныхъ дѣйствій, призналъ необходимымъ совершенно измѣнить существующія правила для управленія народомъ.

Вновь изданнымъ, Высочайше утвержденнымъ 24 ноября 1834 года, Положеніемъ хотя и признаны права нойоновъ-владѣльцевъ надъ подвластными имъ калмыками, но тѣмъ же Положеніемъ постановлены и твердыя начала къ ослабленію въ нойонахъ понятій *о собственности принадлежащихъ имъ калмыковъ*, и къ сближенію существа ихъ власти съ властію обыкновенныхъ, отъ Правительства назначаемыхъ, чиновниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлены сословныя ихъ права. Такъ *служащимъ* нойонамъ-владѣльцамъ предоставлялись (§ 143) права дворянъ личныхъ или потомственныхъ, сообразно существовавшихъ правилъ и преимуществъ по службѣ; относительно же *неслужащихъ* нойоновъ, хотя и не было объяснено: какими правами они должны пользоваться, но предоставлено (§ 142) принимать, наравнѣ съ дворянами, поступающихъ въ военную службу дѣтей нойоновъ [1]).

Сборъ съ калмыковъ какъ казенныхъ, такъ и владѣльческихъ улусовъ, опредѣленъ по 28 рублей 50 копѣекъ асс. съ кибитки (§§ 218—220), изъ коихъ 25 р. поступали въ пользу владѣльца, 2 р. въ пользу зайсанга, остальные же на со-

---

[1]) До изданія этого Положенія, нойоны произвольно называли себя *князьями*. Этотъ титулъ, безъ всякаго основанія, вѣроятно по незнанію правъ нойоновъ, встрѣчается нерѣдко и въ оффиціальной перепискѣ того времени, что еще болѣе поддерживало увѣренность ихъ въ правахъ на этотъ титулъ.

держаніе калмыцкаго Управленія, *которое до этого времени, въ теченіе 200 лѣтъ, было содержимо на счетъ Русскаго Правительства.* Этотъ сборъ, переложенный въ 1840 году на серебро, существуетъ и до настоящаго времени въ прежнемъ размѣрѣ.

Кромѣ того, воспрещено нойонамъ раздроблять улусы и аймаки между наслѣдниками, съ тѣмъ, чтобы они передавали оные старшимъ въ родѣ; отняты у нойоновъ права назначать зайсанговъ и передавать аймаки отъ одного къ другому; воспрещено продавать, закладывать и дарить кому бы то ни было своихъ подвластныхъ калмыковъ. Напротивъ того (§ 136) вмѣнено нойонамъ въ обязанность заботиться о благосостояніи народа, наблюдать за сохраненіемъ тишины и спокойствія въ улусахъ; въ случаѣ же допущенія ими безпорядковъ, разбоя, грабежа, смертоубійства, отгона скота и проч., нойоны за слабый надзоръ сдѣланы отвѣтственными предъ закономъ.

При изданіи новаго, Высочайше утвержденнаго 23 апрѣля 1847 года, Положенія для управленія калмыцкимъ народомъ, сословныя права нойоновъ остались безъ измѣненія; по § 32 предоставлено имъ сохранять всѣ принадлежащія по происхожденію права и управленіе подвластными калмыками, въ случаѣ принятія христіанской вѣры, и даже тогда (§ 33), когда съ нойономъ обратятся въ христіанство подвластные имъ калмыки, пока нойонъ не изъявитъ желанія передать ихъ въ казенное вѣдомство. Въ семъ случаѣ, взамѣнъ дохода съ прежнихъ подвластныхъ, нойону выдается ежегодно равная оному сумма изъ казны; если же калмыки, принадлежащіе нойону-владѣльцу, остающемуся въ прежней вѣрѣ, примутъ христіанство, то нойонамъ, въ вознагражденіе за отходящій отъ нихъ доходъ, выдается (§ 34) единовременно отъ казны сумма, рав-

ная доходу за 5 лѣтъ, по числу семействъ, принявшихъ св. крещеніе.

Земли, отведенныя калмыкамъ, считаются состоящими у нихъ на правахъ общественнаго пользованія (§ 6), и потому на земли эти нойоны права собственности не имѣютъ. Въ управленіе улусомъ нойоны вступаютъ по праву наслѣдства (§ 125) и, въ случаѣ дурнаго поведенія, устраняются отъ управленія Главнымъ Попечителемъ, съ утвержденія Начальника губерніи.

Нойоны, предсѣдательствующіе въ улусныхъ управленіяхъ и Зарго (§§ 135 и 140), разрѣшаютъ дѣла подвластныхъ имъ калмыковъ неиначе, какъ совокупно съ улусными попечителями (чиновниками), которые считаются членами означенныхъ мѣстъ и подчинены Главному Управленію, ввѣренному Главному Попечителю калмыцкаго народа (онъ же и Управляющій Государственными Имуществами Астраханской губерніи).

Въ улусныхъ судахъ Зарго, кромѣ нойона-владѣльца и членовъ изъ чиновниковъ: улуснаго попечителя и ихъ помощниковъ, назначаются, по выбору на улусныхъ сходахъ, два засѣдателя отъ калмыковъ (§ 139). На обязанность улусныхъ попечителей возложено наблюденіе (§ 253), чтобы нойоны-владѣльцы не взимали болѣе дозволеннаго имъ Положеніемъ денежной повинности съ кибитки.

Такимъ образомъ этими Положеніями окончательно были уничтожены самовластіе и произволъ нойоновъ и они оставлены только управителями подвластныхъ имъ калмыковъ, получая съ нихъ слишкомъ щедрое вознагражденіе, назначенное Правительствомъ; названіе же «владѣлецъ», хотя и оставлено нойонамъ, но оно не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ нойоны не владѣютъ ни землею, ни людьми, и слово «владѣлецъ», какъ чуждое калмыцкому народу, не имѣетъ на ихъ языкѣ даже равно-значущаго названія.

б) Зайсанги.

Выше сказано, что определить начало происхожденія правъ сословія калмыцкихъ (ойратскихъ) нойоновъ положительно невозможно, по совершенному отсутствію историческихъ указаній; то же самое приходиться упомянуть и о лицахъ, принадлежащихъ къ другому привиллегированному сословію этого народа, именно о зайсангахъ (дзайсанги, цзайсанги или сайдуты [1]). Исторія монголовъ и потомковъ ихъ калмыковъ (ойратовъ) не представляетъ также никакихъ данныхъ о томъ, когда, кѣмъ и вслѣдствіе чего установилось это званіе. Можно предположить, что первоначально это были дальніе родственники нойоновъ, которымъ послѣдніе поручали ближайшій надзоръ за подвластными имъ калмыками и разбирательство происходившихъ между ними маловажныхъ споровъ и дѣлъ, и что для этой цѣли народъ дѣлился на аймаки (участки). Такими родственниками нойоновъ считались въ прошедшемъ столѣтіи зайсанги Туктунова и Бурулова родовъ въ Дербетевскомъ улусѣ [2]. Другими основаніями къ установленію этого званія было то, что нѣкоторые нойоны, по неимѣнію родственниковъ, должны были поручать ближайшій надзоръ за кочевьями подвластнаго народа особымъ довѣреннымъ лицамъ изъ простолюдиновъ, отличая ихъ отъ послѣднихъ освобожденіемъ отъ податей, или жаловать имъ это званіе за личныя услуги и вѣрную службу. Такъ напримѣръ, до настоящаго времени сохранилось въ памяти народа пожалованіе нойономъ Тундутовымъ въ званіе зайсанговъ нѣсколькихъ человѣкъ своей прислуги, которымъ онъ далъ притомъ въ управленіе цѣлые роды калмыковъ, не имѣвшихъ зайсанговъ или выморочныхъ. Эти лица—зайсанги, получая нас-

---

[1]) Д. А. К. У. 1763 года № 8.
[2]) Тоже 1786 года № 608.

тоящее званіе, пользовались по праву, предоставленному имъ нойономъ, извѣстною повинностію отъ порученныхъ имъ аймаковъ; напр. прислугою, скотомъ для пищи и друг., а особенныя заслуги этихъ лицъ дѣлали право управленія аймакомъ наслѣдственнымъ.

Но какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, зайсангамъ не было предоставлено права самостоятельнаго управленія народомъ, а только власть довѣреннаго лица своего нойона. Такъ въ дѣлахъ архива сохранились указанія, что сынъ зайсанга получалъ послѣ отца это званіе, но прочіе его братья и родственники оставались въ вѣдомствѣ брата на равнѣ съ прочими простолюдинами; если же отецъ хотѣлъ отдѣлять часть аймака меньшему сыну, то нойоны соглашались на это только *«изъ отмѣнной милости»*, не въ примѣръ другимъ. Хотя зайсанги безъ особенныхъ причинъ не лишались управленія аймаками, но не смотря на это, они всегда состояли во власти нойона, который за самые малые проступки могъ лишать ихъ права управленія аймаками. Соотвѣтственно сему, впослѣдствіи, во время пребыванія уже въ Россіи, когда началась повсемѣстная продажа калмыковъ-простолюдиновъ, зайсанги не имѣли этого права: оно принадлежало одному нойону. Зайсанги пользовались лишь общимъ правомъ распоряженія тѣми только калмыками, которые пріобрѣтались ими покупкою или другимъ образомъ, въ личную крѣпость.

Съ переходомъ калмыковъ въ Россію, сословіе зайсанговъ уже существовало въ народѣ, но Правительство не имѣло къ нимъ положительно никакихъ отношеній. Вопросъ о правахъ зайсанговъ впервые былъ поднятъ только въ 1786 году, по причисленіи Дербетевыхъ улусовъ въ казенное вѣдомство. Указомъ Кавказскаго Намѣстническаго Правленія, отъ 24-го іюля того же года, были потребованы свѣдѣнія о зайсангахъ: «а)

сколько они собираютъ съ кибитки денегъ, б) кто опредѣлилъ ихъ въ это званіе, и в) по какимъ правамъ и въ какомъ сортѣ людей между народомъ они признаются?» Но вопросы эти остались безъ разрѣшенія.

Въ 1788 году, правитель того же намѣстничества предписывалъ калмыцкой канцеляріи, при составленіи списковъ зайсангамъ, не считать дѣтей ихъ и ближайшихъ родственниковъ на равнѣ съ калмыками-простолюдинами, а составить имъ особые списки, «дабы они впредь въ службѣ занимали мѣста зайсангскія, а по прежнимъ ихъ обычаямъ, могли получать въ наслѣдіе аймаки [1])».

О зайсангахъ, какъ сословіи, упоминается въ Высочайшихъ грамотахъ Императоровъ: Павла 1800 года октября 14 дня, Александра I 1802 года октября 13 и Николая 1828 г. апрѣля 21, дарованныхъ калмыцкому народу.

До изданія Положенія 24 ноября 1834 года объ управленіи калмыцкимъ народомъ, права и преимущество зайсанговъ не были опредѣлены никакимъ закономъ; но изъ дѣлъ Зарго извѣстно, что зайсанги: одни по волѣ своихъ нойоновъ, другіе по праву первородства, управляли аймаками, а родственники ихъ, нося тоже названіе зайсанговъ, не отбывали повинностей, взимаемыхъ съ калмыковъ-простолюдиновъ.

Положеніемъ 1834 года отъ зайсанговъ отнято право дробить аймаки между своими дѣтьми, и вмѣнено въ обязанность передавать оные старшему въ родѣ; сборъ съ аймака ограниченъ двумя рублями ассигнаціями (нынѣ 57 коп. сер.); вмѣстѣ съ тѣмъ зайсангамъ даны права, которыхъ они не имѣли въ прежнемъ своемъ общественномъ строѣ, именно: они избавлены отъ произвола нойоновъ, которые могли лишать ихъ это-

---

1) Д. А. К. У. 1788 года № 195/783.

го званія, и имъ предоставлено (§ 143) званіе *почетнаго гражданства:* зайсангамъ аймачнымъ, т. е. управляющимъ аймаками, *потомственнаго,* а безаймачнымъ, не управляющимъ аймаками (изгоямъ), *личнаго.* Эти права освободили зайсанговъ между прочимъ и отъ тѣлеснаго наказанія, тогда какъ по калмыцкому уложенію они не были отъ него изъяты. Такъ въ 1780 г. калмыцкій Зарго присудилъ икицохуровскаго зайсанга къ наказанію 30 ударовъ плетью и штрафу 45 скотинъ, за намѣреніе убить харахусовскаго зайсанга [1]).

Въ 1846 г., Правительство, предположивъ приступить къ заселенію дорогъ, пролегающихъ черезъ калмыцкую степь [2]) съ цѣлію обезопасить проѣздъ по нимъ и развить торговую дѣятельность въ краѣ, сочло необходимымъ пригласить къ поселенію (на половину съ русскими) нойоновъ, зайсанговъ и простолюдиновъ, въ видахъ пріученія калмыковъ къ осѣдлой жизни. А какъ нойоновъ въ улусахъ мало, зайсанги же аймачные или управляющіе аймаками составляютъ должностныхъ лицъ, то при выполненіи этого предположенія Правительства имѣлись въ виду преимущественно безаймачные зайсанги. Чтобы отвлечь этихъ людей отъ тунеядной жизни и пріохотить къ поселенію, по представленію Министра Государственныхъ Имуществъ, Государственный Совѣтъ Высочайше утвержденнымъ 28 апрѣля 1847 года мнѣніемъ, въ дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановилъ, что если безаймачные зайсанги поселятся при учрежденныхъ на калмыцкихъ земляхъ станицахъ и будутъ заниматься земледѣліемъ, то они и дѣти ихъ пользуются правами почетнаго гражданства наравнѣ въ зайсангами аймачными.

---

[1]) Д. А. К. У. 1780 года № 5.

[2]) Именной указъ, данный Министру Государственныхъ Имуществъ 30-го декабря 1846 года. П. С. З. Т. XXI № 20.578.

Это постановленіе вошло въ Положеніе 1847 г. для управленія калмыцкимъ народомъ (§ 29), которымъ, кромѣ того, подтверждаются всѣ права и преимущества сословія зайсанговъ, упомянутыя въ Положеніи 1834 года.

По случаю возникшаго недоразумѣнія: *какими именно правами могутъ пользоваться дѣти безаймачныхъ зайсанговъ*, Государственный Совѣтъ, одновременно съ вышеупомянутымъ постановленіемъ о безаймачныхъ зайсангахъ, поручилъ Министру Государственныхъ Имуществъ сдѣлать распоряженіе объ освобожденіи дѣтей тѣхъ безаймачныхъ зайсанговъ, которые не пожелаютъ селиться въ станицахъ, отъ платежа повинностей, лежащихъ на простыхъ калмыкахъ, до окончательнаго заселенія дорогъ, въ теченіи пяти лѣтъ, а между тѣмъ составить и вести вѣрные о сихъ людяхъ списки и, соображаясь съ успѣхомъ поселенія безаймачныхъ зайсанговъ, войти въ свое время съ особымъ куда слѣдуетъ представленіемъ, относительно тѣхъ безаймачныхъ зайсанговъ, которые не обратятся къ осѣдлому образу жизни.

Въ тоже время послѣдовало распоряженіе о приглашеніи зайсанговъ, ихъ дѣтей и родственниковъ къ поселенію въ станицахъ и объявлено имъ о предоставленныхъ преимуществахъ при водвореніи; но такъ какъ этимъ приглашеніемъ никто изъ означенныхъ лицъ не воспользовался, то вопросъ *о правахъ дѣтей безаймачныхъ зайсанговъ* остается неразрѣшеннымъ и до настоящаго времени.

Такимъ образомъ, изъ вышеизложеннаго видно, что сословіе зайсанговъ, установленное первоначально частными лицами и имѣвшее значеніе надзирателей или управителей извѣстной части народа, подвластнаго нойонамъ, было утверждено Правительствомъ въ такихъ правахъ, для полученія которыхъ это сословіе не имѣло никакого повода и основанія; получило же

оно законную санкцію въ этихъ правахъ собственно потому, что Правительство не имѣло положительныхъ свѣдѣній о сословныхъ отношеніяхъ калмыцкаго народа. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ происходящая и до настоящаго времени переписка между Сенатомъ, Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и Главнымъ Управленіемъ калмыцкаго народа относительно опредѣленія основаній, по которымъ можно было бы предоставить калмыцкимъ зайсангамъ права, соотвѣтствующія другимъ сословіямъ государства.

III.

Образованіе улусовъ и переходъ правъ на нихъ къ нынѣшнимъ нойонамъ-владѣльцамъ.

Разсмотрѣвъ въ предшествовавшемъ очеркѣ права высшихъ сословій калмыцкаго народа, остается еще, для полноты свѣдѣній, сдѣлать хотя краткій, основанный на хранящихся въ архивѣ калмыцкаго управленія документахъ, обзоръ тѣхъ условій, которыми сопровождались какъ самое образованіе улусовъ, такъ и переходъ правъ на оные къ нынѣшнимъ нойонамъ-владѣльцамъ.

Калмыки, кочующіе въ предѣлахъ Астраханской губерніи, въ административномъ отношеніи раздѣляются, на 7 улусовъ, изъ коихъ четыре: *Багацохуровскій*, *Эркетеневскій*, *Яндыковскій* и *Икицохуровскій*—казенные, а три: *Харахусо-Эрденіевскій*, *Малодербетевскій* и *Хошоутовскій* — владѣльческіе.

1) Улусы: *Багацохуровскій* [1]) и *Эркетеневскій*, въ числѣ 3086 кибитокъ, поступили въ казенное управленіе съ 1786 года, по смерти послѣдняго нойона князя Алексѣя Дондукова, наслѣдникамъ котораго, взамѣнъ калмыковъ, Всемилостивѣйше

[1]) Этому улусу, съ Высочайшаго соизволенія, по ходатайству народа, присвоено наименованіе *Муравьевскій*, въ память управленія Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ Генерала отъ Инфантеріи графа М. Н. Муравьева.

были пожалованы: пенсія и 1984 души крестьянъ въ Могилевской губерніи.

2) Улусы: *Яндыковскій* и *Икицохуровскій* взяты въ казенное управленіе въ 1838 году, по смерти послѣдняго бездѣтнаго ихъ нойона Церенъ-Арши-Аюки-Ханова, какъ вымарочные, порѣшенію суда Зарго, утвержденному въ 1844 году Правительствующимъ Сенатомъ. Вдовѣ этого нойона, Эльзете-Аюки-Хановой, производилась пенсія по 2,000 руб. въ годъ [1]), до смерти ея, послѣдовавшей въ 1865 году.

а) Нойоны, владѣющіе улусами.

3) *Харахусо-Эрденіевскій* улусъ, при ханѣ Аюкѣ, умершемъ въ 1724 году, составлялъ часть такъ называемаго Торгоутовскаго улуса, въ составъ котораго входили въ тоже время и вышеозначенные четыре казенныхъ улуса. По уходѣ намѣстника хана Убуши, въ 1771 году, съ большею частію калмыковъ изъ предѣловъ Россіи, Харахусо-Эрденіевскимъ улусомъ, состоявшимъ въ то время изъ 789 кибитокъ (въ томъ числѣ 260 подвластныхъ Убуши хана) владѣлъ Асарха [2]), сынъ Бакширги, внука Аюки, въ поколѣніи младшаго его сына Гунчжаба. По смерти Асархи, оставшійся послѣ него улусъ, по древнему калмыцкому обычаю, раздѣлили между собою сыновья его Цаганъ-Кичикъ и Цебекъ-Убаши. Впослѣдствіи поколѣніе Ца-

---

[1]) Предписаніе Министра Государственныхъ Имуществъ 26-го августа 1857 года № 962.

[2]) Послѣ бѣгства Убуши, Императрица Екатерина повелѣла: оставшихся здѣсь (при Волгѣ) его подвластныхъ калмыковъ раздѣлить между прочими владѣльцами, вознаградивъ прежде потерю ихъ собственныхъ. По сдѣланному вслѣдствіе сего раздѣлу, нойону Асархѣ, имѣвшему своихъ 529 кибитокъ, дано было изъ подвластныхъ Убаши 260 кибитокъ.

ганъ Кичика, со смертью сына его Эрдени, совершенно прекратилось, и потому улусъ Асархи, раздробившiйся было между его потомками, соединился снова въ рукахъ внука его *Джиргала*, сына Цебекъ-Убуши.

Въ 1853 году, Джиргалъ умеръ бездѣтнымъ, оставшiйся послѣ него улусъ поступилъ въ 1865 году, по наслѣдству, къ мелкопомѣстному нойону, Сотнику Церенъ-Убуши Дугарову, по рѣшенiю Астраханской Судебной Палаты, утвержденному Правительствующимъ Сенатомъ признавшими Дугарова родственникомъ Джиргала по происхожденiю *отъ общаго ихъ родоначальника Хо-Ерлика, дѣда Аюки.*

Семейство Дугарова состоитъ изъ его, жены и малолѣтней дочери. Кромѣ Дугарова, *въ такой же степени родства* съ умершимъ нойономъ Джиргаломъ, состоятъ мелкопомѣстные Нойоны Буюндуковы и Гюнгѣевы.

Малодербетевскiй улусъ, вмѣстѣ съ Большедербетевскимъ, отошедшимъ въ 1860 году въ вѣдѣнiе Ставропольскаго Губернскаго начальства, составлялъ въ прежнее время одинъ улусъ *Дербетевскiй*.

Послѣ бѣгства намѣстника хана Убуши считалось въ Дербетевскомъ улусѣ 3457 кибитокъ; впослѣдствiи къ нимъ причислены еще 421 кибитка, доставшiяся нойону этого улуса Цебеку-Убаши, при раздѣлѣ калмыковъ, оставшихся въ Россiи, бывшихъ подвластныхъ бѣжавшаго Убуши. По смерти Цебека-Убуши, не оставившаго послѣ себя по прямой линiи наслѣдниковъ, Дербетевскiй улусъ порученъ былъ Правительствомъ *во временное управленiе* родственнику его въ боковой линiи, нойону Ценденъ-Дорджи, со смертью же послѣдняго, по Высочайшему повелѣнiю 30 апрѣля 1786 года, *обращенъ въ казенное вѣдомство, какъ выморочный.*

Впослѣдствiи означенный улусъ, *по именнымъ Высочай-*

лчимъ указамъ, былъ жалованъ въ управленіе родственникамъ же Цебекъ-Убуши, сперва Якрему, а потомъ брату его Габунъ-Шарапу Хапчуковымъ. Въ то же время домогался получить этотъ улусъ племянникъ Цендена-Дорджи,—Чучей Тайши Тундутовъ, бывшій впослѣдствіи намѣстникомъ хана калмыцкаго народа.

Начавшіеся споры, тяжбы и распри, сперва между Чучеемъ Тайши, а потомъ между сыномъ его Эрдени и Габунъ-Шарапомъ Хапчуковымъ, не прекращались. Народъ, увлекаемый то тѣмъ, то другимъ нойономъ, постоянно волновался; въ улусѣ было отсутствіе всякаго порядка. Въ устраненіе всего этого, Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ въ 1805 году Астраханскому Военному Губернатору князю Циціанову, повелѣно было: «собравъ всѣхъ зайсанговъ, объявить имъ волю Его «Императорскаго Величества, чтобы они добровольно показа«ли—кого желаютъ имѣть нойономъ: сына ли умершаго Чу«чея Эрдени Тайши Тундутова, или Габунъ-Шарапа Хапчу«кова, и взявъ въ этомъ отъ каждаго подписки, представить «въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, для поднесенія Его Импе«раторскому Величеству».

По исполненіи сего, по Высочайше утвержденному 14 іюня 1809 года, докладу Коллегіи, было предоставлено во владѣніе Эрдени Тундутову 3302, а Габунъ-Шарапъ Хапчукову 609 кибитокъ. Такимъ образомъ первыя составили улусъ, извѣстный нынѣ подъ названіемъ *Малодербетевскаго*, а послѣдній—*Большедербетевскаго*.

Габунъ-Шарапъ Хапчуковъ умеръ бездѣтнымъ, еще до приведенія въ исполненіе означеннаго Высочайшаго повелѣнія; назначенныя ему 609 кибитокъ, по распоряженію бывшаго Главнокомандующаго въ Грузіи, Генералъ-Фельдмаршала Гудовича, впредь до разрѣшенія Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ,

поступили въ управленіе Эрдени Тундутова. Но вскорѣ возникла объ этихъ кибиткахъ новая тяжба: нойонша Бакбушъ домогалась присвоить ихъ во владѣніе малолѣтняго сына своего Очира Хапчукова, роднаго племянника Габунъ-Шарапа. До окончанія еще этого дѣла Эрдени Тундутовъ умеръ въ 1823 году; оставшійся послѣ него улусъ, по малолѣтству сына его Деджита, порученъ былъ мѣстнымъ начальствомъ *въ завѣдываніе опеки, подъ наблюденіемъ брата умершаго владѣльца Джамбо Тайши Тундутова;* но Азіятскій Департаментъ не только не утвердилъ таковой мѣры, но считалъ нужнымъ остановить дѣйствіе оной, на томъ основаніи, что въ числѣ кибитокъ улуса Эрдени Тундутова находятся большею частію тѣ калмыки, которые въ 1809 году, по добровольному ихъ избранію, были ввѣрены личному завѣдыванію Эрдени Тундутова, по случаю раздѣленія Дербетевскаго улуса, который впрочемъ *всегда зависѣлъ отъ распоряженій Правительства,* оставлявшаго оный или въ казенномъ вѣдомствѣ, или подчинявшаго кому либо изъ нойоновъ, по собственному своему усмотрѣнію *(не наслѣдственно, но изъ особой Монаршей милости);* слѣдовательно, со смертію Эрдени Тундутова должна прекратиться и зависимость отъ него калмыковъ, состоявшихъ въ его временномъ управленіи, и улусъ Дербетевскій, согласно таковому, весьма полезному для калмыковъ основанію, слѣдуетъ исключить изъ вѣдомства владѣльцевъ частныхъ и сдѣлать оный по прежнему казеннымъ, оставивъ впрочемъ сыну Эрдени Тундутова, малолѣтнему Деджиту, извѣстный родъ калмыковъ, Абганерами называемыхъ (300 кибитокъ), такъ какъ они составляютъ достояніе его предковъ.

Таковое мнѣніе Азіятскаго Департамента раздѣляли въ то время Астраханскій Гражданскій Губернаторъ Поповъ и Главноуправляющій Краемъ Ермоловъ. Но Государственный Со-

вѣтъ, на разсмотрѣніе котораго поступило впослѣдствіи это дѣло, основываясь на соображеніяхъ и заключеніи Сенатора, Тайнаго Совѣтника Энгеля, бывшаго за годъ передъ тѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Астраханской губерніи для изысканія способовъ къ упроченію благосостоянія калмыцкаго народа, Высочайше утвержденнымъ 6 октября 1828 года мнѣніемъ положилъ: управленіе Дербетевскими улусами, по примѣру раздѣленія, бывшаго въ 1809 году, учредить такимъ образомъ, чтобы часть, бывшая въ управленіи Эрдени Тундутова, отдана была сыну его, Деджиту, а часть, бывшая въ управленіи Габунъ-Шарапа Хапчукова, поручена была племяннику его Очиру Хапчукову; затѣмъ брату Эрдени, *Джамбо Тундутову, предоставить Абганеровъ, такъ, какъ онъ управлялъ ими и при жизни своего брата; по смерти же Джамбо, они поступить должны къ старшему его сыну.*

Послѣ Деджита, умершаго въ 1848 году, дѣтей не осталось; ближайшій родственникъ его, двоюродный братъ Менко Очиръ Тундутовъ (сынъ Джамбо) тоже вскорѣ умеръ; затѣмъ какъ Абганеры, такъ равно и улусъ, бывшій въ управленіи Деджита Тундутова, по рѣшенію Астраханской Судебной Палаты, состоявшемуся въ 1851 году, поступилъ во владѣніе сына Менко Очира, Цанджина Тундутова, умершаго въ 1865 году. Въ настоящее время этотъ улусъ находится въ опекунскомъ управленіи, по малолѣтству нойона Церенъ-Давида Тундутова, единственнаго наслѣдника по смерти своего отца.

5) *Хошоутовскимъ улусомъ,* послѣ бѣгства изъ Россіи калмыковъ, владѣли: Замьянъ и Теке, ближайшіе между собою родственники. Во владѣніи перваго было 817 кибитокъ (въ томъ числѣ 63 собственныхъ и 754 изъ бывшихъ подвластныхъ Убуши), а у Теке 285 кибитокъ (135 собственныхъ и 150 отъ Убуши).

Замьянъ, по смерти жены своей Данаръ, младшей сестры хана Дондокъ-Даши, съ согласія послѣдняго, вступилъ въ 1760 году въ бракъ съ Эльзе Орошиху, вдовой зюнгарскаго владѣльца Деджита, вышедшаго незадолго предъ тѣмъ изъ Зюнгаріи въ Россію; а такъ какъ она имѣла отъ перваго мужа 4-хъ лѣтняго сына *Тюменя Джиргалана*, то Замьянъ, по обычаю, усыновилъ его, имѣя въ то время отъ первой жены своей Данаръ сыновей: Теленгете и Бакбона. Впослѣдствіи, при жизни еще Замьяна, Теленгете умеръ отъ оспы, а Бакбона бѣжалъ съ намѣстникомъ Убуши въ Китай.

Въ началѣ 1773 года, Замьянъ извѣщалъ бывшаго въ то время Астраханскаго Губернатора, Генералъ-Поручика Бекетова, что подвластный ему улусъ онъ завѣщаетъ симъ письмомъ, *если будетъ на то милость Государыни Императрицы*, женѣ своей Эльзе Орошиху и усыновленному имъ пасынку 15-ти лѣтнему Тюмень Джиргалану.

Вскорѣ послѣ сего Замьянъ умеръ; оставшійся послѣ него улусъ Губернаторъ Бекетовъ поручилъ, впредь до Высочайшей Государыни Императрицы резолюціи, женѣ его Эльзе Орошиху, а между тѣмъ довелъ до свѣдѣнія высшаго Правительства, что онъ находитъ болѣе прочнымъ и полезнымъ изъять улусъ этотъ изъ владѣльческаго вѣдомства.

Вслѣдствіе сего, въ именномъ Высочайшемъ указѣ, 30 апрѣля 1774 года, данномъ бывшему Астраханскому Губернатору Кречетникову, между прочимъ, было сказано: «надобно «еще разсмотрѣть на какомъ основаніи и съ лучшею пользою «содержимъ быть имѣетъ улусъ, принадлежащій умершему Хо-«шоутовскому владѣльцу Замьяну».

По смерти Эльзе Орошиху, пасынокъ Замьяна, Тюмень Джиргаланъ, былъ назначенъ присутствующими Астраханской Губернской Канцеляріи *въ видѣ Правителя Хошоутовскаго*

улуса, на что согласился и Губернаторъ Кречетниковъ 4-го августа 1774 года.

Впослѣдствіи Тюмень Джиргаланъ, владѣлецъ по отцѣ Деджитѣ, только 315 кибитокъ зюнгарцевъ (хойтовъ, 58 собственныхъ и 257 бывшихъ подвластныхъ Убуши), а по немъ старшій сынъ Сербеджабъ Тюмень *присвоили себѣ право именоваться владѣльцами Хошоутовскаго улуса,* не исключая и части, бывшей во владѣніи родственника Замьяна Теке, мужеское поколѣніе котораго, со смертію сына его Люрупа, совершенно прекратилось. Но изъ дѣлъ не видно, чтобы таковое право было укрѣплено за ними установленнымъ для того порядкомъ, т. е. Высочайшею властію.

На основаніи вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія, Губернаторъ Алексѣевъ хотя и далъ въ 1788 году предложеніе Астраханской Губернской Канцеляріи разсмотрѣть дѣло о правахъ Тюменя на оставшійся послѣ Замьяна улусъ, но когда Канцелярія потребовала отъ нойона Тюменя объ этомъ свѣдѣнія, то онъ отозвался, *что о правѣ владѣнія улусомъ объяснился уже лично съ Губернаторомъ Алексѣевымъ,* и затѣмъ дальнѣйшаго по сему предмету производства въ дѣлѣ не имѣется.

Выше было сказано, что у владѣльца *Теке,* родственника Замьяна, со смертію Люрупа, сыновей не было, а были двѣ дочери изъ которыхъ одна, будучи за мужемъ за Торгоутовскимъ владѣльцемъ Цагалаемъ, получила въ приданое половину подвластныхъ калмыковъ своего отца, а другая, по смерти Теке, сама владѣла остальною половиною. Такъ какъ по смерти Цагалая и дочери Теке, не осталось дѣтей, то Тюмень Джиргаланъ присвоилъ себѣ подвластныхъ имъ калмыковъ. Вслѣдствіе того, Хошоутовскій же нойонъ Убуши въ прошеніи, посланномъ Главноуправляющему на Кавказѣ въ августѣ

1820 года, доказывая права свои на этихъ калмыковъ, писалъ, что Тюмень завладѣлъ ими неправильно. По этому заявленію назначено было слѣдствіе, но Главный Приставъ калмыцкаго народа Кохановъ донесъ, что Убуши не представилъ доказательствъ на право владѣнія тѣми калмыками, и что означенные владѣльцы *примирились, заключивъ между собою полюбовную подписку*.

Губернаторъ Поповъ, донося о томъ же Главноуправляющему, присовокупилъ, что по соображеніи съ дѣлами прежнихъ лѣтъ, Полковникъ Тюмень *едвали имѣетъ законныя права на владѣніе Хошоутовскимъ улусомъ,* почему и полагалъ истребовать отъ него ясныя доказательства; въ противномъ же случаѣ, если таковыхъ у него не окажется, вышеприведенный Высочайшій указъ 30 апрѣля 1774 года остается безъ исполненія. На представленіе это разрѣшенія не послѣдовало.

Затѣмъ, согласно предписанія Главноуправлявшаго Краемъ отъ 9-го сентября 1826 года за № 2914, Коммисія калмыцкихъ дѣлъ, журналомъ 23 октября того же года, поручила Главному Приставу калмыцкаго народа Корсакову, потребовать отъ Полковника Тюменя документы, по коимъ онъ владѣетъ Хошоутовскимъ улусомъ. Тюмень представилъ копіи: 1) съ письма хана Дондокъ-Даши, даннаго въ 1756 году владѣльцу Замьяну; 2) съ протокола Государственной коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, коимъ Тюмень признанъ усыновленнымъ Замьяномъ; и 3) съ объясненія Тюменя Губернскому Стряпчему Сыромятникову объ оставшемся улусѣ послѣ Цагалая. Бумаги эти, по журналу Коммисіи 27 ноября, заключено было представить, вмѣстѣ съ дѣломъ, на разсмотрѣніе суда Зарго; но бумаги эти и дѣло, будучи переданы Приставу хошоутовскаго улуса Харагулову, пропали и нигдѣ не найдены.

Сенаторъ Энгель, командированный по Высочайшему по-

велѣнію въ 1827 году въ Астраханскую губернію для приведенія въ порядокъ калмыцкихъ дѣлъ, вслѣдствіе поданной ему отъ торгоутовскаго владѣльца Боджи Кюбенева прошенія о неправильномъ завладѣніи Тюменемъ упомянутыми калмыками, предписывалъ 25-го октября 1827 года Коммисіи калмыцкихъ дѣлъ, разсмотрѣть это обстоятельство; но Коммисія, согласно журналу 10-го декабря того же года, 28-го января 1828 года донесла Сенатору Энгелю, что дѣла о владѣльцѣ Тюменѣ нигдѣ не оказывается и, судя по донесенію Пристава Семенова, къ розыску его нѣтъ никакихъ средствъ. Между тѣмъ, Надворный Совѣтникъ Солодовниковъ (исправлявшій должность Секретаря Коммисіи Калмыцкихъ дѣлъ), въ донесеніи своемъ Коммисіи отъ 24-го февраля 1828 года за № 334, по этому предмету присовокупилъ, что, по мнѣнію его, не слѣдуетъ дѣлать дальнѣйшихъ настояній о розысканіи дѣла и представленныхъ Тюменемъ трехъ бумагъ, потому что онѣ нисколько не послужатъ къ доказательству правъ, по коимъ фамилія Тюмень получила во владѣніе Хошоутовскій улусъ и калмыковъ послѣ смерти владѣльца Цагалая. Вслѣдствіе того Коммисія вовсе пріостановила свои дѣйствія по этому предмету.

Только спустя нѣсколько лѣтъ, по настоянію уже Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, бывшая Коммисія калмыцкихъ дѣлъ представила свое заключеніе, въ которомъ, согласно съ рѣшеніемъ суда Зарго, признала права владѣнія Хошоутовскимъ улусомъ за фамиліей Тюмень, принявъ въ основаніе своего заключенія: *единственно усыновленіе владѣльцемъ Замьяномъ пасынка его, Тюменя Джиргалана*, какъ обыкновенное въ калмыцкомъ народѣ и непротивное ихъ древнимъ обычаямъ. Заключеніе это, не приводя оное въ исполненіе, Коммисія представила 29-го мая 1829 года за № 214 на благо-

усмотрѣніе г. Управлявшаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, но разрѣшено ли и чѣмъ именно означенное представленіе, изъ дѣла не видно.

Въ 1850 году, по рѣшенію Астраханской Судебной Палаты, признанъ былъ владѣльцемъ этого улуса подполковникъ *Церенъ-Джабъ-Тюменъ*, какъ старшій наслѣдникъ въ родѣ Тюменевыхъ, послѣ умершаго въ 1848 году бывшаго владѣльца дяди его, Сербеджаба Тюмень. По смерти Церенъ-Джаба, послѣдовавшей 15-го мая 1862 года, признанъ въ правахъ владѣльца несовершеннолѣтній его сынъ, юнкеръ казачьяго полка *Церенъ-Надмитъ Тюмень*, до совершеннолѣтія котораго Хошоутовскій улусъ находится въ опекунскомъ управленіи.

Кромѣ этого нойона, къ семейству Тюмень принадлежатъ слѣдующія лица: вдова умершаго нойона Церенъ-Норбо (брата Сербеджаба, бывшаго владѣльца этого улуса) Эльзенъ-Цокъ, ея сынъ Батыка и дочь Цацеликъ; дѣти умершаго сотника (крещенаго) Александра Тюмень (брата Церенъ-Джаба) сынъ Константинъ и дочери: Александра и Елисавета.

—

Въ числѣ лицъ, принадлежащихъ къ сословію калмыцкихъ нойоновъ, кромѣ вышеозначенныхъ трехъ нойоновъ, которымъ подвластны цѣлые улусы, находятся еще такъ называемые *мелкопомѣстные*, т. е. владѣющіе небольшимъ количествомъ кибитокъ, доставшихся имъ по правамъ наслѣдства. Эти нойоны хотя и пользуются такими же правами, какъ и нойоны-владѣльцы улусовъ, но не имѣютъ въ народѣ ровно никакого значенія; въ отношеніи же умственнаго развитія и образа жизни не только не отличаются отъ простолюдиновъ, но даже стоятъ ниже многихъ изъ нихъ. Въ административномъ отношеніи эти нойоны съ ихъ калмыками причислены къ тѣмъ улусамъ, къ которымъ родъ ихъ принадлежитъ по происхожденію.

Въ настоящее время составъ семействъ этихъ мелкопомѣстныхъ нойоновъ слѣдующій:

Въ Хошоутовскомъ улусѣ:

Малолѣтніе: Эрдени, Леджи и Сангаджи, дѣти умершаго нойона Санджи *Батырова* (въ опекунскомъ управленіи).

Въ Багацохуровскомъ улусѣ:

Сыновья умершаго нойона *Буюндукова:* Очиръ и Церенъ, племянники: Улюмджи, Немгиръ и Сарангъ Осоровы.

Въ Мочагахъ:

Лиджи Гаря Табкаевъ, сынъ умершаго нойона Табки *Бѣсняева.* Сангаджи и Бадма *Натыровы,* сыновья умершаго нойона Натыръ *Тогинова.* Дорджи *Гюнгѣевъ* и его сыновья: Лиджи, Гаря и Сангаджи Гаря.

—

Въ прилагаемыхъ при семъ таблицахъ показаны: въ 1-й всѣ вышеупомянутые нойоны и количество принадлежащихъ имъ кибитокъ, согласно переписи народа, произведенной въ концѣ 1868 года; во 2-й количество зайсанговъ: а) управляющихъ аймаками, б) устраненныхъ отъ управленія, в) малолѣтнихъ, имѣющихъ право получить по наслѣдству аймаки, съ показаніемъ числа кибитокъ, принадлежащихъ къ аймакамъ тѣхъ зайсанговъ; и наконецъ 3) количество скота, принадлежащаго семействамъ зайсанговъ.

Таблица I.

ИМЕНА И ФАМИЛИИ НОЙОНОВЪ.	Число принадлежащихъ имъ кибитокъ.
а) Владѣльцы улусовъ.	
1) *Харахусовскаго:* Сотникъ Церенъ Убуши Дугаровъ	2147
2) *Малодербетевскаго:* Церенъ Давидъ Тундутовъ.	7850
3) *Хошоутовскаго:* Церенъ Надмитъ Тюмень.	1851
Итого.	11875
б) Мелкопомѣстные.	
1) Семейство Батырова: сыновья Эрдени, Леджи и Сангаджи . .	88
2) — Буюндукова: сыновья Очиръ и Церенъ.	108
3) — Табкаева: сынъ Лиджи Гаря.	34
4) — Натырова: сыновья Сангаджи и Бадма	10
5) — Гюнгѣевъ съ сыновьями	не имѣетъ.
Итого.	240
А всего.	12115

Таблица II.

ПО УЛУСАМЪ.	Количество зайсанговъ.							
	Управляющихъ аймаками.		Устраненныхъ отъ управленія		Малолѣтнихъ, утвержденныхъ въ правахъ наслѣдства.		Отыскивающихъ права наслѣдства по суду.	
	Зайсанговъ.	Кибитокъ.	Зайсанговъ.	Кибитокъ.	Зайсанговъ	Кибитокъ.	Зайсанговъ.	Кибитокъ.
1) Малодербетевскому . . . . . . (5336 кибитокъ).	38	3687	5	375	11	622	3	652
2) Харахусо-Эрденіевскому . . . . (1972 кибитки).	10	1633	—	—	2	288	1	51
3) Хошоутовскому . . . . (1279 кибитокъ).	7	845	—	—	5	434	—	—
4) Яндыковскому. . . . . (2934 кибит.).	10	694	1	104	10	1776	1	360
5) Икицохуровскому . . . . (2097 кибит.).	21	1429	—	—	7	543	2	125
6) Эркетеневскому . . . . (2154 кибит.).	8	1239	—	—	3	915	—	—
7) Багацохуро-Муравьевскому . . (1794 кибит.).	18	1410	—	—	7	384	—	—
Всего.	112	10937	6	479	45	4962	7	1188

Таблица III.

По улусамъ.	Число Зайсанговъ.	Количество скота, принадлежащаго семействамъ зайсанговъ.				
		Верблюдовъ.	Лошадей.	Рогат. скота.	Овецъ.	Козъ.
1) Малодербетевскому	57	304	4808	2063	9425	33
2) Харахусо-Эрдениевскому	13	61	321	180	1700	25
3) Хошоутовскому.	12	14	73	113	190	20
4) Яндыковскому	22	39	138	170	710	68
5) Икицохуровскому.	30	119	521	297	3621	10
6) Эркетеневскому	11	63	160	79	2000	10
7) Багацохуро-Муравьевскому . . .	25	58	926	413	1813	38
Всего.	170	658	6947	3315	19459	204

IV.

Права калмыковъ на землю, предоставленную имъ въ Астраханской губерніи.

Въ видахъ полнаго и всесторонняго разсмотрѣнія предоставленныхъ калмыцкому народу правъ, указаны въ настоящемъ очеркѣ распоряженія Правительства какъ тѣ, которыя имѣли цѣлію предоставить калмыкамъ пользованіе отведенною имъ территоріею, такъ равно и тѣ мѣропріятія, которыя клонились къ болѣе прочному водворенію на ней калмыковъ.

Изъ предшествовавшихъ очерковъ извѣстно, что калмыки прибыли въ русскія владѣнія въ 1630 году [1]) съ торгоутовскимъ тайшею Хо-Урлюкомъ и, занявъ своими кочевьями степь между рѣками Ураломъ и Волгою, начали дѣлать оттуда набѣги на рускіе города и села, подступая даже, съ тою же цѣлію, къ Астрахани. Не смотря на то, что Астрахань въ то время была оберегаема незначительною *«ратью»*, этой силы было достаточно, чтобы отразить калмыковъ, съ значительнымъ для нихъ урономъ.

Преемники Хо-Урлюка, сыновья его Пунцукъ и другіе, не имѣя возможности силою оружія удержать за собою занятыя степи, вынуждены были принять подданство Россіи.

Между тѣмъ обширность этихъ степей представляла удоб-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. (изд. первое) 1806 г. Т. XXIX, № 22135.

ное и привольное убѣжище для кочевья, вслѣдствіе чего число калмыковъ постепенно увеличивалось новыми пришельцами, которые, по слѣдамъ Хо-Урлюка, переходили изъ Азіи въ Россію значительными партіями и присоединялись къ своимъ соплеменникамъ. Законодательные акты того времени не содержатъ въ себѣ указаній, чтобы калмыкамъ, одновременно съ принятіемъ ихъ въ подданство Россіи, были положительно обозначены границы земель, предоставленныхъ для кочевья, и вслѣдствіе этой неопредѣленности, они свободно занимали всѣ тѣ степныя пространства на луговомъ (лѣвомъ) берегу рѣки Волги, гдѣ не встрѣчали какихъ либо водвореній. Болѣе смѣлые правители этого народа, какъ напр. внукъ тайши Хо-Урлюка, ханъ Аюка, рѣшались даже перекочевывать съ народомъ на нагорную сторону, т. е. на правый берегъ рѣки Волги, представлявшій въ то время одинаково пустынное степное пространство. Не встрѣчая преградъ, калмыки свободно переходили съ одного мѣста на другое, занимая своими кочевьями мѣстности, принадлежащія нынѣ къ губерніямъ: Астраханской, Саратовской, Самарской и Ставропольской, а также къ землѣ Войска Донскаго. Они доходили даже до Азова. Весьма естественно, что такое произвольное распространеніе калмыками своихъ кочевьевъ не могло наконецъ не обратить на себя вниманія Правительства; оно признало необходимымъ указать калмыкамъ предѣлы для ихъ кочевья и отвести земли, съ которыхъ они не должны были уже переходить на другія мѣста.

Первыя распоряженія Правительства въ этомъ отношеніи послѣдовали въ 1687 году, по поводу принятія въ подданство Россіи вышедшаго изъ Зюнгаріи тайши Чаганъ-Батыра, съ подвластными ему калмыками. Въ грамотѣ, даной на имя Боярина Князя В. В. Голицына, относительно отвода калмы-

камъ земель для кочевья на луговой сторонѣ, по р. Ахтубѣ, между прочимъ, было сказано: «а для лучшаго въ томъ дѣлѣ «разсмотрѣнія, посланъ къ тебѣ, ближнему Нашему Боярину «и оберегателю и дворовому воеводѣ, съ сею Нашею Великихъ «Государей грамотою, рѣкамъ Волгѣ и Дону и запольнымъ «рѣчкамъ чертежъ»[1]).

Въ то же время и калмыцкому хану Аюкѣ повелѣно было призвать подвластный ему народъ съ Дона на приволжскія степи и не отдаляться отъ Волги въ другія мѣстности для кочевья. Исполнивъ это распоряженіе и сообразивъ выгоды отъ отведенной земли, ханъ Аюка обязался впослѣдствіи не отходить отъ Волги и воспретить калмыкамъ переходъ съ луговой на нагорную ея сторону. По заключенному же на рѣчкѣ Ахтубѣ, съ Казанскимъ и Астраханскимъ Губернаторомъ Апраксинымъ, 30-го сентября 1708 года договору, Аюка обѣщалъ: «кочевьемъ улусовъ своихъ отъ Волги р. я, Аюка-«ханъ, отходить не буду (ст. 1-я); всѣмъ тамошнимъ вла-«дѣльцамъ, которые были при немъ, ханъ-Аюка сказалъ самъ «и о томъ приказалъ накрѣпко и въ дальные во всѣ улусы «къ тайшамъ подъ смертнымъ страхомъ указы послать хо-«тѣлъ немедленно, чтобы отнюдь никто на нагорную сторону «р. Волги сами владѣльцы не ходили и людей своихъ не по-«сылали» (ст. 3-я)[2]).

Данное обязательство Аюка-ханъ снова подтвердилъ договоромъ, заключеннымъ имъ съ Губернаторомъ Апраксинымъ 5-го сентября 1710 года[3]).

Недовольствуясь кочевьями по волжскому побережью, калмыки начали заниматься рыбнымъ промысломъ и производили

---

[1]) П. С. З. 1687 г., Т. II, № 1245.
[2]) П. С. З. 1708 г. Т. IV, № 2207.
[3]) П. С. З. 1710 г. Т. IV, № 2291.

таковой какъ въ казенныхъ, такъ и откупныхъ водахъ, нарушая тѣмъ порядокъ и причиняя убытки казенному лову и арендаторамъ. Вслѣдствіе того указомъ Правительствующаго Сената 1-го сентября 1737 года предписано было отвести калмыкамъ изъ оброчныхъ водъ для рыболовства удобное мѣсто, «которое для того ихъ удовольствія изъ оброка выключить» [1].

Въ видахъ же прекращенія самовольства калмыковъ и для уменьшенія производимыхъ ими грабежей и воровства скота, указомъ Правительствующаго Сената 4-го іюля 1749 года запрещено имъ было кочевать на устьяхъ рѣчекъ Еруслана и другихъ, съ дозволеніемъ располагаться кочевьями по тѣмъ же рѣчкамъ, но выше устьевъ [2].

Съ 1764 года начинаются попытки къ осѣдлому водворенію калмыковъ на отведенной имъ землѣ. Эти попытки совпадаютъ съ принятыми Императрицею Екатериною II общими мѣропріятіями по колонизаціи свободныхъ казенныхъ земель и вообще устройству сельскихъ обывателей. Судя по архивнымъ актамъ, иниціатива по осѣдлому водворенію калмыковъ принадлежитъ калмыцкому нойону Замьяну, который ходатайствовалъ объ отводѣ ему, вмѣстѣ съ принадлежавшими ему калмыками, земли для поселенія. Вслѣдствіе этого ходатайства, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ представила на Высочайшее усмотрѣніе докладъ, въ которомъ, между прочимъ, разсматривались два главныхъ вопроса: полезно ли будетъ поселеніе цѣлаго калмыцкаго народа, или дозволить это только небольшому числу калмыковъ. Для разрѣшенія этого, въ томъ же докладѣ приводятся слѣдующія соображенія: «калмыцкій народъ, занимая большое пространство приволожскихъ степей и переходя кочевьями съ одного мѣста на другое, служитъ пѣ-

---

[1]) П. С. З. 1737 г. Т. X., № 7359.
[2]) Тамъ же 1749 г. Т XIII, № 9640.

которымъ прикрытіемъ пограничныхъ селъ отъ набѣговъ варварскихъ народовъ, а въ безпрерывномъ передвиженіи по степи находитъ и собственную безопасность отъ нападеній хищниковъ. Напротивъ того, при допущеніи къ поселенію всего калмыцкаго народа, степи могутъ остаться по большей части пустыми и неминуемо сдѣлаются сборищемъ воровъ и грабителей и могутъ послужить впослѣдствіи постояннымъ убѣжищемъ для нихъ». На основаніи этихъ соображеній, поселеніе всего калмыцкаго народа признано было преждевременнымъ и потому Высочайше повелѣно: отвести мѣсто для поселенія на первый разъ только одному владѣльцу Замьяну, назначивъ для сего на нагорной сторонѣ р. Волги урочище, подъ названіемъ *Крымскій Затонъ*, а для постройки домовъ калмыкамъ и на другія надобности при первоначальномъ обзаведеніи, ассигновать Астраханскому Губернатору по 3000 р. въ годъ [1]).

Это былъ первый случай переселенія калмыковъ съ луговой на нагорную сторону р. Волги послѣ двухъ договоровъ 1708 и 1710 г. съ ханомъ Аюкою, и вскорѣ за тѣмъ, именнымъ Высочайшимъ указомъ 14-го августа 1783 г., даннымъ Новоросійскому Генералъ-Губернатору князю Потемкину, было повелѣно перевести Дербетевыхъ калмыковъ на Крымскую степь, т. е. на нагорный или правый берегъ р. Волги [2]).

Спустя болѣе 20 лѣтъ послѣ перехода нойона Замьяна, съ подвластными ему калмыками, для осѣдлаго поселенія на урочищѣ Крымскій Затонъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о заселеніи степи, простирающейся отъ Астрахани до

---

[1]) П. С. З. 1764 г. Т. XVI, № 12198.

[2]) Тамъ же 1783 г. Т. XXI, № 15813. Степи Астраханской губерніи весьма долгое время удерживали слѣдующія названія: лежащія на правомъ берегу р. Волги назывались *Крымскою* степью, а на лѣвомъ—*Ногайскою*.

Кизляра, и объ отводѣ на ней земли татарамъ и всѣмъ желающимъ селиться, въ томъ числѣ и калмыкамъ. Въ 22 пунктѣ Высочайшаго рескрипта, даннаго 9-го мая 1785 года на имя Саратовскаго и Казанскаго Генералъ-Губернатора князя Потемкина, относительно устройства Казанской губерніи и области Астраханской, сказано, между прочимъ: «калмыковъ при-«писать къ улусамъ, по способности ихъ обитанія; стараться «ихъ поселять, одобряя къ тому ихъ начальниковъ, и споспѣ-«шествующихъ къ тому, обнадеживая Нашею Императорскую «милостію, которую Мы, по мѣрѣ заслугъ каждаго, отказать «не отрекемся, пожалованіемъ имъ какъ медалей, такъ и чи-«новъ пристойныхъ». Въ пособіе же желающимъ селиться калмыкамъ повелѣно было выдавать на каждый дворъ по 20 рублей [1]). Вслѣдствіе этихъ распоряженій и перевода значительной части калмыковъ съ лѣвой луговой стороны р. Волги на нагорную, въ видахъ осѣдлаго водворенія, доступъ на эту сторону всѣмъ вообще калмыкамъ сдѣлался свободнѣе и они начали заходить своими кочевьями въ Кавказскую (нынѣ Ставропольскую) губернію. Это обстоятельство подало поводъ къ принятію мѣръ пріохотить и этихъ калмыковъ къ осѣдлой жизни. Такъ въ Высочайшемъ указѣ 18-го марта 1786 года на имя Генералъ-Губернатора князя Потемкина, между прочимъ, было сказано: «Распоряженія Ваши о поселеніи калмы-«ковъ, въ губерніи Кавказской пребывающихъ, и объ отводѣ «имъ земли въ собственность, Мы пріемлемъ за благо». [2]) Въ томъ же 1786 году, по поводу зачисленія Дербетевыхъ улусовъ въ казенное вѣдомство, Высочайшимъ указомъ 30 апрѣля на имя князя Потемкина, снова подтверждалось, чтобы онъ

---

[1]) П. С. З. 1785 г. Т. XXII, № 16194.
[2]) П. С. З. 1786 г., Т. XXII, № 16355.

всемѣрно старался поселять калмыковъ, ободряя ихъ къ тому выгодами и пособіями [1]).

Такимъ образомъ Правительство, въ продолженіе слишкомъ 20 лѣтъ, высказывало при каждомъ удобномъ случаѣ мысль о необходимости исподоволь водворять калмыковъ на отведенной имъ землѣ; но всѣ попытки, сдѣланныя по этому предмету, не имѣли успѣха. Правда, въ дѣлахъ архива Калмыцкаго Управленія сохранились указанія, что калмыки цѣлыми аймаками заявляли желаніе приступить къ осѣдлому водворенію. Такъ напр., въ проѣздъ правителя Кавказскаго намѣстничества Статскаго Совѣтника Алексѣева, изъ Астрахани чрезъ калмыцкія кочевья, зайсанги и калмыки, въ числѣ 400 кибитокъ, подали ему прошеніе о поселеніи ихъ на удобныхъ мѣстахъ домами, на что и послѣдовало отъ Правительствующаго Сената разрѣшеніе 25-го августа 1788 года [2]). Но во всѣхъ подобныхъ заявленіяхъ едвали можно видѣть хотя долю искренняго желанія перейти отъ кочевой жизни къ осѣдлой. Вѣрнѣе всего слѣдуетъ допустить, что въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ имъ подобныхъ, калмыки руководились главнымъ образомъ мыслью получить въ свое распоряженіе лучшія земли, денежныя пособія и награды. Доказательствомъ справедливости этого предположенія могутъ служить подобнаго рода заявленія, послѣдовавшія въ нынѣшнемъ столѣтіи, а равно и то, что до настоящаго времени отъ всѣхъ попытокъ калмыковъ перейти къ осѣдлой жизни не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Выше было замѣчено, что Правительство, предоставляя калмыкамъ кочевать на луговой сторонѣ р. Волги, имѣло въ виду, что этотъ народъ безпрерывными своими передвиженіями по степямъ будетъ прикрывать отъ набѣговъ хищниковъ

---

[1]) П. С. З. Т. XXII, № 16387.

[2]) П. С. З. 1788 г. Т. XXII, № 16703.

осѣдлыя водворенія, расположенныя по берегамъ этой рѣки. Но какъ со времени послѣднихъ договоровъ хана Аюки съ Губернаторомъ Апраксинымъ калмыцкимъ улусамъ была предоставлена возможность свободнаго перехода на нагорную сторону, то мало по малу калмыцкій народъ, пользуясь здѣсь относительно лучшими пастбищами, перекочевалъ на правый берегъ, оставивъ заволжье безъ всякой защиты отъ нападеній киргизовъ, которые дѣйствительно и воспользовались отсутствіемъ калмыковъ, приходили большими партіями изъ за Урала и неоднократно производили здѣсь грабежи и опустошенія. Обстоятельство это выпудило Генералъ Губернатора Гудовича просить разрѣшенія о переводѣ калмыковъ обратно на луговую сторону. Вслѣдствіе того, на имя Гудовича, послѣдовалъ 19-го апрѣля 1783 года именной Высочайшій указъ, въ 3 пунктѣ котораго сказано: «Переводъ калмыковъ съ на«горной стороны Волги на луговую признаемъ Мы полезнымъ, «въ разсужденіи собственной ихъ выгоды, *обузданія Киргиз «цовъ* и сбереженія казны отъ лишнихъ расходовъ, на содер«жаніе стражи употребляемыхъ, почему и желаемъ, чтобы Вы «усугубили стараніе склонить большую ихъ часть на таковой «переходъ» [1]).

Появленіе киргизовъ, около описываемаго времени, небольшими партіями на обширныхъ и свободныхъ степяхъ между р. Волгою и Яикомъ было только началомъ занятія этой степи киргизами.

Существовавшие въ киргизкихъ ордахъ, кочевавшихъ за Ураломъ, безпорядки, неустройства и постоянная вражда между отдѣльными владѣльцами (султанами), вынудили одного изъ нихъ, Букея, отдѣлиться съ подвластнымъ ему народомъ, отъ

¹) П. С. З. 1793 г. Т. XXIII, № 17118.

Большой орды и перекочевать на свободныя степи луговой стороны р. Волги, издавна уже привлекавшія киргизовъ своими обильными пастбищами и удобными мѣстами для «тебеневки», т. е. зимовки скота на подножномъ кормѣ.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія, султанъ Букей прикочевалъ на эти степи съ подвластными ему киргизами, а въ 1801 году, получивъ, вслѣдствіе ходатайства Астраханскаго Военнаго Губернатора Кнорринга, Высочайшую грамоту, разрѣшавшую ему кочевать между рѣками Волгою и Ураломъ, устроилъ осенью того же года свою ставку на урочищѣ *Нарынъ-пескахъ*, гдѣ она находится и до настоящаго времени.

Такимъ образомъ занятіе киргизами степи луговой стороны р. Волги окончательно отняло у калмыковъ возможность пользоваться этою степью. Вслѣдствіе этого, калмыки заняли своими кочевьями всю степь нагорнаго (праваго) берега Волги и часть Ставропольской губерніи; только одинъ Хошоутовскій улусъ кочевалъ лѣтомъ на луговой сторонѣ и часть калмыковъ переходила на *общее очередное кочевье*, нынѣ совершенно ими оставленное по неудобству и отдаваемое въ арендное содержаніе киргизамъ, въ пользу общественнаго калмыцкаго капитала.

Затѣмъ, вслѣдствіе ходатайства послѣдняго намѣстника калмыцкаго хана Чучея тайши Тундутова объ отводѣ калмыкамъ земель и указанія имъ границъ для кочевья, послѣдовалъ указъ Императора Павла, данный 27 сентября 1800 года Правительствующему Сенату. Въ этомъ указѣ, между прочимъ, сказано, что: «Калмыцкимъ Малаго и Большаго Дербета владѣльцамъ «и другимъ калмыцкихъ же ордъ владѣльцамъ и чиновникамъ, «съ народомъ ихъ, въ Астраханской губерніи кочующимъ, Все«милостивѣйше жалуемъ во владѣніе всѣ тѣ земли отъ Цари«цына по рѣкамъ: Волгѣ, Сарпѣ, Салу, Манычу, Кумѣ и

«взморью, и словомъ всѣ тѣ мѣста, на коихъ до ухода за границу калмыки имѣли кочевье свое, исключая тѣхъ, кои по «уходѣ именными указами пожалованы» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось Сенату, сочинивъ на оныя грамоту, поднесть ея къ подписанію. Эта грамота выдана калмыцкому народу, въ томъ же году [2]).

По вступленіи на престолъ Императора Александра I, вслѣдствіе ходатайства того-же Чучея тайши Тундутова, послѣдовалъ 26 октября 1801 года указъ на имя Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, которымъ утверждены всѣ присвоенные калмыцкому народу права и преимущества, «во всей силѣ ихъ и неприкосновенности [3]).

Но какъ за уходомъ калмыковъ въ китайскія владѣнія осталось ихъ весьма немного, а между тѣмъ «земель прежде во «владѣніи ихъ находившихся, не смотря, что многія изъ нихъ «розданы и заселены, кочевьями своими калмыкамъ занять не «можно», то 1-мъ пунктомъ указа, даннаго Сенату 28 апрѣля 1802 года, Высочайше повелѣно: «отвести имъ отъ Царицы-«на до береговъ Каспійскаго моря количество земли *нужное* «для пастьбы стадъ и табуновъ ихъ», съ тѣмъ, (пунктъ 3-й) чтобы «на земляхъ, калмыкамъ отведенныхъ, угодія, какъ-то: «луга, сѣнокосы, лѣса и прочее, имъ предоставить, отдаляя «всякое постороннихъ людей къ нимъ притязаніе [4]).

На основаніи этого Высочайшаго повелѣнія, всѣ распоряженія о нарѣзкѣ земли калмыкамъ возложены были на Главноуправляющаго въ Грузіи, князя Цыціанова. Въ 1-мъ пунктѣ

---

[1]) П. С. З. 1800 г. Т. XXVI, № 19575.
[2]) П. С. З. 1800 г. Т. XXVI, № 19599.
[3]) Тамъ же, № 20037.
[4]) П. С. З. 1802 г. Т. XXVII, № 20248.

указа, даннаго ему по сему предмету 12 іюня 1803 года [1]), сказано: «земель въ томъ пространствѣ, въ какомъ назначены «они были калмыкамъ въ указѣ 27 сентября 1800 года, от«дать имъ никакъ не можно», а потому поручено князю Циціанову: 1) вразумить калмыковъ и приготовить ихъ къ тому, чтобы они безропотно могли принять тѣ распоряженія, кои сдѣланы къ отводу имъ земель въ уменьшенномъ размѣрѣ; 2) собрать свѣдѣнія, сколько понадобится калмыкамъ земли для пастбищъ и перемѣны кочевья, сообразно временамъ года, и нарѣзавъ сію землю въ мѣстахъ для нихъ удобныхъ, означить ее чертами по урочищамъ; 3) учредить мѣста прогоновъ калмыцкаго скота къ Волгѣ на водопои; 4) такъ какъ съ отводомъ земли калмыкамъ по нагорной сторонѣ Волги, предписано было нарѣзать землю и для киргизовъ, между Ураломъ и Ахтубою, то Ахтубу опредѣлить границею для киргизовъ, а Волгу назначить предѣломъ для калмыковъ, такъ, чтобы земли между этими двумя рѣками могли оставаться свободными для заселенія, за исключеніемъ изъ нихъ мѣстъ для кочевья владѣльца Тюменя, который давно уже расположился здѣсь съ подвластными ему калмыками и завелъ хорошее хозяйство, и 5) въ заключеніе повелѣно князю Циціанову: «По симъ глав«нымъ объ отводѣ калмыцкихъ земель правиламъ, положивъ «на мѣрѣ все то, что мѣстнымъ познаніемъ и сообразнѣйшимъ «вами признано будетъ, вы не оставите представить на Мое «утвержденіе».

Князь Циціановъ, исполнивъ возложенное на него Высочайшимъ указомъ порученіе, объ отводѣ земель калмыкамъ и другимъ народамъ, кочующимъ въ губерніяхъ: Астраханской, Кавказской (Ставропольской), и частію Саратовской, представилъ подробныя по этому предмету соображенія.

---

[1]) П. С. З. 1803 г. Т. XXVII, № 20,793.

На основаніи этихъ представленій и согласно отзыву по нимъ Астраханскаго Гражданскаго Губернатора, было составлено въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ положеніе объ отводѣ земель для кочевья инородцамъ. Это положеніе, получивъ Высочайшее утвержденіе, было препровождено, при именномъ указѣ 19 мая 1806 года [1]), въ Правительствующій Сенатъ, для приведенія въ исполненіе.

Этимъ положеніемъ, служащимъ руководствомъ и до настоящаго времени, было предоставлено калмыцкому народу:

§ 1-мъ. Нагорная степь для общаго кочевья всего народа, отъ р. Волги на западъ, лежащая и ограничивающаяся, съ одной стороны дачами помѣщиковъ, казачьими и казенныхъ поселянъ, съ другой Каспійскимъ моремъ и рѣкою Кумою, до селенія Владиміровскаго [2]) и оттуда до р. Маныча, а отъ оной рубежемъ земель Войска Донскаго, до предѣловъ владѣнія селеній Чапурниковъ и Цацы [3]).

§ 2-мъ. Дабы доставить всѣмъ вообще калмыкамъ еще болѣе способовъ къ улучшенію ихъ состоянія, дозволять ежегодно одному изъ владѣльцевъ, по очереди, переходить лѣтомъ за рѣку Волгу, въ Енотаевскомъ уѣздѣ, близь села Никольскаго и деревни Пришибъ, прямо противъ горы Богдо, въ степь до Баскунчатскаго солянаго озера, а отъ онаго къ дачѣ вла-

---

[1]) П. С. З. 1806 г. Т. XXIX, № 22,135.

[2]) Въ 1860 году, при разграниченіи губерній Астраханской отъ Ставропольской, новая граница проведена по срединѣ Манычской долины и далѣе по суходолу и притоку р. Кумы, Гуйдуку до берега Каспійскаго моря. Это разграниченіе губерній, послѣдовавшее по Высочайшему повелѣнію, было признано необходимымъ во избѣжаніе постоянныхъ столкновеній, происходившихъ между калмыками и магометанскими народами, кочующими въ Ставропольской губерніи (П. С. З. II изд. 1860 г. II отд. Т. XXXV, № 35,556).

[3]) Въ 1806 году, при разграниченіи губерній Саратовской отъ Астраханской, эти селенія отошли къ послѣдней и, вслѣдствіе этого, сѣверные предѣлы степи опредѣлены границами колоніи Сарепты.

дѣльца Тюменя, кочующаго постоянно на луговой сторонѣ рѣки Волги.

§ 3-мъ. Такъ какъ одно изъ главныхъ неудобствъ въ настоящемъ расположенiи кочевья калмыковъ, состоитъ въ недостаткѣ водопоевъ, къ коимъ путь пресѣкается расположенными вдоль береговъ р. Волги дачами помѣщиковъ и казенныхъ крестьянъ, то, дабы доставить калмыкамъ удобство пользоваться водопоями, положено нарѣзать имъ въ сихъ дачахъ, гдѣ удобнѣе и безобиднѣе для поселянъ, необходимые прогоны къ Волгѣ, владѣльцамъ же дачь, изъ коихъ вырѣзана будетъ земля для этихъ прогоновъ, взамѣнъ того, отвести въ калмыцкой степи столько десятинъ земли, сколько для прогоновъ у нихъ взято будетъ. Такiе же прогоны и на такомъ же основанiи сдѣлать и по другимъ рѣкамъ, гдѣ окажется это необходимымъ.

§§ 4 и 5-мъ. Оброчныя статьи въ нагорной сторонѣ и всѣ угодья на земляхъ и прогонахъ предоставить въ пользу калмыковъ.

§ 7-мъ. Сверхъ пространства земли, въ § 1-мъ означеннаго, дозволяется Дербетевскому улусу, по многолюдности его, кочевать и за Манычемъ по р. Калаусу до большаго Егорлыка.

§ 9-мъ. Дозволяется калмыкамъ имѣть зимовку на тѣхъ мочагахъ, кои не состоятъ ни въ чьемъ частномъ владѣнiи.

§ 10-мъ. Кромѣ этихъ мѣстъ, владѣльцы и казенные поселяне должны были отвести калмыкамъ въ займищныхъ ихъ дачахъ мѣста для зимняго ихъ кочевья, а селенiямъ по Волгѣ какъ казеннымъ, такъ и помѣщичьимъ, взамѣнъ впуска калмыковъ въ ихъ займищныя мѣста, назначено пользоваться по нагорной сторонѣ, въ степь, береговою полосой отъ 10 до 15

верстъ ширины, для запашки и выгоновъ скота на пастьбу во время половодья [1]).

§ 17-мъ. Мѣсто близь Астрахани, именуемое калмыцкимъ базаромъ, утвердить за калмыками.

Послѣ бѣгства калмыковъ въ 1771 году изъ Россіи въ китайскія владѣнія, оставленныя ими земли заняты были самовольно разнаго званія скотоводами, въ томъ числѣ и Астраханскими армянами, гдѣ они много лѣтъ послѣ того разводили и выпасывали свой скотъ безпрепятственно; но калмыки, получивъ опредѣленныя права на земли, предоставленныя имъ вышеозначеннымъ указомъ 19 мая 1806 года, стали вытѣснять постороннихъ лицъ изъ своихъ степей и вызвали этимъ ходатайство со стороны армянъ о дозволеніи имъ, по прежнему, кочевать вмѣстѣ съ калмыками. Вслѣдствіе сего, Высочайше утвержденнымъ 3 апрѣля 1828 года положеніемъ Комитета Министровъ, указано, что какъ «дозволеніе постороннимъ «лицамъ кочевать съ калмыками противно правамъ, коими сіи «послѣдніе пользуются», то, «Армянамъ и прочимъ людямъ, «имѣющимъ скотоводство на калмыцкихъ земляхъ, дальнѣйшее «пребываніе на оныхъ воспретить» [2]).

Вслѣдъ за тѣмъ, именно 21 апрѣля 1828 года, пожалована калмыцкому народу Высочайшая грамота о томъ, что жалованныя ему до того времени права и преимущества подтверждаются «во всей ихъ силѣ и неприкосновенности» [3]).

По представленію Астраханскаго Военнаго Губернатора, генералъ-маіора Тимирязева, объ отдачѣ калмыцкихъ излишнихъ земель въ оброчное содержаніе и о выдачѣ вырученныхъ за нихъ денегъ въ пособіе бѣднѣйшимъ калмыкамъ, пострадав-

---

[1]) Въ настоящее время, эта полоса ограничена десятиверстнымъ пространствомъ.

[2]) П. С. З. (изд. второе) 1828 г., Т. III, № 1912.

[3]) Тамъ же, № 1976.

*

шимъ отъ потери своего скота во время жестокихъ зимъ и болѣзней, Высочайше утвержденнымъ 23 февраля 1837 года положеніемъ Комитета Министровъ, разрѣшено: отдачу въ аренду излишнихъ калмыцкихъ земель «допустить, въ видѣ «временной мѣры, до толѣ, пока улучшеніе собственнаго ско- «товодства калмыковъ и возстановленіе самаго благосостоянія «ихъ, мѣру сію сдѣлаетъ не нужною», съ тѣмъ, чтобы деньги, поступающія за содержаніе оброчныхъ статей, «опредѣлить «на пособіе раззореннымъ несчастными случаями калмыкамъ, «покупкою для нихъ рогатаго скота» [1]).

Именнымъ указомъ 28 мая 1839 года, объявленнымъ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта Военнымъ Министромъ, повелѣно: «строжайше воспретить поселеніе на калмыцкихъ «земляхъ казеннымъ крестьянамъ и вообще выходцамъ изъ «внутреннихъ губерній, какому бы вѣдомству они не принад- «лежали» [2]).

Такимъ образомъ, обширныя степныя пространства, предоставленныя калмыцкому народу, ревниво оберегались отъ водворенія на нихъ постороннихъ лицъ, не смотря даже на то, что въ продолженіе двухъ столѣтій калмыками не было положено даже началъ осѣдлости. Между тѣмъ пустынность степи, посѣщаемой только въ извѣстныя времена года кочевниками, да, наконецъ, самое пребываніе этой бродячей массы въ степи, всегда представляли опасность для проѣзда по ней, вынуждая Правительство принимать различныя мѣры; какъ напр.: устройство пикетовъ и кордонныхъ линій вдоль торговыхъ трактовъ.

[1]) П. С. З. (изд. второе) 1837 года, I отд. Т. XII, № 9962. Деньги, выручаемыя въ настоящее время за отдачу въ оброчное содержаніе свободныхъ калмыцкихъ земель, поступаютъ въ общественный капиталъ народа, имѣющій между прочимъ назначеніе поддерживать хозяйство и благосостояніе калмыковъ.

[2]) П. С. З. (изд. второе) 1839 г., I отд. Т. XIV, № 13384.

Но всѣ эти предосторожности, неся характеръ лишь временныхъ мѣръ, не могли служить достаточною гарантіею для безопаснаго и спокойнаго проѣзда по степи, занимающей обширную площадь, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, и потому было приступлено къ заселенію главныхъ торговыхъ трактовъ, пролегающихъ чрезъ калмыцкую степь.

Для этой цѣли на избранныхъ въ Астраханской губерніи 28-ми участкахъ подъ поселенія, было предположено водворять въ каждомъ по 50-ти семействъ русскихъ крестьянъ, вызванныхъ большею частію изъ малоземельныхъ внутреннихъ губерній, и столько же семействъ калмыковъ, въ видахъ пріученія послѣднихъ къ осѣдлой жизни. По докладу Министра Государственныхъ Имуществъ, на предположеніе это послѣдовало Высочайшее соизволеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утверждена 30-го декабря 1846 года Инструкція о заселеніи дорогъ, пролегающихъ чрезъ калмыцкія земли. Назначено было отводить желающимъ водворяться въ степи лицамъ привиллегированныхъ калмыцкихъ сословій: нойонамъ-владѣльцамъ по 1,500 десятинъ, зайсангамъ аймачнымъ по 400 десятинъ и безаймачнымъ по 200 десятинъ на каждое семейство; крестьянамъ же и калмыкамъ - простолюдинамъ въ надѣлъ по 30 десятинъ на каждую душу мужескаго пола [1]).

При содѣйствіи владѣльцевъ, правителей улусовъ и зайсанговъ болѣе 500 кибитокъ калмыковъ изъявили желаніе приступить къ поселенію; но послѣдствія доказали, что намѣреніе это было неискреннее, или покрайней мѣрѣ необдуманное: изъ всѣхъ 500 семействъ, объявившихъ желаніе водвориться осѣдло, въ настоящее время нѣтъ ни одного поселившагося. Вслѣдствіе этого неудавшагося опыта, водвореніе калмыковъ

---

[1]) П. С. З. (изд. второе) 1846 г. II отд. Т. XXI, № 20758.

при селеніяхъ было пріостановлено, а на отведенныхъ для нихъ участкахъ дозволено селить русскихъ крестьянъ, которые, при помощи дарованныхъ имъ льготъ и достаточнаго надѣла землею, быстро заняли всѣ свободныя мѣста.

Вновь изданнымъ положеніемъ объ управленіи калмыцкимъ народомъ, Высочайше утвержденнымъ 23 апрѣля 1847 года [1]), были указаны слѣдующія правила относительно земель, предоставленныхъ калмыцкому народу:

1) Земли, отведенныя калмыкамъ отъ казны, считать состоящими у нихъ *на правахъ общаго пользованія* (§ 6 положен.).

2) Распредѣленіе земель между калмыками для кочевья, производить по-улусно, *кромѣ мочаговъ и калмыцкаго базара*, которые предназначаются для общаго кочевья и пользованія калмыковъ всѣхъ вообще улусовъ (§ 7).

3) Близь соляныхъ озеръ, на которыхъ производится разработка соли, и около дорогъ, по которымъ производится перевозка оной, калмыкамъ воспрещено кочевать или пасти свой скотъ (§ 8).

4) Корневымъ лѣсомъ, растущимъ на земляхъ, отведенныхъ калмыкамъ, они могутъ пользоваться, но неиначе какъ съ дозволенія мѣстнаго начальства (§ 9).

5) По праву пользованія землями, калмыки могутъ на отведенныхъ имъ земляхъ строить дома, учреждать фабрики и заводы, разводить сады, лѣса, огороды, упражняться въ хлѣбопашествѣ и пользоваться всѣми угодьями, но въ рыболовныхъ водахъ, отдаваемыхъ въ арендное содержаніе, дозволяется только ловить бреднемъ, не болѣе 10-ти саженной мѣры, въ указанныхъ мѣстахъ одну чистяковую рыбу, и притомъ для собственнаго употребленія, а отнюдь не на продажу (§ 10).

---

[1]) П. С. З. 1847 г. I отд. Т XXII, № 1144.

6) Лицамъ посторонняго вѣдомства воспрещено, безъ дозволенія Правительства, селиться на отведенныхъ калмыкамъ земляхъ и впускать для пастьбы свой скотъ или оставлять оный, для прокормленія, у калмыковъ послѣ покупки (§ 11).

7) Улуснымъ управленіямъ вмѣнено въ обязанность имѣть попеченіе, чтобы предоставленныя въ пользованіе калмыцкому народу казенныя земли и угодья не подвергались неправильному пользованію постороннихъ лицъ (§ 228 положенія).

8) Палатѣ Государственныхъ Имуществъ (въ вѣдѣніи коей находились калмыки) было поручено также наблюдать (§ 229 положенія), чтобы люди посторонняго вѣдомства не селились самовольно на калмыцкихъ земляхъ, не пасли на нихъ скота своего и не оставляли купленнаго у калмыковъ на прокормленіи у нихъ же, кромѣ времени, нужнаго для прогона черезъ улусы, для чего положено не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Этимъ положеніемъ еще болѣе оберегается степь отъ самовольныхъ вторженій на нее постороннихъ лицъ, что строго соблюдается и до настоящаго времени.

Между тѣмъ опытъ убѣдилъ, что водворять калмыковъ вмѣстѣ съ крестьянами и требовать отъ нихъ правильнаго веденія сельскаго хозяйства положительно немыслимо. И въ самомъ дѣлѣ, трудно требовать отъ кочеваго народа сразу перейти отъ сроднаго ему по характеру занятія скотоводствомъ къ земледѣлію, неизбѣжному при тѣхъ условіяхъ осѣдлой жизни, къ которой его желали привлечь. Еще менѣе можно было бы расчитывать на успѣхъ пріученія калмыковъ къ осѣдлой жизни, водворяя ихъ вмѣстѣ съ русскими крестьянами. Послѣдніе, какъ болѣе развитые, весьма понятно эксплуатировали бы калмыковъ и не сближаясь съ ними ни по понятіямъ, ни по религіи, избѣгали бы сообщества калмыковъ, какъ народа, у

котораго отсутствіе понятій о чистотѣ и опрятности бросаются въ глаза на каждомъ шагу.

Требовать отъ калмыковъ прочной осѣдлости, въ томъ видѣ, какъ привыкли ее понимать, немыслимо; кочевой ихъ бытъ хотя и составляетъ въ настоящее время аномалію среди окружающаго осѣдлаго населенія; но для степняковъ, имѣщихъ большое скотоводство, кочевка или перегонъ скота для пастьбы представляется, въ извѣстныхъ размѣрахъ, необходимымъ условіемъ, потому что при недостаткѣ въ степи сѣнокосовъ, калмыки не имѣютъ возможности заготовлять необходимое количество сѣна для содержанія своихъ стадъ, и, вслѣдствіе этого, вынуждены держать ихъ большую часть года на подножномъ кормѣ.

Очевидно, что болѣе раціональною мѣрою относительно прикрѣпленія калмыковъ къ предоставленной имъ землѣ, должно быть устройство ихъ степнаго хозяйства на такихъ началахъ, которыя могли бы пріучить народъ къ постепенному переходу отъ кочевой бродячей жизни, къ осѣдлой, въ извѣстныхъ впрочемъ предѣлахъ.

При общинномъ пользованіи калмыковъ предоставленною имъ степью, осуществленіе подобной мѣры положительно не возможно, потому что какъ бы не была правильно распредѣлена степь между улусами, какіе бы не были введены строгіе порядки въ отношеніи кочевокъ, ничто не можетъ служить гарантіею для безобиднаго пользованія пастбищами. Право сильнаго будетъ невольно проявляться на каждомъ шагу. И можетъ ли хозяинъ-скотоводъ, устроившій свое степное хозяйство, быть увѣреннымъ, что онъ будетъ пользоваться избраннымъ имъ участкомъ постоянно?

Руководствуясь этимъ взглядомъ, Министерство Государственныхъ Имуществъ, въ 1862 году, разрѣшило отводъ калмыкамъ для устройства степнаго ихъ хозяйства, участковъ земли, въ

размѣрахъ: нойонамъ по 1,500 десятинъ, зайсангамъ аймачнымъ по 400 и безаймачнымъ по 200 десятинъ на семейство, а для калмыковъ-простолюдиновъ принята норма надѣла на каждую душу мужескаго пола отъ 30 до 60 десятинъ, смотря по удобству избираемой мѣстности [1]).

Участки отводятся такимъ образомъ, чтобы зайсангъ и всѣ калмыки его аймака находились въ одномъ мѣстѣ, съ непремѣннымъ условіемъ, въ теченіе года, приступить къ устройству хозяйственныхъ заведеній, преимущественно базовъ или загоновъ для скота; въ противномъ случаѣ отведенный участокъ предоставляется другимъ калмыкамъ.

До 1-го января 1869 года отведено на этомъ основаніи изъ калмыцкой степи:

	Десятинъ.		
	Удобн.	Неудоб.	Итого.
Нойону владѣльцу Малодербетевскаго улуса	1500	1053 д. / 100 с.	2553 д. / 100 с.
13-ти Зайсанговъ аймачнымъ .	5200	404302 д. / 1836 с.	706567 д. / 1836 с.
35-ти безаймачнымъ	7000		
7070 калмыкамъ - простолюдинамъ	290065		
А всего .	303767	405355 д. / 1936 с.	709120 д. / 1936 с.

Хотя въ настоящее время довольно трудно вывести окончательное заключеніе о совершенномъ успѣхѣ предпринятой мѣры, но уже и теперь можно отчасти судить, что она должна принести пользу народу, поддержавъ его благосостояніе. По

[1]) Предписаніе Перваго Департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ 19 января 1862 года № 1195, по IV отд.

произведенному, въ 1868 году, осмотру отведенныхъ участковъ особо составленною для того Коммисіею оказалось, что на нихъ построено уже очень много деревянныхъ и изъ землянаго (глинобитнаго) кирпича домовъ, для собственнаго жилья калмыковъ, и загоновъ, для охраненія въ зимнее время скота погибавшаго прежде въ громадномъ количествѣ отъ недостатка убѣжища. На участкахъ заготовляется калмыками на зиму кормъ для скота и топливо и, кромѣ того, въ большемъ порядкѣ содержатся копани или худуки; явились даже проживавшіе прежде въ русскихъ селеніяхъ мастеровые изъ калмыковъ, которые принялись за устройство базовъ и землянокъ своимъ сородцамъ степнякамъ. Изъ нихъ, напримѣръ, одинъ (въ Икицохуровскомъ улусѣ) оказался мастеромъ на всѣ руки: онъ и архитекторъ, и столяръ, и печникъ, и маляръ, и стекольщикъ. Подъ его руководствомъ, построено множество домовъ, землянокъ и загоновъ. Чтобы пріохотить еще болѣе калмыковъ къ устройству помѣщеній для скота въ зимнее время, Главный Попечитель народа предложилъ премію въ 100 рублей тому изъ хозяевъ-скотоводовъ, который устроитъ лучшій загонъ изъ мѣстныхъ матеріаловъ.

Устроивъ свой скотъ на зиму, калмыкъ непремѣнно строитъ для себя землянку, что̀ обходится дешевле войлочной кибитки, а затѣмъ, обжившись и привыкнувъ къ мѣсту, обзаведется всѣми хозяйственными постройками, необходимыми въ его быту. Основываясь на этихъ опытахъ, можно ожидать, что калмыки постепенно перейдутъ къ осѣдлой жизни и будутъ благоразумно пользоваться предоставленнымъ имъ громаднымъ степнымъ пространствомъ, заключающимъ въ себѣ собственно въ пользованіи калмыковъ 7,391,290 десятинъ 407 саженъ и, кромѣ того, 356,749 дес. 1,260 саж. излишней для нихъ земли, отдаваемой въ арендное содержаніе.

При этомъ необходимо имѣть въ виду, что по мѣрѣ устройства калмыками степнаго своего хозяйства, засвидѣтельствованнаго надлежащимъ образомъ, можно будетъ примѣнять къ нимъ мѣру, предоставленную государственнымъ крестьянамъ, т. е. *выдавать желающимъ владѣнныя записи на отведенные имъ участки, изъ степи, предоставленной для общаго пользованія всего калмыцкаго народа.*

V.

Общественное устройство и статистическія свѣдѣнія о состояніи калмыковъ Астраханской губерніи.

Основаніемъ общественнаго устройства калмыковъ служитъ *хотонъ,* т. е. группа близко родственныхъ семей, нераздѣльно кочующихъ на извѣстной мѣстности. Хотоны родственные между собою, хотя и въ дальней степени, составляютъ *аймаки,* нѣсколько аймаковъ - *роды* (анги), неимѣющіе впрочемъ особеннаго общественнаго значенія. Наконецъ, союзъ нѣсколькихъ родовъ и аймаковъ составляетъ—*улусъ.*

Въ административномъ отношеніи, калмыки раздѣлены на семь улусовъ, а именно: 1) Малодербетевскій, 2) Хошоутовскій, 3) Харахусо-Эрденіевскій, 4) Яндыковскій, 5) Икицохуровскій, 6) Багацохуровскій, 7) Эркетеневскій.

Изъ нихъ первые три *владѣльческіе,* а послѣдніе четыре *казенные.*

Калмыки Астраханской губерніи подчинены вѣдѣнію Министерства Государственныхъ Имуществъ. Главное мѣстное управленіе находится въ городѣ Астрахани, при губернскомъ управленіи Государственными Имуществами. Управляющему сими имуществами, въ качествѣ мѣстнаго начальника калмыковъ, присвоено званіе «*Главнаго Попечителя калмыцкаго народа*».

Каждый улусъ управляется попечителемъ, имѣющимъ одного

или двухъ помощниковъ, кромѣ Икицохуровскаго улуса, который, находясь въ завѣдываніи помощника попечителя, въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ присоединенъ къ Яндыковскому улусу.

Въ улусахъ казенныхъ изъ числа зайсанговъ избирается Главнымъ Попечителемъ *правитель улуса*, который утверждается въ этой должности Министромъ Государственныхъ Имуществъ; *во владѣльческихъ* же обязанность правителя исполняетъ *владѣлецъ*, а за устраненіемъ его или малолѣтствомъ— *опекунъ улуса*, избираемый на улусномъ сходѣ.

Правитель улуса, владѣлецъ или опекунъ служатъ посредниками между Правительствомъ и народомъ; кромѣ того, они предсѣдательствуютъ въ *улусномъ судѣ* (Зарго) [1]), членами коего состоятъ: попечитель улуса, его помощникъ и два засѣдателя изъ калмыковъ, по выбору общества.

Канцелярію улуснаго управленія и Зарго составляютъ: письмоводитель, писецъ, переводчикъ и толмачъ.

При Главномъ управленіи и въ городахъ: Черномъ-Яру и Енотаевскѣ, находятся, для защиты правъ калмыковъ, особые депутаты, избираемые на три года представителями народа изъ владѣльцевъ и зайсанговъ.

Кромѣ шести улусныхъ управленій состоятъ въ завѣдываніи особыхъ попечителей два отдѣльныя управленія: *Мочаги* и *Калмыцкій базаръ*.

Мочагами называется часть калмыцкой степи, прилегающая къ волжской дельтѣ и сѣверозападному берегу Каспійскаго моря. Эта мѣстность служитъ пріютомъ для бѣднѣйшихъ калмыковъ всѣхъ улусовъ; отсюда они нанимаются въ работы по рыболовству, ломкѣ соли на озерахъ и другія.

[1]) Зарго составляетъ первую судебную инстанцію, вторую Астраханская Судебная Палата. Калмыки судятся по русскимъ законамъ.

Калмыцкій базаръ находится въ 7 верстахъ отъ Астрахани, на правомъ берегу р. Волги, между селеніями Карантиннымъ и Солянкою. На этотъ пунктъ калмыки ближайшихъ улусовъ пригоняютъ свой скотъ, для продажи городскимъ промышленникамъ, и заключаютъ контракты при наймѣ въ разныя работы; для содѣйствія же калмыкамъ при продажѣ скота, пріисканія работъ, а равно для засвидѣтельствованія о ихъ личностяхъ, обществомъ каждаго улуса избираются на три года, особыя довѣренныя лица изъ калмыковъ, подъ названіемъ *Боодогчеи*.

Духовными дѣлами калмыковъ завѣдуетъ, подъ наблюденіемъ Главнаго Управленія, *Лама*, утверждаемый въ этомъ званіи Высочайшею властію. При немъ состоятъ: письмоводитель и переводчикъ.

Всѣ калмыки Ламайской религіи или *Ламаиты*, секты *желтошапочниковъ*, основанной въ концѣ XIV столѣтія *Зонкавою* (Тсунъ-Хова), реформаторомъ религіозныхъ постановленій духовной іерархіи въ Тибетѣ.

Калмыкамъ Астраханской губерніи не производилось въ прежнее время никакой переписи. Изъ опасенія налоговъ и другихъ повинностей они всегда уклонялись, подъ разными предлогами, отъ точнаго исчисленія, ссылаясь на свои преданія, обычаи и т. п. Это обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что въ Высочайше утвержденное Положеніе 1847 г., объ управленіи калмыцкимъ народомъ, была введена статья, которою предписывалось имѣть только вѣрныя свѣдѣнія о числѣ кибитокъ простолюдиновъ, не дѣлая имъ переписи или ревизіи по формѣ. Весьма натурально, что эта статья закона предоставляла владѣльцамъ и зайсангамъ возможность не показывать настоящее количество кибитокъ, не смотря даже на то, что за утайку ихъ виновные подлежали: во владѣльческихъ улу-

сахъ, суду, съ отчисленіемъ утаенныхъ кибитокъ въ казенные улусы, въ улусахъ же казенныхъ, штрафу въ пользу общественнаго калмыцкаго капитала.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вслѣдствіе возникшихъ со стороны калмыковъ жалобъ на неправильность раскладки сборовъ, Министерство Государственныхъ Имуществъ, для приведенія въ извѣстность численности калмыцкаго народа, поручило мѣстному калмыцкому управленію составить посемейные списки калмыкамъ, которые были составлены въ 1861 году и повѣрены особою Коммисіею въ слѣдующемъ году.

Эта первая перепись хотя представила болѣе основательныя свѣдѣнія о количествѣ калмыцкаго народа; но тѣмъ не менѣе результаты ея не могли быть признаны вполнѣ удовлетворительными, вслѣдствіе новости самого дѣла для калмыковъ и лицъ, производившихъ перепись, такъ и по причинѣ кочевой жизни калмыковъ. При отсутствіи же данныхъ за предшествовавшее этой переписи время невозможно вывести никакихъ заключеній о движеніи народонаселенія, тѣмъ болѣе, что въ калмыцкомъ народѣ никакихъ метрическихъ записей не ведется.

Въ виду этого и истеченія со времени первой переписи народа болѣе 8-ми лѣтъ, доставленные ею результаты о количествѣ калмыцкаго народа не представляли необходимыхъ данныхъ для тѣхъ преобразованій, которыя предположены какъ въ управленіи народомъ, такъ и въ его общественномъ устройствѣ. Поэтому, съ разрѣшенія Министерства Государственныхъ Имуществъ, было приступлено къ новой повѣркѣ семейныхъ списковъ калмыковъ, которая и была произведена въ концѣ 1868 года. Полученныя результаты какъ при составленіи семейныхъ списковъ въ 1861 году такъ и при повѣркѣ ихъ въ 1868 году, объяснены въ слѣдующемъ за симъ отдѣлѣ.

Земли, предоставленныя для кочевья калмыцкаго народа въ Астраханской губерніи, состоятъ у него *на правахъ общаго пользованія,* сопряженнаго впрочемъ съ нѣкоторыми ограниченіями, относительно соляныхъ озеръ, лѣсовъ и рыбныхъ ловель. Количество этой земли, по свѣдѣніямъ Главнаго Управленія Калмыцкимъ народомъ, числилось къ 1-му января 1869 года:

На нагорномъ (правомъ) берегу р. Волги	7,112,510	544
На луговомъ (лѣвомъ) берегу р. Волги	635,529	1,123 [1]).
А всего. . .	7,748,039	1,667

Степь предоставленную калмыцкому народу, находящуюся на правомъ берегу р. Волги, можно раздѣлить сообразно мѣстнымъ условіямъ на три части, имѣющія между собою значительное различіе.

Первую, лучшую часть, по западной границѣ Астраханской губерніи, представляетъ высокая степь или такъ называемая *Эргени:* (отъ калмыцкаго слова: *Эрге* возвышеніе,—крутизна)— эта часть степи, составляющая восточную окраину придонскихъ степей или вѣрнѣе спуски съ террасъ донской равнины въ низменную калмыцкую степь, тянется на протяженіи болѣе 300 верстъ отъ праваго берега р. Волги, близь колоніи Сарепта, до Манычской долины, сѣверный берегъ который составляетъ южную окраину Эргеней.

Въ общемъ видѣ Эргени представляютъ систему небольшихъ возвышеній, главный хребетъ ихъ, направляясь отъ сѣвера къ югу, выпускаетъ отъ себя къ востоку и западу, отроги отдѣ-

[1]) Въ этомъ пространствѣ заключается два участка: *одинъ,* въ количествѣ 356,746 десятинъ 1,260 саженъ, извѣстенъ подъ названіемъ *общаго очереднаго кочевья* и отдается киргизамъ Внутренней или Букеевской орды въ оброчное содержаніе, такъ какъ калмыки тамъ въ настоящее время не кочуютъ. *Другой,* въ количествѣ 278,779 десятинъ 2263 саж., предоставленъ для кочевья калмыковъ *Хошоутовскаго улуса.*

ляющіяся другъ отъ друга болѣе или менѣе глубокими оврагами и балками, по дну которыхъ протекаютъ или родниковыя воды, изъ имѣющихся здѣсь весьма слабыхъ родниковъ или весеннія, происходящія отъ тающихъ снѣговъ и дождей.

Воды, стекающія по балкамъ къ востоку, наполняютъ котловины или болѣе углубленныя мѣста въ низменной калмыцкой степи, образуя Сарпинскія озера и другія, расположенныя у подошвы Эргеней; тѣ же изъ нихъ, которыя направляются къ западу, составляютъ или лѣвые притоки р. Дона, какъ напр. Донская Царица, Аксай, Салъ, или, подобно восточнымъ, наполняютъ, въ видѣ озеръ, болѣе углубленныя мѣста придонскихъ степей.

Всѣ эти протоки хотя и носятъ названіе рѣчекъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ постояннаго теченія: по стокѣ весеннихъ водъ остается на днѣ балокъ или овраговъ топкая болотистая грязь или небольшіе плесы большею частію горько-соленой воды.

Составъ почвы высокой степи, по разнообразію его опредѣлить однимъ словомъ, довольно трудно, хотя здѣсь встрѣчаются мѣста хорошаго чернозема, но преимущественно почва состоитъ изъ глины, суглинка и супеска, представляя даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно сплошные солончаки; подпочва же преимущественно песчаная и только мѣстами глинистая.

Растительность на Эргеняхъ, особенно по балкамъ и ложбинамъ, удерживающимъ влажность даже во время сильныхъ жаровъ, несравненно лучше нежели въ другихъ частяхъ калмыцкой степи, хлѣбопашество ведется довольно успѣшно водворенными въ этой части степи, по Царицынско-Ставропольскому тракту крестьянами и даетъ обильные урожаи, если только не бываетъ сильныхъ засухъ, нерѣдко уничтожающихъ труды земледѣльцевъ; калмыки занимаются также здѣсь хлѣбо

пашествомъ, но въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, большею частію вмѣстѣ съ крестьянами на извѣстныхъ условіяхъ. Изъ хлѣбныхъ растеній воздѣлываютъ въ этой мѣстности преимущественно рожь и яровую пшеницу, озимъ сѣютъ менѣе потому что, при безснѣжныхъ зимахъ, которыя бываютъ здѣсь нерѣдко, она вымерзаетъ, ячмень и овесъ сѣютъ тоже весьма мало, были попытки сѣять гречиху, но она выгораетъ, просо идетъ повсюду очень хорошо, — ленъ и конопель разводится также по балкамъ, но въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, по недостатку удобныхъ для посѣва мѣстъ. Въ сѣверной части разводится крестьянами и калмыками табакъ простой (махорка) и идетъ частію на продажу въ Сарепту или для собственнаго употребленія, но главную выгоду составляетъ здѣсь посѣвы горчицы, дающіе баснословные урожаи, —до *полутораста пудовъ* на *одинъ* пудъ посѣянныхъ сѣмянъ и замѣчательно то, что произрастающая здѣсь горчица, какъ показали произведенныя опыты, несравненно лучше посѣянной въ другихъ мѣстахъ губерніи. Калмыки и крестьяне расположенныхъ здѣсь селеній занимаются посѣвами горчицы въ большихъ размѣрахъ, сбывая ее въ Сарепту, на находящіеся тамъ два завода гг. Глича и Кноблоха, обработывающихъ ежегодно болѣе 40.000 пудовъ горчичнаго сѣмяни.

Такъ какъ, по мѣстнымъ условіямъ, главную отрасль хозяйства калмыковъ и мѣстныхъ крестьянъ составляетъ скотоводство, то эта часть степи, по изобилію кормовъ, представляетъ въ сравненіи съ остальною болѣе удобствъ для разведенія скота.

На Эргеняхъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жерновой песчаникъ: сѣрый, желтый и краснобурый, который употребляется мѣстными крестьянами при постройкахъ и на мельничные жернова. Каменоломни, находящіяся на калмыцкой землѣ,

отдаются въ аренду, доходъ съ нихъ поступаетъ въ общественный капиталъ, принадлежащій калмыцкому народу.

Вторую часть степи составляетъ низменная площадь, ограниченная съ одной стороны подножіемъ Эргеней и съ другой правымъ берегомъ р. Волги и Мочагами, или северозападнымъ прибрежьемъ Каспійскаго моря. Занимая пространство до 5-ти милліоновъ десятинъ и простираясь къ югу до границы Ставропольской губерніи, эта часть степи называется *низменною*, для отличія отъ высокой Эргеней, и хотя вполнѣ соотвѣтствуетъ тому представленію, которое привыкли связывать со словомъ степь, но эпитеты—ровная и гладкая—къ ней во все не идутъ, потому что она нигдѣ не представляется совершенно горизонтальною, а состоитъ изъ безчисленныхъ возвышеній и углубленій, небольшихъ озеръ и бугровъ сыпучаго песку.

По геологическимъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ 1860—62—годахъ г. Барботъ де-Марни, въ составѣ Кумо-Манычской Экспедиціи, изслѣдовавшей калмыцкую степь въ ученомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, эта степь составляла дно моря, оставившаго ложе въ весьма поздній геологическій періодъ, свидѣтельствомъ тому служатъ: напластованіе почвы, найденныя во множествѣ раковины, сходственныя съ существующими до нынѣ въ Черномъ и Каспійскомъ моряхъ, и наконецъ значительная солонцоватость степной почвы, выражающаяся множествомъ соленыхъ озеръ, солончаковъ и хаковъ или грязныхъ соляныхъ болотъ.

Общій характеръ этой степи тотъ, что она покрыта почти исключительно полынью, въ которой лишь по возвышенностямъ, выщелачиваемымъ весенними водами, мѣстами присоединяется лучшая растительность, въ низменностяхъ же, гдѣ испаряются воды, насытившіеся солью, эта растительность уступаетъ мѣсто солянкамъ и другимъ растеніямъ, содержащимъ въ значитель-

номъ количествѣ соль. Но и въ мѣстахъ гдѣ количество соли нѣсколько меньше, другія, кромѣ полыни, травы развиваются слабо и гибнутъ скоро; вслѣдствіе сильныхъ засухъ и зноя сожигающаго ихъ совершенно, такъ что остатки отжившихъ растеній, вмѣсто того чтобы перегнивать, здѣсь высыхаютъ и вѣтеръ разноситъ прахъ ихъ по степи, вслѣдствіе этого обстоятельства во всей степи нигдѣ нѣтъ значительнаго слоя такъ называемый растительной земли (terre végetale); полынь и другія травы сидять прямо отдѣльными пучками на красновато-желтой глинѣ; при малѣйшемъ разрыхленіи этой, еще не окрѣпнувшей почвы, она обращается въ сыпучіе пески, образуя громадныя розсыпи и бугры переноснаго песку.—Относительно лучшія мѣста въ низменной степи составляютъ западная ея сторона расположенная у подножія Эргеней,—орошаемая весенними водами съ прилегающихъ возвышенностей, а также сѣверная и сѣверо-восточная ея части, какъ болѣе возвышенныя и менѣе солонцоватыя, но по мѣрѣ склона степи къ юговостоку, солонцоватость ея и розсыпи песковъ увеличиваются, оканчиваясь сплошными массами переносныхъ песковъ, залегающихъ между городами Енотаевскомъ и Астраханью, и солеными озерами расположенными, какъ по близости этого последняго города, такъ и далѣе къ югу, до границы Ставропольской губерніи.

Близь подножія Эргеней и въ южной части низменной степи находится нѣсколько озеръ, или правильнѣе сказать, котловинъ, наполняемыхъ весенними водами съ окружающихъ возвышенностей и вносимыхъ изъ Эргеней по балкамъ и оврагамъ и по Манычской долинѣ; количество воды наполняющей озера находится въ прямой зависимости отъ величины снѣговъ, выпадающихъ зимою, и быстраго ихъ таянія; вслѣдствіе этого нѣкоторыя озера, поддерживаемыя разливами, постоянно со-

держатъ въ себѣ воду, хотя она по большей части становится негодною къ употребленію отъ солоноватости окружающей почвы и произрастающихъ въ нѣкоторыхъ озерахъ камыша и чакана по мѣстному куга (Typha angustifolia), отъ которыхъ вода становится горькою.

Болѣе замѣчательные по величинѣ своей и количеству содержимой ими воды, озера: Сарпинскія, Алцинъ-Хота, Шара-Толгота, Джамтыръ, Чилгиръ, Яшколь и въ южной части Састинскія.

Существованіе этихъ озеръ имѣетъ большое значеніе для калмыковъ, кочующихъ въ низменной степи, такъ какъ по близости ихъ они находятъ лѣтомъ кормъ для своего скота и зимою убѣжище въ камышахъ, которые служатъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ топливомъ и для защиты своихъ войлочныхъ кибитокъ отъ холода. Нерѣдко однакоже случается, что, при незначительности весеннихъ разливовъ, нѣкоторыя озера скоро высыхаютъ и камыша въ нихъ совершенно не бываетъ, на другихъ же вовсе не растетъ камышъ и вода омываетъ сухой безжизненный берегъ, покрытый солончаковыми растеніями.

Въ нѣкоторыхъ Сарпинскихъ озерахъ водится мелкая рыба: щуки, окуни, лини, караси и красноперка, ловля рыбы въ этихъ озерахъ отдается въ оброчное содержаніе, въ пользу калмыцкаго общественнаго капитала.

Такъ какъ всѣ эти озера или котловины расположены только въ западной и южной частяхъ низменной степи, то за исключеніемъ этихъ, относительно небольшихъ водяныхъ бассейновъ, большая часть степи представляетъ совершенно безводную площадь и это отсутствіе проточной воды, или вообще водяныхъ источниковъ, составляетъ существенный недостатокъ степи, лишающій возможности водворить здѣсь прочную осѣдлость.

Для кочевыхъ обитателей калмыцкой степи этотъ недостатокъ замѣняетъ такъ называемая почвенная вода (Grundwasser), которою они пользуются, вырывая въ землѣ колодце-образныя ямы называемыя копанями или *худуками*. Происхожденіе воды этой объясняется г. Барботомъ-де-Марни слѣдующимъ образомъ: если почва довольно песчана, то снѣговыя и дождевыя воды просачиваются въ глубь ея и останавливаются на встрѣчаемомъ ими глинянномъ-подпочвенномъ слоѣ. Ежели, напротивъ, верхній слой почвы очень глинистъ, то вода проходитъ чрезъ него, по образующимся въ немъ трещинамъ и распространяется по песчаному слою, лежащему подъ глиною.

Вода, ушедшая такимъ образомъ въ почву, предохраняется отъ испаренія ея солнечнымъ зноемъ и мѣстами ею можно пользоваться цѣлое лѣто. Зимою же, когда вода озеръ и худуковъ замерзаетъ, кочевники употребляютъ снѣгъ.

Худуки розсыпаны группами по всей степи на разстояніи группа отъ группы въ 10, 15, 20, 30 рѣдко въ 50 и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной части степи въ 70 верстахъ; глубина худуковъ бываетъ большею частію отъ $1^1/_2$ до 3 саженъ, хотя впрочемъ есть худуки и болѣе глубокіе напр. въ 7 саженъ. Достигнувъ песчанаго слоя, вода наполняетъ худукъ на нѣкоторую высоту и достается ведрами, прикрѣпленными къ шесту или привязанными къ веревкѣ. Эти копани составляютъ величайшее благодѣяніе для кочевниковъ, не удерживая ихъ на одномъ мѣстѣ, а дозволяя дѣлать тѣ передвиженія или перекочевки, которыя необходимы для прокормленія ихъ скота.

Не во всѣхъ худукахъ вода хорошаго качества нѣкоторые содержатъ воду солоноватую, негодную для питья и даже злокачественную,—кочевники обыкновенно дѣлаютъ такъ: прійдя къ худукамъ они ихъ расчищаютъ отъ сора и въ теченіи дня стараются вычерпать изъ нихъ всю воду, которая натѐ-

кають снова ночью; такимъ образомъ они всегда имѣютъ воду свѣжую и хорошую. Благодаря этимъ худукамъ, низменная степь искрещена дорогами, которыя служатъ не только для перекочевокъ калмыковъ по степи, но также транспортными торговыми дорогами.

Въ осеннее время, при обильно выпадающихъ дождяхъ, кочевники нерѣдко поятъ свой скотъ и употребляютъ для себя воду накопляющуюся въ небольшихъ углубленіяхъ или лужахъ, по калмыцки *«цандыкахъ»*, эта вода конечно несравненно хуже получаемой изъ худуковъ, но надобно знать до какой степени не прихотливъ калмыкъ и калмыцкій скотъ въ отношеніи пищи и воды, чтобы понять возможность употребленія въ питье воды, настоявшейся всевозможными нечистотами.

Восточная окраина низменной степи, составляя правый берегъ р Волги, вся занята осѣдлымъ поселеніемъ, здѣсь находятся: два города—Черный-Яръ и Енотаевскъ, довольно многолюдныя селенія крестьянъ, государственныхъ и помѣщичьихъ и десять станицъ Астраханскаго казачьяго войска. Всему населенію этого берега, кромѣ жителей городовъ, предоставлено указамъ 19 мая 1806 года, право пользованія калмыцкою землею на 10—15 верстномъ разстояніи отъ границъ ихъ дачь, для выгона скота во время половодья, т. е. когда принадлежащія имъ земли, расположенныя въ долинѣ р. Волги, или такъ называемыя *займищныя дачи* покрываются весеннимъ ея разливомъ, равно для хлѣбопашества и пастьбы скота лѣтомъ, не стѣсняя однако калмыковъ. Право пользованія осѣдлыхъ жителей калмыцкою землею основано на томъ, что въ зимнее время калмыки могутъ, въ замѣнъ этого, безпрепятственно кочевать со своимъ скотомъ въ займищныя ихъ дачи большею частію поросшія лѣсомъ, гдѣ находятъ себѣ убѣжище отъ сильныхъ степныхъ бурь (шургановъ) невыносимыхъ въ

степи зимою. Для свободнаго же прохода къ водопоямъ по р. Волгѣ и перекочевкѣ калмыковъ въ займища изъ степи оставлены между дачами селеній прогоны. Крайняя юговосточная часть низменной калмыцкой степи, усѣянная буграми сыпучаго песку, подходитъ къ волжской дельтѣ и Каспійскому морю, врѣзываясь въ нихъ продольными буграми и образуя здѣсь мѣстность, извѣстную подъ названіемъ: *Мочаговъ.*

По отличительному характеру своему, эта мѣстность составляетъ третью полосу или часть калмыцкой степи. Опредѣлить положительно что составляетъ преобладающій элементъ Мочаговъ—земля или вода весьма трудно: вся мѣстность здѣсь представляется изрѣзанною заливами *ильменями* [1]) и окаймляющими ихъ буграми. Названіе Мочаговъ, русскіе жители приписываютъ слову *мочажина*, сырое мѣсто, заливаемое водою; калмыки же *называютъ мочаги «моцакъ»*—слово означающее постъ, данное вѣроятно въ томъ предположеніи, что калмыки, обѣднѣвшіе въ степи и лишившіеся по какому либо случаю своего скота, отправляются въ Мочаги, составляющіе дѣйствительно въ настоящее время пріютъ для бѣднѣйшихъ калмыковъ.

Заливы Мочаговъ при ширинѣ отъ 250 до 750 сажень простираются въ степь на довольно значительное протяженіе (до 40 и болѣе верстъ), заливы ближайшіе къ Волгѣ, наполняемые рѣчною водою, сохраняютъ или прѣсный ея вкусъ, или напитываясь солеными частицами съ окружающихъ бугровъ и степи становятся солеными, по мѣрѣ же удаленія къ югу они содержатъ чисто морскую воду.

Замѣчательно что въ Мочагахъ при сѣверныхъ вѣтрахъ, по

---

[1]) Ильменями называются въ Астраханской губерніи небольшіе заливы моря или рѣки, а также наполняеыя весенними водами степныя впадины; эти послѣднія называются еще лиманами.

мѣстному «*верховыхъ* или *выгонныхъ*»—вода становится соленою и негодною къ употребленію отъ насыщенія ея солью съ бугровъ, окружающей степи и самаго дна заливовъ, напротивъ того при южныхъ вѣтрахъ и нагонныхъ *(морянъ)* приливъ морской воды, удерживая волжскую воду на извѣстномъ уровнѣ, наполняетъ всѣ заливы прѣсною водою; это же измѣненіе вѣтровъ имѣетъ вліяніе и на ближайшія къ Мочагамъ въ степи копани или худуки, въ которыхъ вода посредствомъ просачиванія подвергается такому же измѣненію, какъ въ Мочагахъ.

Заливы въ Мочагахъ, содержащіе прѣсную воду, покрыты густыми порослями камыша и чакана, отъ чего и получаютъ мѣстное названіе *черней*, здѣсь калмыки находятъ зимою убѣжище для себя и для своего скота,—и потому на зимнее время сюда прикочевываетъ изъ степи очень много калмыковъ, всѣхъ почти улусовъ, лѣтомъ же остаются здѣсь только семейства тѣхъ, которые нанимаются въ работы или бѣдные калмыки, не могущіе кочевать по неимѣнію скота;—мѣстность занимаемая Мочагами опредѣлена [1]) отъ р. Волги или паралельно ей Джуруковской станціи до границы Кавказской области, или Черорынскихъ водъ, ограничиваясь съ западной стороны почтовымъ линейнымъ трактомъ и съ восточной Каспійскимъ моремъ; это пространство заключаетъ въ себѣ 310,216 десятинъ 201 саж. или площадь на 115 верстъ въ длину и отъ 20 до 45 верстъ въ ширину отъ почтоваго тракта до моря,—по новому же разграниченію губерній Астраханской отъ Ставропольской, граница Мочаговъ проведена нѣсколько сѣвернѣе именно къ протоку р. Кумы-Гуйдуку, близь Гуйдукской почтовой станціи.

---

[1]) Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 1828 года августа 11, § 1-й.

На буграхъ Мочаговъ находятся зимнія ставки (дома для помѣщенія улусныхъ управленій и служащихъ лицъ) улусовъ: Яндыковскаго, Мочаговъ и Эркетеневскаго, — водворено нѣсколько русскихъ селеній и отведены земли разнымъ лицамъ для устройства ватагъ и рыбопромышленныхъ заведеній.

Южную окраину калмыцкой степи, расположенной на правомъ берегу р. Волги, составляетъ Манычская долина, по срединѣ которой проведена граница между Астраханскою и Ставропольскою губерніями.

Отсутствіе хорошихъ кормовыхъ травъ и воды годной для употребленія, заставляетъ калмыковъ лѣтомъ оставлять эту мѣстность, и только на зиму нѣкоторая часть калмыковъ Малодербетевскаго и Икицохуровскаго улусовъ прикочевываетъ къ Манычской долинѣ, гдѣ и располагается на зиму по балкамъ подъ защитою Эргеней, составляющихъ сѣверный берегъ долины — и близь Састинскихъ озеръ, густо зарастающихъ камышемъ.

Часть калмыцкой степи расположенная на луговой сторонѣ р. Волги и составляющая какъ выше сказано было: *очередное кочевье для всѣхъ улусовъ и лѣтнее кочевье калмыковъ Хошоутовскаго улуса,* представляетъ относительно качества почвы менѣе удобствъ въ сравненіи съ нагорною степью.

Хотя почвенная вода встрѣчается въ этой части степи чаще, лучшаго качества и не незначительной глубинѣ, но почва этой части степи до того слаба, что, при незначительномъ ея разрыхленіи, какъ напр. при скопленіи скота на одномъ пунктѣ, она скоро превращается въ безплодные сыпучіе пески. Подобными песками окружены и отчасти занесены всѣ почти селенія, расположенныя на луговомъ (лѣвомъ) берегу р. Волги, по окраинѣ степи. Удобными землями здѣсь, относительно, можно считать только мѣста займищныя, т. е. покрываемыя весенними разливами р. Волги, но и тѣ не сплошь доброкаче-

ственныя, и урожай травъ на нихъ находится въ полной зависимости отъ величины разлива, такъ что при очень высокой водѣ и обратно, при очень низкой водѣ укосы травъ бываютъ вообще довольно дурные; потому что въ первомъ случаѣ травы, находясь долго подъ водою, замокаютъ и прорастаютъ бурьяномъ, а въ послѣднемъ—незатопляемыя возвышенныя мѣста остаются безъ растительности.

Луговая часть калмыцкой степи примыкаетъ сѣверо-западною своею стороною къ *Баскунчакскому* соленому озеру, замѣчательному по богатству и превосходнымъ качествамъ добываемой изъ него соли, на восточной же окраинѣ степи находится гора *Чапчачи* съ залегающимъ въ ней пластомъ каменной соли, отличающейся особенною крѣпостію и чистотою.

Калмыцкая степь, простирающаяся съ сѣвера на югъ на три географическихъ градуса, представляетъ различныя климатическія условія. Примыкая юговосточною своею окраиною къ Каспійскому морю, и открытая съ сѣвера и востока дѣйствію холодныхъ вѣтровъ, степь по характеру своей мѣстности безгорной, безлѣсной и безводной, подвержена значительнымъ измѣненіямъ въ температурѣ, обусловливаемымъ впрочемъ положеніемъ степи.

Климатъ калмыцкой степи можетъ быть раздѣленъ на морской: по прибрежью Волги и Каспія и на континентальной внутри самой степи;—первый изъ нихъ умѣренный, замѣчателенъ по своей быстрой измѣнчивости, относительно конечно дневныхъ но не годовыхъ перемѣнъ;—второй напротивъ болѣе суровый и постоянный; замѣчено напр. что зимою въ Мочагахъ и по прибрежьямъ Волги вообще теплѣе и снѣгу бываетъ менѣе, чѣмъ въ низменной степи, а лѣтомъ не бываетъ такихъ жаровъ, какъ въ послѣдней; въ высокой же части степи (Эрге-

пяхъ) снѣгу бываетъ всегда болѣе и вообще температура значительно ниже, нежели въ другихъ частяхъ степи [1]).

Такая разница климатическихъ условій заставляетъ большую часть калмыковъ, совершенно оставлять на зиму средину степи, раскочевывая по займищамъ р. Волги къ берегамъ Сарпинскихъ и другихъ озеръ и въ Мочаги, гдѣ они укрываются съ своимъ скотомъ отъ зимнихъ непогодъ: на зиму же остаются въ степи весьма немногіе только скотоводы, имѣющіе обширныя стада, собственно для прокормленія ихъ на подножномъ кормѣ, рискуя впрочемъ потерять свой скотъ при первомъ *шурганѣ* (степной бурѣ съ мятелью) и во время глубокихъ снѣговъ или гололедицы, когда скотъ, не имѣя силъ пробить ледяную кору, остается безъ корма, погибая цѣлыми стадами. Примѣровъ безпечности калмыковъ въ этомъ отношеніи можно привести множество, рѣдко проходитъ зима чтобы подобныя случаи не повторялись въ той или другой мѣстности и даже въ громадныхъ размѣрахъ; бывали случаи, что богатый хозяинъ скотоводъ, становился на другой день послѣ налетѣвшаго шургана совершенно нищимъ. Шурганы въ степи до того стремительны, что даже крупный рогатый скотъ и лошади не могутъ устоять противъ напора вѣтра, гонятся имъ до изнеможенія силъ, погибая цѣлыми табунами.

Недостатокъ въ калмыцкой степи мѣстъ, удобныхъ для постоянныхъ пастбищъ, и большихъ скоповъ годной для употребленія воды, а равно и климатическія условія, заставляютъ калмыковъ кочевать по степи для прокормленія своихъ стадъ.

Всѣ улусы имѣютъ свои постоянныя лѣтнія и зимнія мѣста для кочевокъ, распредѣленіе которыхъ между улусами зависитъ

---

[1]) Съ 1865 г. производятся по распоряженію Главнаго Попечителя метеорологическія наблюденія въ пяти пунктахъ, именно; по окраинамъ и въ центрѣ степи,—по кратковременности наблюденій нельзя еще сдѣлать никакого вывода въ настоящее время.

отъ Главнаго Попечителя. Эти урочища, издавна и безобидно распредѣленныя между улусами, вошли уже въ обычай и потому неизмѣняются безъ особенной надобности и заявленій о томъ народа.

Кочевка калмыковъ съ зимнихъ мѣстъ на лѣтнія начинается вскорѣ послѣ ихъ народнаго праздника Цаганъ-Сара [1]), по нашему счисленію въ концѣ февраля или началѣ марта мѣсяца. Въ это время скотъ начинаетъ плодится и потому передвиженія по степи бываютъ небольшими переходами отъ 5 до 15 верстъ; вообще же одна средняя перекочевка бываетъ отъ 20 до 25 верстъ, и потому разстояніе въ степи иначе не опредѣляется калмыками какъ числомъ кочевокъ отъ одного пункта до другаго.

Оставляя свои зимнія мѣста, калмыки складываютъ свои кибитки и вьючатъ какъ ихъ, такъ и весь домашній скарбъ (хурду-мурду) на верблюдовъ, а гдѣ они перевелись, на лошадей или быковъ, сдѣлавъ переходъ до ближайшаго пастбища или худука. Здѣсь они останавливаются на нѣкоторое время, пока не вытравятъ скотомъ находящихся въ окрестностяхъ худука кормовъ, затѣмъ переходятъ на другое урочище и такимъ образомъ, къ концу апрѣля или въ началѣ мая, калмыки находятся уже на лѣтнихъ своихъ мѣстахъ, перемѣняя ихъ и переходя отъ одного озера или худука (копани) къ другому, смотря по количеству корма и воды, а нерѣдко и для избѣжанія насѣкомыхъ: оводовъ, комаровъ и другихъ, появляющихся въ громадномъ количествѣ близь озеръ, одновременно съ растительностію.

Въ теченіе августа и сентября мѣсяцевъ калмыки постоян-

---

[1]) Цаганъ-Сара, по-калмыцки, значитъ собственно бѣлый мѣсяцъ. Бѣлый-Цаганъ названъ потому, что у калмыковъ весна начинается съ февраля; этотъ же праздникъ приходится всегда въ февралѣ мѣсяцѣ, означая какъ-бы обновленіе природы.

но откочевываютъ на зимнія свои убѣжища, находя снова кормъ для скота на мѣстахъ, потравленныхъ весною. Болѣе заботливые хозяева заготовляютъ заблаговременно сѣно на мѣстахъ зимнихъ своихъ кочевокъ, близь которыхъ обыкновенно и располагаютъ свои кибитки.

Распредѣленіе калмыцкихъ кочевокъ лѣтомъ представляетъ *три*, болѣе или менѣе широкихъ, *полосы* отъ сѣвера къ югу. *Первая полоса* отъ запада, т. е. отъ границы земли Войска Донскаго, направляясь по эргенямъ, занята кочевьями калмыковъ малодербетовскаго улуса, улусная ставка [1]), котораго съ своего зимняго помѣщенія, въ домахъ, въ 4-хъ верстахъ отъ селенія Тундутовскаго и въ 70-ти верстахъ отъ колоніи Сарепта, переходитъ на урочище [2]) Аршанъ-Зельмень, въ 40 верстахъ къ югу отъ зимней ставки. Лѣтняя ставка помѣщается въ кибиткахъ, а калмыки раскочевываютъ по вершинамъ балокъ восточнаго и западнаго склона эргеней и балокъ, выходящихъ на Манычскую долину. Главная зимовка калмыковъ этого улуса бываетъ на двухъ противоположныхъ концахъ степи, а именно: по сѣверному берегу манычской долины (южная часть эргеней) и близь Сарпинскихъ озеръ и по займищнымъ дачамъ долины р. Волги. Дома и всѣ хозяйственныя постройки Нойона-владѣльца этого улуса Тундутова находятся близь зимней улусной ставки [3]). Калмыками этого улуса за-

---

[1]) Ставкою улуса называется мѣстное улусное управленіе. Здѣсь же находится и улусный Зарго—судъ, попечитель и правитель улуса, канцелярія, улусная школа, команда казаковъ и другія служащія лица; главный хурулъ (кюрэ) съ духовенствомъ, кочуетъ всегда по близости улусной ставки, а равно и базаръ, т. е. лица, торгующія разными товарами.

[2]) Хотя словомъ «урочище» принято называть естественный межевой знакъ или природныя межи, но въ Астраханской губерніи этимъ словомъ называютъ всякую мѣстность, замѣчательную въ какомъ либо отношеніи, или по большимъ оврагамъ, по пескамъ, копанямъ или худукамъ, вырытымъ кочевниками.

[3]) Дома или кибитки, гдѣ проживаетъ Нойонъ, называется по калмыцки: «Ерге».

вѣдуетъ попечитель и три помощника, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ полицейскомъ отношеніи, подчинены 12 селеній, водворенныхъ въ этой части степи по Царицынско-Ставропольскому тракту, составляющихъ *три волости:* Крестовскую, Киселевскую и Тундутовскую.

Вторую полосу къ востоку занимаютъ кочевья калмыковъ: Эркетеневскаго и Икицохуровскаго улусовъ. Калмыки Эркетеневскаго улуса, кочуя въ зимнее время въ юговосточной части калмыцкой степи, близь границы Астраханской губерніи и въ мочагахъ, на лѣто перекочевываютъ къ эргенямъ, въ южной части которыхъ располагаютъ свои кочевья по балкамъ и лощинамъ.

Зимняя ставка этого улуса помѣщается въ домахъ, близь Бѣлаго озера, въ 7 верстахъ отъ почтовой Бѣлозерской станціи.

Первоначальный выборъ мѣстности для ставки улуса сдѣланъ былъ довольно удачно; но въ послѣднее время, при постоянномъ обмѣленіи сѣверной части Каспійскаго моря, оказался весьма ощутительный недостатокъ въ водѣ, годной для употребленія. Какъ въ Бѣломъ озерѣ (собственно заливъ Каспійскаго моря), такъ и въ копаняхъ, вырываемыхъ въ окрестностяхъ ставки, вода соленая, отъ употребленія которой даже въ маломъ количествѣ страдали всѣ живущіе въ ставкѣ. А какъ переводъ ея на другое мѣсто сопряженъ съ значительнымъ расходомъ и, удаляя надзоръ за калмыками этого улуса, не принесъ бы существенной пользы, въ окрестностяхъ же нѣтъ удобнаго мѣста для этого назначенія, то, во избѣжаніе недостатка въ водѣ, находится при ставкѣ изобрѣтенный Главнымъ Попечителемъ Генералъ-Маіоромъ Костенковымъ *подвижной водоопрѣснительный аппаратъ,* самаго простаго устройства, удобный для перевозки по степи. Весь процессъ водоопрѣсненія основанъ на выпариваніи и охлажденіи паровъ соленой

воды. Для топлива можно употреблять какой угодно горючій матеріалъ: дрова, кизякъ (скотскій пометъ), бурьянъ, камышъ и т. п. Въ зимнее время, живущіе въ ставкѣ и близь кочующіе калмыки пользуются снѣгомъ и льдомъ; но весною, и особенно осенью, аппаратъ постоянно находится въ дѣйствіи, выпаривая ежедневно отъ 100 до 120 ведръ чистой вкусной воды. До постановки аппарата въ ставкѣ этого улуса, ежегодно появлялись, отъ употребленія соленой воды, различныя болѣзни, накожныя сыпи, тифъ и т. п., преимущественно между казаками и воспитанниками улусной школы; но въ теченіе трехъ послѣднихъ зимъ (1867—1869), благодаря аппарату, подобныхъ болѣзней тамъ не появлялось.

Во время лѣтняго кочевья, ставка Эркетеневскаго улуса, помѣщаясь въ кибиткахъ, перекочевываетъ къ копанямъ Санзыръ, близь озера Яшколь.

Калмыки Икицохуровскаго улуса, кочующіе въ зимнее время близь Састинскихъ озеръ, по балкамъ у подножія эргеней и близь Можарскаго солянаго озера, лѣтомъ переходятъ къ озерамъ: Яшколь, Джамтыръ, Чилгиръ, Шара-Толгота и другимъ, находящимся въ западной части низменной степи, до Сарпинскихъ озеръ. Ставка этого улуса помѣщается зимою въ домахъ, на урочищѣ «Дальчи-Баба», близь озера Яшколь, въ разстояніи болѣе 200 верстъ къ западу отъ города Астрахани, а на лѣто въ кибиткахъ близь озеръ: Чилгиръ или Шара-Толгота, въ центрѣ кочевья калмыковъ этого улуса.

Третью полосу составляютъ кочевья калмыковъ харахусо-Эрденіевскаго и Багацохуровскаго улусовъ.

Харахусо-Эрденіевскій улусъ составленъ изъ бывшихъ нѣкогда двухъ улусовъ: Харахусовскаго и Эрдени-Цаганъ-Кичиковскаго. Калмыки перваго зимуютъ преимущественно въ Мочагахъ, втораго же—остаются или въ степи, или откочевы-

ваютъ въ лѣсныя займищныя дачи, по долинѣ р. Волги; во время лѣтняго кочевья и тѣ и другіе занимаютъ центральную часть низменной степи.

Улусная ставка помѣщается зимою въ домахъ, въ срединѣ степи близь худуковъ (копаней) Утта [1]), гдѣ живетъ также, нойонъ-владѣлецъ этого улуса сотникъ Церенъ-Убаши Дугаровъ, а на лѣто ставка перекочевываетъ на урочище Эрханъ-Боро или Кіптынъ, въ центрѣ кочевья калмыковъ этого улуса.

Калмыки Багацохуровскаго улуса большею частію сидятъ зимою по займищнымъ лѣснымъ дачамъ, принадлежащимъ осѣдлымъ жителямъ этого берега. Духовенству этого улуса принадлежитъ обширная займищная лѣсная дача Цаганъ-Аманъ, купленная имъ въ 1794 году у частнаго лица. Здѣсь построено нѣсколько молитвенныхъ капищъ (хуруловъ, сюмэ) и домовъ для духовенства, прикочевывающаго сюда изъ степи на зимнее время. Во время весенняго разлива р. Волги, эта дача нерѣдко затопляется водою, и потому духовенство и всѣ калмыки, находящіеся здѣсь, перекочевываютъ въ степь до половодія.

Лѣтомъ калмыки этого улуса кочуютъ между Сарпинскими озерами и границами селеній осѣдлыхъ жителей, до города Енотаевска, имѣя на сѣверѣ отъ себя кочевья малодербетевскихъ, къ югу и западу Хошоутовскихъ, Харахусовскихъ и Эрдэніевскихъ калмыковъ.

Ставка Багацохуровскаго улуса помѣщается зимою въ домахъ, на правомъ берегу р. Волги, на половинѣ разстоянія между казачьими станицами Ветлянинской и Копановской; на лѣтнее же время ставка располагается въ кибиткахъ, въ центрѣ кочевья калмыковъ этого улуса, на урочищахъ Кюрюгинъ-Боро или Эмчинъ-Боро, въ 50 или 70 верстахъ отъ зимней ставки внутрь степи.

[1]) Въ 150 верстахъ къ западу отъ Астрахани—по крымскому тракту.

Калмыки Хошоутовскаго улуса кочуютъ постоянно на отведенныхъ имъ земляхъ, лѣтомъ по луговой сторонѣ р. Волги, а зимою по займищамъ и правому берегу рѣки западнѣе дачь казачьихъ станицъ и селеній крестьянъ Енотаевскаго уѣзда.

На половинѣ разстоянія между станицами Сѣроглазинской и Косикинской находится нѣсколько домовъ, принадлежащихъ калмыкамъ этого улуса, и хурулъ. Эта калмыцкая деревушка называется *Кёрдё*, а русскими «*половинка*», потому что находится на полдорогѣ между станицами. Она построена по инпціативѣ бывшаго владѣльца Церенъ-Джабъ Тюменя; но какъ калмыки прикочевываютъ къ домамъ только на зимнее время и остаются большую часть года въ кибиткахъ, разставляя ихъ даже близъ домовъ, то этотъ поселокъ имѣетъ весьма слабые признаки осѣдлаго жилья.

Ставка хошоутовскаго улуса лѣтомъ и зимою находится постоянно на лѣвомъ берегу р. Волги, въ 90 верстахъ выше города Астрахани. Здѣсь же находятся дома и другія хозяйственныя заведенія Нойона-владѣльца этого улуса, Тюменя, а также большой каменный молитвенный домъ (сюмэ) и нѣсколько деревянныхъ избъ, принадлежащихъ духовенству и калмыкамъ этого улуса.

Среди земель, отведенныхъ для лѣтняго и зимняго кочевья калмыковъ Хошоутовскаго улуса находится собственная земля, такъ называемая «рескриптная дача», принадлежащая фамиліи Тюмень. Дача эта Всемилостивѣйше пожалована, по указу Иностранной Коллегіи 1764 года августа 21-го дня, бывшему нойону Хошоутовскаго улуса Замьяну, усыновившему своего пасынка *Тюменя-Джиргалана*, отъ котораго ведетъ свою родословную фамилія Тюмень.

На этой землѣ, расположенной на обоихъ берегахъ р. Вол-

ги, построены: на луговой сторонѣ, дома нойона и хозяйственныя постройки, извѣстныя подъ названіемъ «Тюменевки», а равно дома для помѣщенія управленія или ставки улуса; на нагорной же сторонѣ, между станицами Дурновскою и Лебяженскою, на урочищѣ «Коровья Лука», находится домъ и фруктовый садъ, принадлежащіе семейству одного изъ фамиліи Тюмень-Нойону Церенъ-Норбо. Кромѣ того, семейству одного изъ членовъ этой фамиліи Александру Тюмень (крещеному) принадлежитъ каменный домъ, въ городѣ Астрахани.

Калмыки Яндыковскаго улуса (за исключеніемъ Багутова рода, около 500 кибитокъ, имѣющаго значительное количество скота и кочующаго постоянно въ степи) остаются лѣтомъ и зимою по берегамъ ильменей (заливовъ волжской дельты, южнѣе города Астрахани) и по сѣверозападному прибрежью Каспійскаго моря, сливаясь съ калмыками, кочующими въ Мочагахъ. Большая часть калмыковъ этого улуса нанимаются въ работы на рыбные промысла и для ломки соли.

Ставка Яндыковскаго улуса помѣщается въ каменныхъ домахъ, находящихся въ селеніи Яндыковскомъ, на линейномъ трактѣ, въ 123 верстахъ отъ города Астрахани.

Въ Мочагахъ кочуетъ болѣе 2,000 кибитокъ бѣднѣйшихъ калмыковъ всѣхъ улусовъ, снискивающихъ пропитаніе разными работами, но премущественно по рыболовству. Калмыкъ, по какому нибудь случаю потерявшій въ степи свой скотъ, перекочевываетъ въ Мочаги и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ возвращается отсюда къ своему улусу. Безпечность и непаходчивость въ затруднительномъ положеніи, малая заработная плата и множество другихъ побочныхъ обстоятельствъ препятствуютъ калмыкамъ къ поправленію разстроеннаго однажды состоянія. Впрочемъ многіе изъ нихъ, кочуя въ Мочагахъ, живутъ безбѣдно.

Завѣдываніе калмыками, кочующими въ Мочагахъ, поручено особому попечителю. Дома управленія или ставка находятся въ 3-хъ верстахъ къ югу отъ селенія Промысловаго, въ 135 верстахъ отъ Астрахани.

Представляя въ этихъ общихъ чертахъ главныя направленія кочевокъ и пребыванія калмыковъ въ степи, надобно замѣтить, что въ Астраханской губерніи нѣтъ ни одного города, селенія или станицы, ни одного рыболовнаго заведенія, гдѣ не находилось бы нѣсколько калмыцкихъ семействъ, нанимающихся пасти скотъ и для другихъ работъ. Словомъ калмыцкій народъ разсѣянъ по всей Астраханской и даже отчасти по сосѣдственнымъ губерніямъ, отыскивая работы или пастбища для своего скота, и эта бродячая жизнь народа, составляющая величайшее затрудненіе для полученія о немъ точныхъ статистическихъ свѣдѣній, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ неодолимую преграду для введенія въ средѣ его благоустройства и гражданственности, отсутствіе которыхъ ощутительно на каждомъ шагу.

Въ вышеизложенномъ топографическомъ очеркѣ калмыцкой степи, она представлена въ томъ видѣ, въ какомъ вышла изъ рукъ самой природы,—необходимо упомянуть здѣсь о произведенныхъ опытахъ для улучшенія ея, именно: о попыткахъ облѣсенія степи путемъ искуственнаго лѣсоразведенія и объ устройствѣ колодцевъ въ низменной степи.

Мысль о возможности лѣсоразведенія въ калмыцкой степи впервые высказалъ полковникъ Фрейманъ (вице-инспекторъ корпуса лѣсничихъ) ревизовавшій астраханское лѣсное управленіе въ 1842 году.

Предположенные первоначально въ громадныхъ размѣрахъ опыты имѣли двоякую цѣль: хозяйственную и гигіеническую, именно оградить калмыцкіе стада отъ зимнихъ степныхъ бурь и лѣтнихъ жаровъ, пробудить въ калмыкахъ охоту къ лѣсо-

водству и садоводству и поддержать влажность въ почвѣ и атмосферѣ, способствуя этимъ улучшенію мѣстнаго климата. Въ этихъ видахъ предположено было засѣять въ первый же годъ пространство въ 700 десятинъ, увеличивая постепенно площадь до размѣровъ одной десятины на каждую кибитку, на что потребовалось бы времени около 40 лѣтъ.

Съ 1846 года до 1862 г. производилось искуственное лѣсоразведеніе, поглотившее громадное количество рабочихъ силъ и значительныя денежныя затраты, приведя къ такимъ результатамъ, которыхъ можно было бы достигнуть при содѣйствіи самой природы съ нѣкоторымъ только пособіемъ человѣческихъ рукъ.

Пропуская подробности производства работъ слѣдуетъ замѣтить только, что въ теченіи пятнадцати лѣтъ было посѣяно въ плантаціяхъ калмыцкой степи и близь селеній водворенныхъ на калмыцкихъ земляхъ различныхъ сѣмянъ: сосны, пихты, дуба, вяза и друг. 394 пуд. $12^1/_2$ фун. и посажено 1.503,075 штукъ ветловыхъ кольевъ и черенковъ фруктовыхъ деревъ на пространствѣ 743 дес. 576 саж. Эти работы, кромѣ трудовъ крестьянъ тѣхъ селеній, близь которыхъ разводились плантаціи, обошлись калмыцкому народу: около 30,000 руб. деньгами, на пріобрѣтеніе культурныхъ инструментовъ, устройство и поддержку водополивательныхъ машинъ (чигирей) и на содержаніе лицъ руководившихъ работами, и кромѣ того около 400,000 пѣшихъ рабочихъ дней, считая каждый по самой умѣренной цѣнѣ 20 к. 80,000 р. и 40,000 конныхъ по 50 коп. каждый 20,000 р., а всего 130,000 р. въ результатѣ же оказалось что площадь произраставшаго насажденія въ 27 плантаціяхъ составляла только 230 дес. 930 саж., но такъ какъ и изъ этого еще числа нѣкоторыя плантаціи не представляли никакой надежды къ дальнѣйшему существованію, требуя только

значительныхъ расходовъ для своей поддержки, то признано было необходимымъ прекратить на нихъ работы немедленно, и потому, исключивъ эту площадь около 100 дес. изъ общаго числа и около 30 дес. самороднаго лѣсу по балкамъ Эргеней; оказывается, что оставшіяся 100 дес. отъ искуственнаго лѣсоразведенія обошлись по 1300 руб. каждая, не принимая въ расчетъ стоимость сѣмянъ, перевозку ихъ почти со всей Россіи цѣлыми обозами на крестьянскихъ подводахъ и по почтѣ и другіе мелкіе расходы,—въ результатѣ же остались лѣса не дубовые, ильмовые, пихтовые, сосновые и т. п. но большею частію ветловые и осокоревые, т. е. такихъ породъ, которыя ростутъ здѣсь повсемѣстно, гдѣ есть только влажность и несолонцевата почва и въ видѣ исключенія, сохранилось только нѣсколько дубовъ въ Мочажной плантаціи, березъ на Долбанской и тополей въ Яндыковской и другихъ плантаціяхъ.

Вслѣдствіе представленія Главнаго Попечителя Костенкова, Министерство Государственныхъ Имуществъ, предписавъ прекратить съ 1865 года лѣсоразведеніе въ калмыцкой степи, назначило поддерживать только тѣ плантаціи и сады, которые полезно сохранить на будущее время и самыя работы производить не натурою, а наймомъ изъ суммъ калмыцкаго народа, — на этомъ основаніи нѣкоторыя плантаціи переданы крестьянамъ, водвореннымъ на калмыцкой землѣ; сады отдаются въ аренду, и лучшія лѣсныя площади поддерживаются, что обошлось въ 1867 году 1787 р. 43 к. но эти расходы предположено сокращать, когда плантаціи будутъ приведены въ такое положеніе, что потребуютъ одного только за ними надзора, что ожидается въ самомъ непродолжительномъ времени.

Разсматривая причины неуспѣха въ этомъ весьма полезномъ по принципу дѣлѣ, нельзя не придти къ убѣжденію, что лица, составлявшія первоначальный грандіозный проектъ лѣсоразве-

денія въ степи, не имѣли никакого понятія ни о характерѣ ея, ни о климатическихъ условіяхъ, исполнители же этого проекта впослѣдствіи, вѣроятно не считали удобнымъ сознаться въ своихъ ошибкахъ.

И въ самомъ дѣлѣ, достаточно имѣть только поверхностное понятіе о степи, чтобы судить, что растительность можетъ существовать здѣсь только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ почва устранена отъ вліянія солей и гдѣ есть влажность; такія мѣста представляютъ здѣсь нѣкоторыя балки Эргеней, имѣющія хорошую почву и родниковую воду, т. е. природное орошеніе и гдѣ растительность защищена отъ зноя и зимнихъ степныхъ бурь [1], несравненно меньшія удобства въ этомъ отношеніи представляютъ берега заливовъ въ Мочагахъ, потому что здѣсь уже представляется необходимость устраивать искуственное орошеніе; за тѣмъ, хотя и является обильная растительность по берегамъ и островамъ р. Волги, затопляемымъ весеннимъ ея разливомъ, но произрастающія здѣсь лѣсныя породы, не могутъ быть хорошаго качества находясь въ теченіи нѣсколькихъ недѣль подъ водою. Слѣдовательно, для успѣшнаго лѣсоразведенія въ калмыцкой степи существуетъ весьма мало мѣстъ такихъ, гдѣ труды человѣка могли бы только помогать природѣ, разработка же остальныхъ съ этою цѣлію будетъ представлять всегда насилованіе природы и вмѣстѣ съ тѣмъ *мануфактурное дѣло*, требующее надежный и опытный присмотръ и значительные расходы на рабочія силы и искуственное орошеніе.

Первые опыты для устройства болѣе прочнаго снабженія въ степи водою, какъ кочевниковъ такъ и проѣзжающихъ фурщи-

---

[1]) Доказательствомъ этому можетъ служить искуственно разведенная плантація въ балкѣ Элиста. Роскошная растительность этой плантаціи, обильно орошаемая родниками находящимися въ той же балкѣ, представляетъ отрадное явленіе среди окружающей сухой, безводной степи.

щиковъ, были начаты въ 1851 году въ юговосточной части степи, гдѣ отсутствіе воды, годной для употребленія, представляетъ весьма ощутительный недостатокъ, но попытки, произведенныя чиновниками мѣстнаго управленія, не привели, какъ и слѣдовало ожидать, ни къ какимъ результатамъ; потому что, по общему характеру степи, получить въ этой мѣстности прѣсную воду совершенно невозможно.

Несмотря однакожъ на то, что вышеозначенные изслѣдователи, по ограниченности познаній, не могли вывести точнаго заключенія о причинахъ отсутствія въ этой мѣстности прѣсной воды, началась переписка сначала о присылкѣ спеціалиста по этой части, потомъ о производствѣ опытовъ посредствомъ буренія почвы и устройствѣ колодцевъ въ степи, но было разрѣшено только послѣднее и вслѣдствіе этого въ теченіи трехъ лѣтъ 1854, 1855 и 1856 годовъ устроено было 39 колодцевъ; изъ нихъ многіе вырыты были вновь, для устройства же прочихъ послужили прежде вырытыя калмыками копани или худуки; колодцы расположены были: 39 по дорогѣ отъ сел. Пришибъ (Енотаевскаго уѣзда) къ станицѣ Крестовой на Эргеняхъ, на протяженіи болѣе 300 верстъ и 10 колодцевъ на протяженіи 250 верстъ отъ Астрахани по Чумацкому тракту, идущему въ Ставропольскую губернію; по той же мѣстности, гдѣ производилось первоначальное изслѣдованіе. При каждомъ колодцѣ были устроены, кромѣ деревянныхъ срубовъ, корыта для поила скота, наклонный брусъ со шкивомъ и желѣзная бадья съ веревкою: рытье и устройство этихъ колодцевъ обошлись около 5000 рублей.

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ всѣ эти колодцы были разрушены и не осталось ни одного изъ нихъ, въ которомъ сохранилась бы вода годная къ употребленію. Подобныхъ результатовъ впрочемъ и слѣдовало ожидать; — въ самомъ дѣлѣ, могла

ли быть какая нибудь польза, во первыхъ, отъ срубовъ, которые, удерживая только рыхлую землю отъ обваловъ, затрудняли накопленіе весьма медленно просачивающейся чрезъ почву воду и не представляли вмѣстѣ съ тѣмъ удобствъ для очистки колодцевъ, въ которыхъ накопившаяся вода скоро подвергалась порчѣ и, во вторыхъ, отъ принадлежностей къ колодцамъ никѣмъ конечно не охраняемымъ и тотчасъ же расхищеннымъ. Все это составляло только хорошую приманку для калмыковъ, и проѣзжающихъ по степи фурщиковъ, срубы какъ топливо, а принадлежности: корыты, веревки, бадьи какъ цѣнныя въ степи вещи, охранять же эти колодцы и поддерживать ихъ, постоянно очисткою, по незаселенности степи, весьма натурально было невозможно. Эта неудавшаяся попытка послужила поводомъ къ прекращенію дальнѣйшихъ работъ по устройству предназначенныхъ еще 16 колодцевъ и предположеній объ обложеніи ихъ кирпичемъ, камнемъ и т. п.

Въ настоящее время находится въ сѣверной части степи нѣсколько колодцевъ съ довольно сносною водою, построенныхъ калмыками на отведенныхъ имъ земляхъ и крестьянами, пользующимися 10—15 верстною полосою калмыцкой земли. Въ срединѣ же степи и южной ея части, устроенныхъ колодцевъ нѣтъ, да и самое устройство ихъ тамъ, особенно въ южной части представляется не надежнымъ, потому что качества воды измѣняются, чему доказательствомъ могутъ служить колодцы, нѣкогда устроенные въ этой мѣстности негодные въ настоящее время по недоброкачественности воды не только въ нихъ, но даже во всей окружающей мѣстности.

Единственная возможность для улучшенія существующихъ нынѣ въ степи копаней или худуковъ и сохраненія находящейся въ нихъ воды отъ испареній — заключается въ устройствѣ помпъ или насосовъ для быстраго выкачиванія застаивающей-

ся воды и обсадка худуковъ ветловыми деревьями, которыя будутъ рости хорошо на почвѣ влажной близь худуковъ [1]).

Выше было замѣчено, что, благодаря существованію въ степи худуковъ съ болѣе или менѣе годною для употребленія водою, — вся степь изрѣзана дорогами и, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи, она представляетъ совершенную сѣть, различныхъ дорогъ: *транспортныхъ и кочевыхъ*. Степь открыта со всѣхъ сторонъ, каждый проѣзжающій избираетъ болѣе удобный путь для слѣдованія, каждое кочевое движеніе калмыковъ оставляетъ по себѣ слѣдъ; но большая часть этихъ дорогъ не имѣетъ никакого значенія въ промышленномъ отношеніи, за исключеніемъ только тѣхъ, которые служатъ для перевозки грузовъ съ пристаней р. Волги къ городамъ Кавказа и товаровъ въ средину степи, для сбыта кочующимъ тамъ калмыкамъ.

Болѣе замѣчательны въ этомъ отношеніи слѣдующія дороги:

1) *Царицынско-Ставропольская*, пролегающая по эргенямъ, представляетъ кратчайшій путь между городами Царицынымъ и Ставрополемъ. По этой дорогѣ проходитъ ежегодно около 20 тыс. фуръ съ желѣзомъ, спиртомъ, лѣсомъ и другими товарами изъ Царицына и Дубовки къ городамъ Кавказа: Ставрополю, Владикавказу, Пятигорску и др. обратно фуры идутъ къ пристанямъ Волги или пустыя или съ виномъ мѣстнаго произведенія.

Въ 1866 году по иниціативѣ Кавказскаго начальства произведенъ подробный осмотръ этой дороги для открытія на ней почтоваго сообщенія.

2) *Астраханско-Кизлярская*, для перевозки грузовъ съ ни-

[1]) Главный Попечитель Генералъ-Маіоръ Костенковъ предполагая ввести въ употребленіе въ степи, *американскіе* или такъ называемые *Нортоновы колодцы*, вошелъ съ кѣмъ слѣдуетъ въ сношеніе о заготовленіи и доставкѣ въ степь нѣсколько колодцевъ, тѣмъ хозяевамъ-скотоводамъ, которые пожелаютъ имѣть ихъ.

зовыхъ пристаней Волги на Кавказъ. По этой дорогѣ проходитъ ежегодно отъ 5 до 6 тыс. фуръ — съ различнымъ товаромъ.

3) *Крымская* или *Воровская,* соединяющая восточную и западную окраины степи отъ города Астрахани до селенія Крестовскаго на эргеняхъ, и *наконецъ дороги:* изъ Астрахани въ Царицынъ, изъ городовъ Чернаго-Яра и Енотаевска и отъ Волжскихъ пристаней, находящихся въ селеніяхъ: Пришибъ (Голодаевка) и Соленомъ Займищѣ,—на Кавказъ.

Проложенныя съ незапамятныхъ временъ черезъ калмыцкую степь транспортныя дороги всегда представляли опасность для проѣзда по нимъ, вынуждая Правительство принимать различныя мѣры, какъ напримѣръ: устройство пикетовъ, кордонныхъ линій и т. п. Пустынная въ извѣстное время года степь, по отсутствію кочевниковъ, да наконецъ и самое пребываніе ихъ въ степи, не могли служить достаточною гарантіею для безопаснаго по ней проѣзда, и потому, для устраненія этого неудобства и усиленія промышленной дѣятельности въ здѣшнемъ краѣ, было приступлено, какъ извѣстно, къ заселенію главныхъ торговыхъ трактовъ.

Изъ всѣхъ калмыковъ, разновременно заявлявшихъ о желаніи своемъ перейти къ осѣдлой жизни, въ настоящее время водворено не болѣе 55 окрещеныхъ семействъ, числящихся въ двухъ селеніяхъ: Торговомъ и Завѣтномъ: и ихъ нельзя назвать прочно водворенными, потому что они, не привыкнувъ къ сельскимъ занятіямъ, предпочитаютъ жить въ своихъ кибиткахъ и вести кочевую жизнь, бродя не только по отведенному имъ участку земли, но и по сосѣднимъ степямъ.

Вслѣдствіе этого неудавшагося опыта, предназначенные подъ поселеніе участки заняты исключительно русскими крестьянами, образовавшими слѣдующія селенія: *на Царицынско-Ставро-*

польскомъ трактѣ: Тундутовское, Плодовитое, Абганерово, Садовое, Обильное, Киселевское, Завѣтное, Торговое, Ремонтное, Крестовое, Кормовое и Пріютное; *на Кизлярскомъ трактѣ:* Караванное, Яндыковское, Промысловое и Оленичево; *и по луговой сторонѣ р. Волги:* Хошоутовское, Княжее и Удачное. Эти три послѣднія селенія было предположено основать въ видахъ водворенія калмыковъ Хошоутовскаго улуса.

Во всѣхъ этихъ 19-ти селеніяхъ числилось къ 1-му января 1868 года государственныхъ крестьянъ 7876 душъ мужескаго пола и 55 семействъ крещенныхъ калмыковъ.

Участки, избранные для селеній на эргеняхъ (по Царицынско-Ставропольскому тракту) и въ луговой сторонѣ степи, какъ имѣющіе болѣе благопріятныя мѣстныя условія, были заселены очень скоро, тогда какъ находящіеся на Кизлярскомъ трактѣ, т. е. въ юговосточной части степи, и до настоящаго времени заселены менѣе, чѣмъ на половину, по недостатку воды, годной для употребленія. Это обстоятельство, усиливающееся съ каждымъ годомъ по мѣрѣ обмеленія сѣверной части Каспійскаго моря, вынуждаетъ жителей самыхъ южныхъ въ этой мѣстности селеній Промысловаго и Оленичева (послѣднее въ 160 верстахъ отъ Астрахани) переселяться на другое, болѣе удобное мѣсто. Вслѣдствіе этого же недостатка и другихъ неудобствъ, не заселены остальные предназначенные по этому же тракту участки, южнѣе селенія Оленичева, до границы Ставропольской губерніи.

Кромѣ вышеозначенныхъ селеній, начато въ 1862 году, съ тою же цѣлію, водвореніе *на Крымскомъ трактѣ* небольшихъ поселковъ или хуторовъ, отъ 10 до 15 дворовъ каждый. До настоящаго времени отчасти уже заселены избранные на Эргеняхъ 6 пунктовъ: Кеше, Шандаста, Элиста, Булгунъ-Сала, Кюрюльте и Уланъ-Эрге, въ которыхъ водворено 358 душъ

русскихъ крестьянъ; остальные же 9 пунктовъ, находящіеся въ низменной калмыцкой степи, предоставлены исключительно калмыкамъ для устройства степнаго ихъ хозяйства. Изъ числа послѣднихъ пунктовъ, четыре: Харгата, Бузгуй, Хамхулта и Капитанъ-Му отведены калмыкамъ Икицохуровскаго улуса.

Все высказанное уже выше о неуспѣшности попытокъ обращенія калмыковъ къ осѣдлой жизни, относится конечно до калмыковъ-скотоводовъ, находящихся постоянно въ степи; что же касается до тѣхъ калмыковъ-рабочихъ, которые сидятъ въ Мочагахъ, то было бы необходимо устроить бараки для помѣщенія нѣсколькихъ семействъ въ каждомъ, на тѣхъ пунктахъ, которые находятся вблизи рыболовныхъ ватагъ и другихъ мѣстъ ихъ работъ.

Скотоводство калмыковъ въ томъ видѣ, какъ оно велось у нихъ до настоящаго времени, не могло упрочить благосостояніе народа. Количество скота громадное; но если вспомнить, что во время болѣе или менѣе суровыхъ зимъ (какъ напр. зима 1798 года, когда калмыки потеряли болѣе 500 тысячь головъ скота и, не успѣвъ еще оправиться, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія снова потеряли почти половину его) калмыки теряютъ каждогодно по нѣсколько тысячь головъ отъ болѣзней, шургановъ и безкормицъ, и кромѣ того, зная, что потери эти могутъ быть вознаграждаемы единственно только путемъ естественнаго приплода, то нельзя не придти къ заключенію, что благосостояніе калмыцкаго народа, въ настоящемъ его положеніи, самое непрочное и невѣрное.

Къ 1-му января 1868 года числилось скота у калмыковъ всѣхъ сословій, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ:

Лошадей	86,893
Рогатаго скота	159,338

Верблюдовъ	22,868
Овецъ: простыхъ . .	833,490
» тонкорунныхъ	1,776
Козъ	13,146
Свиней	75
А всего	1,117,586 головъ.

Полагая среднюю цѣну стоимости скота: Лошади по 20 р., рогатой скотины 10 р., верблюда 30 р., овцы простой 2 р., овцы тонкорунной 4 р., козы 1 р. 50 к., свиньи 1 р. 50 к., весь калмыцкій скотъ можетъ быть оцѣненъ приблизительно въ 5,711,195 рублей.

Въ 1868 году продано калмыками скота: крупнаго 12,047 головъ, мелкаго 53,271 гол., всего на сумму 262,359 рублей [1]).

Кромѣ скота, калмыками продается еще: шерсть верблюжья и овечья, козій пухъ и издѣлія изъ нихъ: кошмы (войлоки), тесьма для кибитокъ и валяные чулки. О количествѣ проданной шерсти и другихъ предметовъ свѣдѣній не имѣется. Среднія же цѣны на нихъ были слѣдующія:

Шерсть верблюжья . . . . по 3 р. 50 к. за пудъ.
Шерсть овечья весенняя . . » 1 » — » » »

Осенняя не продается, а издѣлія изъ нея продавались:

Кошма средняго размѣра по 3 р.
Чулки . . . . » — » 30 к. за пару.
Козій пухъ . . . . » 4 » за пудъ.

Патріархальный способъ скотоводства у калмыковъ преемственно переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, безъ всякихъ

---

[1]) Показанное количество скота у калмыковъ не можетъ быть признано совершенно точнымъ, по очевидной невозможности собрать вполнѣ вѣрныя свѣдѣнія; по нѣкоторымъ даннымъ надобно полагать, что количество скота какъ находящагося у калмыковъ, такъ и ежегодно продаваемаго, должно быть гораздо болѣе.

научныхъ пріемовъ и улучшеній, вообще здѣсь цѣнится, за весьма впрочемъ малыми исключеніями, количество, а не качество скота.

Хотя въ настоящее время можно бы указать на нѣкоторыя породы относительно лучшаго скота у многихъ хозяевъ-скотоводовъ, но это не болѣе какъ случайность, происшедшая отъ лучшихъ кормовъ и другихъ причинъ, большею частію независимо отъ воли самихъ хозяевъ.

Въ видахъ поощренія калмыковъ къ увеличенію и улучшенію породъ ихъ скота, учреждены; *ежегодная призовая скачка* лошадей и *выставка всѣхъ породъ скота* въ одномъ изъ центральныхъ улусовъ.

Скотоводство калмыковъ служитъ главнымъ обезпеченіемъ ихъ существованія; кромѣ продажи скота, овчинъ, шкуръ и шерсти и произведеній изъ нихъ, скотъ доставляетъ калмыкамъ пищу, одежду и вещи, необходимыя для домашняго обихода, войлоки, шерстяныя веревки, чулки (валянки), кожаныя ведра и т. п.

Скотъ калмыки продаютъ пріѣзжающимъ въ степь сгонщикамъ и гуртовщикамъ и, кромѣ того, гоняютъ сами въ окрестные города, станицы и селенія, для продажи его на ярмаркахъ.

Для доставленія калмыкамъ болѣе средствъ снабжать себя всѣмъ необходимымъ въ ихъ быту и вмѣстѣ съ тѣмъ способовъ къ продажѣ своего скота и произведеній скотоводства, назначены были, по положенію 1847 года объ управленіи калмыцкимъ народомъ, двѣ ярмарки въ улусахъ: малодербетевскомъ и хошоутовскомъ. Пункты, назначенные для ярмарокъ, находясь на окраинахъ степи, вдали отъ кочевья калмыковъ другихъ улусовъ, оказались для нихъ неудобными и потому ярмарки эти не были открыты, а существовали только по названію.

Собранныя свѣдѣнія по этому предмету показали, что большая часть гуртовщиковъ, пріѣзжая къ калмыкамъ для покупки скота, останавливается въ центрѣ степи, близь озера Цабдыръ, куда обыкновенно калмыки пригоняютъ къ нимъ свой скотъ для продажи. Такъ какъ эта мѣстность, по обилію подножнаго корма и хорошихъ водопоевъ, представляетъ всѣ удобства для торговли скотомъ, то, вслѣдствіе этого и общаго заявленія калмыковъ о неудобствахъ назначенныхъ по положенію пунктовъ для ярмарокъ и желанія ихъ имѣть одну только въ центрѣ степи, была открыта для нихъ въ 1866 году близь озера Цабдыръ ярмарка, срокомъ съ 1-го по 13 апрѣля.

	Количество проданнаго скота на Цабдырской ярмаркѣ.				
	Рогатаго.	Лошадей.	Овецъ и Козъ.	На сумму.	
				Рубли.	Коп.
Въ 1866 году	10584	3238	51078	64,900	—
— 1867 —	22522	6244	105862	120,313	—
— 1868 —	15572	3108	104633	123,313	—

Въ концѣ 1867 года, по просьбѣ калмыковъ эркетеневскаго улуса, разрѣшено открыть въ южной части степи, на урочище Джанай, осеннюю ярмарку съ 1 по 15 октября, для продажи скота, преимущественно жителямъ Кавказа.

Для содѣйствія въ торговлѣ и вообще вспомоществованія калмыкамъ открыты въ улусахъ: яндыковскомъ, багацохуров-

скомъ, эркетеневскомъ, икицохуровскомъ и мочагахъ вспомогательныя кассы, по 1000 руб. каждая.

Кромѣ продажи скота на ярмаркахъ, калмыки имѣютъ возможность сбывать его окрестнымъ осѣдлымъ жителямъ и на калмыцкомъ базарѣ.

Въѣздъ въ калмыцкіе улусы разрѣшается всѣмъ безъ изъятія, имѣющимъ узаконенные виды; для открытія же торговли должно быть предъявлено мѣстному начальству установленное торговое свидѣтельство.

Постоянная торговля производится на базарахъ, близь улусныхъ ставокъ, и, кромѣ того, въ двухъ пунктахъ степи, находящихся на кизлярскомъ трактѣ, въ мочагахъ, въ такъ называемыхъ «Баткалинскихъ» и «Терняксkихъ шалашахъ». Здѣсь находится нѣсколько деревянныхъ амбаровъ и лавокъ, устроенныхъ частными лицами для склада товаровъ, необходимыхъ въ калмыцкомъ быту, и разныхъ запасовъ для проѣзжающихъ фурщиковъ.

Торговлею въ «шалашахъ» занимаются преимущественно татары, уплачивая опредѣленную сумму въ общественный калмыцкій капиталъ, за отведенную имъ для помѣщенія землю. Пункты, гдѣ устроены «шалаши», представляютъ то удобство, что сюда могутъ быть доставлены товары водою, по ильменямъ (заливамъ), мочагамъ, на берегу которыхъ «шалаши» находятся.

Въ 1868 году производили постоянную торговлю въ улусахъ:

	Мужч.	Женщ.
Купцовъ	8	3
Мѣщанъ	14	4
Татаръ и Туркменъ.	49	47
Всего	71	54—125.

За право торговли въ улусахъ никакой особой пошлины не взимается. Покупщикамъ скота у калмыковъ предоставляется два мѣсяца сроку, для прогона его чрезъ степь.

Торговля виномъ въ улусахъ не производится. Хотя разрѣшеніе для продажи вина зависитъ отъ Главнаго Попечителя, съ согласія мѣстнаго губернскаго начальства; но какъ при существованіи этой продажи въ прежнее время происходили значительные безпорядки и калмыки, по неумѣренной страсти къ вину, раззорялись и дѣлали разныя безчинства, то торговля виномъ въ улусахъ не дозволена.

Скотоводство составляетъ главное занятіе только болѣе или менѣе зажиточныхъ калмыковъ; бѣдные же изъ нихъ, неимѣющіе вовсе скота или въ весьма ограниченномъ количествѣ, снискиваютъ себѣ пропитаніе отчасти разными работами въ селеніяхъ, но преимущественно наймомъ въ работы по рыболовству и для ломки соли на озерахъ.

Обширное рыболовство и разработка соли, существующія въ астраханскомъ краѣ, требуютъ постоянно громадное количество рабочихъ рукъ, при незначительности же осѣдлаго здѣсь населенія, калмыки являются для этихъ отраслей промышленности главною рабочею силою.

Положительно можно сказать, что здѣсь не найдется ни одной рыболовной ватаги, ни одной лодки или морскаго рыболовнаго судна, гдѣ бы не находились рабочіе калмыки; ихъ берутъ охотно всѣ рыбопромышленники, отдавая предпочтеніе предъ другими рабочими за неутомимость, неприхотливость и привычку къ всевозможнымъ лишеніямъ. Дѣйствительно трудно представить себѣ до какой степени терпѣливъ и неутомимъ въ работѣ калмыкъ; для него не составляетъ особеннаго труда работать во время нестерпимаго зноя или, находясь постоянно по поясъ въ водѣ, во время холода и употребляя при

томъ пищу, какую угодно дать его хозяину. Эти неоцѣнимыя качества такъ пріучили здѣшній край къ рабочимъ калмыкамъ, что безъ нихъ едва ли могутъ обойтись рыбопромышленники, да и самое рыболовство не могло бы идти въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ оно ведется въ настоящее время.

При выломкѣ соли калмыки опять являются спеціалистами. Въ этой операціи имъ поручается обыкновенно самая черная, наиболѣе тяжелая работа; именно: они обязываются разбить соляной пластъ (осадокъ соли) и, промывъ его въ рапѣ (водѣ, остающейся по осадкѣ соли), сгресть соль въ кучи, откуда она насыпается въ мѣшки и отвозится на пристань для укладки въ пирамидальные бугры.

Опредѣлить точную цифру получаемаго ежегодно каждымъ рабочимъ заработка, по разнообразію работъ, довольно трудно, тѣмъ болѣе, что эта цифра измѣняется отъ количества выполненныхъ работъ, какъ напримѣръ: ломки соли, величины и количества пойманной рыбы, за которую рабочіе получаютъ условленную по договору плату. Приблизительно можно положить, что каждый простой рабочій можетъ выработать въ годъ отъ 60 до 150 рублей, особые же спеціалисты, какъ напримѣръ: икряники, клейщики (отдѣлывающіе икру и клей), жиротопы и т. п. получаютъ значительно большую плату. Между калмыками есть нѣсколько весьма искусныхъ мастеровъ по этой части.

Для найма въ работы, калмыкъ обязанъ получить отъ своего улуснаго управленія билетъ, на простой бумагѣ, съ уплатою за каждый по 15 коп. сер. Собираемая сумма поступаетъ частію на покрытіе расходовъ по заготовленію литографированныхъ билетовъ (на русскомъ и калмыцкомъ языкахъ), частью же обращается въ общественный капиталъ народа.

Эти билеты служатъ удостовѣреніемъ въ личности рабочаго калмыка для полученія задатковъ при заключеніи контракта.

Количество выданныхъ улусными управленіями за 6 лѣтъ билетовъ для найма въ работы было слѣдующее:

Въ 1863	году . . .	11,580
» 1864	» . . .	11,509
» 1865	» . . .	14,258
» 1866	» . . .	12,555
» 1867	» . . .	12,248
» 1868	» . . .	12,180.

Для работъ по рыболовству существуетъ два срока (путины) —весенній и осенній, и, судя по выданнымъ билетамъ, количество рабочихъ на обѣ путины надобно принимать почти на половину, т. е. около 6500 человѣкъ ежегодно. Но эта цифра далеко не достигаетъ количества всѣхъ калмыковъ, занимающихся заработками, по рыболовству, потому что очень многіе изъ нихъ, кочуя близь селеній и станицъ, а также по протокамъ р. Волги, нанимаются рыбопромышленниками безъ контрактовъ; слѣдовательно неимѣютъ надобности въ билетахъ. Къ тому же многіе нанимаются на кратковременный срокъ, а иные живутъ постоянно при рыболовныхъ заведеніяхъ.

При существованіи подобныхъ условій, не возможно опредѣлить точную цифру калмыковъ, нанимающихся въ работы, тѣмъ болѣе, что, какъ сказано, почти нѣтъ ни одного города или селенія въ Астраханской губерніи (кромѣ Царевскаго уѣзда), гдѣ бы не проживало нѣсколько человѣкъ калмыковъ, нанимающихся пасти стада крестьянъ или помогать имъ въ крестьянскихъ работахъ. Приблизительно можно опредѣлить цифру всѣхъ калмыковъ, нанимающихся въ работы, около 20,000 человѣкъ.

Хлѣбопашествомъ занимаются калмыки въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, на эргеняхъ, въ центрѣ калмыцкой степи и на отведенныхъ имъ участкахъ земли.

Было посѣяно хлѣба въ 1867 — 68 годахъ:		
	озимаго	272 четверти.
	яроваго	323 —
Собрано въ 1868 году:	озимаго	1306 —
	яроваго	1984 —

Въ числѣ земледѣльцевъ находятся преимущественно калмыки, жившіе долгое время при русскихъ селеніяхъ въ работникахъ. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ занимаются земледѣліемъ вмѣстѣ съ окольными крестьянами. Орудія для земледѣлія употребляютъ калмыки такія же, какъ и мѣстные крестьяне.

Кромѣ посѣва хлѣбныхъ растеній, калмыки Малодербетевскаго улуса заниматся воздѣлываніемъ горчичнаго сѣмяни и табаку.

Въ 1867 году, посѣвами горчицы занималось также нѣсколько зайсанговъ и калмыковъ Багацохуровскаго улуса. По отзыву одного изъ занимавшихся посѣвомъ горчицы зайсанговъ, онъ получилъ баснословный урожай, а именно: на посѣянную одну небольшую чашку, не болѣе 2—3 фунтовъ сѣмянъ, собрано имъ около 60 мѣръ сѣмяни.

Калмыки не имѣютъ ни фабрикъ, ни заводовъ, ремесленность распространена между ними только для домашняго обихода, и то въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, неудовлетворяющихъ даже собственной потребности народа. По этому большая часть вещей, необходимыхъ въ быту калмыковъ, пріобрѣтается ими покупкою въ городахъ, селеніяхъ и отъ мелочныхъ торговцевъ, находящихся въ улусахъ. Работами запи-

маются мужчины и женщины. Первые занимаются дѣланіемъ сѣделъ, выдѣлкою кожъ и шитьемъ сапоговъ, приготовленіемъ деревянныхъ принадлежностей для кибитокъ, издѣліями изъ серебра: серегъ, колецъ, поясовъ, насѣчекъ для украшенія сбруи и т. п. Работа женщинъ ограничивается шитьемъ тулуповъ, обуви, платья, кожаной посуды: ведръ, бартога (бутылей), валяніемъ кошмъ (войлоковъ) для покриванія кибитокъ плетеніемъ тесьмы изъ шерсти и шелку съ серебромъ для украшенія одежды и т. п. Вообще же калмыки народъ весьма способный и переимчивый.

Многія изъ лицъ духовнаго сословія занимаются живописью на деревѣ, холстѣ и бумагѣ исключительно изображеній своихъ бурхановъ и принадлежностей для хурула.

Калмыки не обложены никакимъ сборомъ въ пользу государства и на земскія повинности. Существующая подать съ каждой кибитки или семейства (считая приблизительно 2 души мужескаго и 2 женскаго пола) опредѣлена въ 8 р. 15 коп. Изъ этого оклада, на содержаніе управленія народомъ, учебныя и хозяйственныя потребности въ казенныхъ улусахъ, поступаетъ по 7 руб. 58 коп., а во владѣльческихъ въ пользу нойона (албанъ или подать) 7 руб. 14 коп. и на содержаніе управленія 44 коп., остальные затѣмъ 57 коп. во всѣхъ безъ исключенія улусахъ поступаютъ въ пользу родовыхъ аймачныхъ зайсанговъ, а по выморочнымъ аймакамъ въ общественный капиталъ калмыцкаго народа, равно какъ и значительная часть, т. е. остатки, отъ сбора на содержаніе управленія.

Сборъ производится особыми, избираемыми обществомъ сборщиками (демчеями), которые при уплатѣ податей выдаютъ плательщикамъ цвѣтныя, литографированныя на Русскомъ и Калмыцкомъ языкахъ контромарки, *по цвѣту ассигнацій*, красныя, синія, зеленыя и желтыя, и для копѣекъ разныхъ

установленныхъ цвѣтовъ. Демчеи усчитываются по числу отрѣзанныхъ ими изъ выданной книги контромарокъ. Годовой окладъ сбора съ калмыковъ казенныхъ улусовъ и съ владѣльческихъ улусовъ (по 44 коп.) составляетъ 93,629 р. 12 коп.

Натуральныя повинности калмыковъ заключаются: въ поставкѣ подводъ и кибитокъ для помѣщенія улусныхъ управленій, служащихъ лицъ и командируемыхъ по дѣламъ службы, а равно для помѣщенія казачьихъ командъ и школъ во время лѣтняго кочевья; въ доставленіи топлива для домовъ, занимаемыхъ улусными управленіями и чиновниками; въ назначеніи конныхъ разсыльныхъ при улусныхъ управленіяхъ и разъѣздныхъ для сохраненія въ степи порядка и преслѣдованія хищниковъ и грабителей.

Количество отбываемыхъ калмыками натуральныхъ повинностей исчислено на трехлѣтіе съ 1868 по 1871 годъ на сумму въ 10,289 руб. 33¼ коп. въ годъ сверхъ расхода по содержанію разъѣздныхъ командъ, общая сумма котораго простирается до 10 тыс. руб. ежегодно.

Кромѣ остатка отъ содержанія управленія и сбора съ аймаковъ, неимѣющихъ зайсанговъ, поступаютъ въ общественный капиталъ доходы съ оброчныхъ статей, образованныхъ изъ калмыцкихъ угодій. Такихъ статей въ 1-му января 1869 года было:

земельныхъ	17
рыбныхъ ловель въ озерахъ . . .	5
каменоломень	6
Всего. . . .	28

Получено съ нихъ дохода, въ 1868 году, 8,317 руб. 51½ коп. и по другимъ статьямъ, какъ напримѣръ за самовольный выпасъ скота и распашку калмыцкихъ земель, за лавки, устроен-

ныя на Баткалинскихъ и Терняксккихъ шалашахъ, ловъ рыбы во время весенняго полноводія въ ильменяхъ и т. п. 1007 р. 61 к.

Для распространенія грамотности между калмыками и знанія русскаго языка существуетъ въ улусахъ 8 школъ, каждая для 30-ти воспитанниковъ штатныхъ (на полномъ содержаніи) и неограниченнаго числа безплатныхъ вольно-приходящихъ. Ва казенныхъ улусахъ школы содержатся, полагая по 40 руб. въ годъ на каждаго воспитанника и 100 руб. на жалованье наставнику, на счетъ вышеуказаннаго сбора съ калмыковъ, во владѣльческихъ же улусахъ на счетъ владѣльцевъ.

Завѣдываніе школами поручено мѣстнымъ попечителямъ улусовъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Главнаго Попечителя.

Въ школы поступаютъ дѣти всѣхъ сословій, премущественно круглые сироты, такъ что школы служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріютами для сиротъ. Воспитанники обучаются читать и писать по-русски и по-калмыцки и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики; для физическаго развитія введена гимнастика. Окончившіе обученіе въ школахъ воспитанники возвращаются къ родителямъ, или, по желанію ихъ и выбору изъ лучшихъ, поступаютъ въ калмыцкое училище, находящееся при Главномъ Управленіи, въ Астрахани.

Это училище, открытое въ 1849 году собственно для надобностей администраціи, находится въ завѣдываніи особаго смотрителя, подъ наблюденіемъ и руководствомъ Главнаго Попечителя. По штату назначено 50 воспитанниковъ (на полномъ содержаніи); на расходы ассигнуется ежегодно 5162 рубля. Предметы обученія; языки русской, по правиламъ грамматики, и калмыцкій, ариѳметика, краткая географія, исторія русскаго государства и всеобщая сокращенная, чистописаніе и гимнастика.

Воспитанники, окончившіе курсъ, назначаются предварительно для практическихъ занятій письмоводствомъ и переводами въ Главное Управленіе, а потомъ распредѣляются по улусамъ на штатныя должности переводчиковъ, толмачей и наставниковъ улусныхъ школъ.

Въ числѣ воспитанниковъ училища находилось въ 1868 г.:

Мелкопомѣстный Нойонъ.	1
Зайсангскихъ дѣтей	5
Дѣтей калмыковъ-простолюдиновъ . .	44

Со времени открытія выпущено изъ училища окончившихъ курсъ:

Переводчиковъ.	8
Толмачей	10
Учителей въ улусныя школы .	32.
Оспопрививателей	11
А всего. . . .	61 [1]).

Лучшіе по успѣхамъ и поведенію воспитанники училища поступаютъ, по собственному ихъ желанію, въ Астраханскую губернскую гимназію.

Отдѣлъ гимназистовъ при училищѣ открытъ съ 1856 года. Первоначальный комплектъ состоялъ изъ 10 воспитанниковъ; но въ концѣ 1867 года дозволено увеличить его до 15 человѣкъ, съ назначеніемъ на содержаніе каждаго воспитанника по 150 рублей ежегодно. Воспитанники гимназіи, имѣя помѣщеніе при училищѣ, находятся подъ надзоромъ смотрителя;

[1]) Въ этомъ числѣ не показаны тѣ воспитанники, которые, по окончаніи курса, уволены отъ службы въ улусахъ для занятія своимъ степнымъ хозяйствомъ, а равно вышедшіе изъ училища по разнымъ причинамъ, хотя и не окончившіе курса, но достаточно подготовленные въ знаніи русскаго языка.

въ настояще время двое воспитанниковъ находится въ VII классѣ гимназіи, остальные въ младшихъ классахъ.

По трудности для калмыковъ изученія нѣмецкаго и славянскаго языковъ, разрѣшено въ замѣнъ ихъ преподавать языки: татарскій и калмыцкій и, кромѣ того, допущены нѣкоторыя облегченія при пріемныхъ экзаменахъ въ младшіе классы гимназіи.

Для преподаванія въ школахъ и училищѣ, независимо отъ принятыхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія руководствъ для низшихъ учебныхъ заведеній, находятся калмыцкіе словари; переводы на калмыцкій языкъ, разныхъ полезныхъ для народа статей, изданные по распоряженію Министерства Государственныхъ Имуществъ. Переводы съ русскаго на калмыцкій языкъ исправлялись и печатаніе ихъ производилось подъ наблюденіемъ профессора монгольскаго языка при С.-Петербургскомъ университетѣ К. Ѳ. Голстунскаго.

Въ началѣ 1868 года разрѣшено открыть въ Астрахани для 20 воспитанницъ *женское калмыцкое училище*, для приготовленія учительницъ въ улусы; на содержаніе училища ассигновано 3250 руб. ежегодно.

Кромѣ назначеннаго штатнаго числа воспитанницъ, нойонъ Дугаровъ (почетный попечитель женскаго училища) содержитъ въ немъ на свой счетъ двухъ пансіонерокъ.

Женское училище, при непосредственномъ наблюденіи Главнаго Попечителя, находится подъ надзоромъ смотрительницы и ея помощницы. Предметы преподаванія тѣ же, какъ и въ училищѣ для мальчиковъ, съ присовокупленіемъ элементарныхъ познаній для пособія больнымъ, родильницамъ и дѣтямъ.

Для поданія медицинскаго пособія калмыкамъ, при управленіи народомъ состоятъ одинъ врачъ, 8 фельдшеровъ (калмы-

ковъ) и 3 повивальныя бабки изъ калмычекъ, окончившихъ курсъ въ Московскомъ Повивальномъ Институтѣ.

Врачъ, фельдшера и бабки снабжены надлежащими инструментами и походными аптеками, приспособленными для перевозки при кочевкахъ.

Для привитія дѣтямъ предохранительной оспы, состоитъ при управленіи 36 оспопрививателей, снабженныхъ необходимыми принадлежностями и наставленіемъ (литографированнымъ) на русскомъ и калмыцкомъ языкахъ.

Всѣ оспопрививатели калмыки: изъ нихъ 15 человѣкъ числится въ штатѣ, остальные назначены къ нимъ въ помощь отъ каждаго хурула по одному манджику (младшее духовное званіе), обученныхъ оспопрививанію.

Въ теченіе 1868 года привита оспа . . . 3951 дѣт.
принялась. . . 3500 —

Оспопрививаніе въ калмыцкихъ улусахъ съ каждымъ годомъ идетъ успѣшнѣе, такъ что существовавшій нѣкогда у калмыковъ варварскій обычай бросать въ степи безъ надзора заболѣвшихъ оспою (цецикъ), въ настоящее время совершенно прекратился.

Кромѣ медицинскихъ чиновъ въ улусахъ, устроена близъ Яндыковской ставки больница на 25 кроватей: 18 мужскихъ и 7 женскихъ; при ней состоитъ лекарскій помощникъ и фельдшеръ.

Больница, расположенная въ центрѣ кочевья бѣднѣйшихъ калмыковъ всѣхъ улусовъ въ Мочагахъ, составляетъ благодѣтельное и крайне необходимое здѣсь учрежденіе, доставляя немедленную помощь заболѣвающимъ калмыкамъ на тяжелыхъ промысловыхъ работахъ. Больница въ изобиліи снабжена всѣми необходимыми принадлежностями и врачебными средствами для оказанія пособій не только находящимся въ ней, но и

приходящимъ калмыкамъ, которымъ отпускаются безплатно лекарства.

Въ 1868 г. находилось въ больницѣ на излеченіи 165 человѣкъ.
Выздоровѣло . . . . 137 —
Умерло . . . . 7 —

Для приготовленія фельдшеровъ состоитъ при училищѣ, въ Астрахани, особое отдѣленіе на 12 человѣкъ, куда поступаютъ по собственному желанію воспитанники изъ училища, обучаясь фельдшерскому искуству при Астраханскомъ военномъ госпиталѣ.

Въ началѣ 1868 года окончили обученіе 5 воспитанниковъ и въ настоящее время продолжаютъ обученіе 7 человѣкъ.

Говоря о составѣ медицинской части нельзя не упомянуть о леченіи калмыковъ у своихъ гелюнговъ (духовныхъ лицъ); въ каждомъ хурулѣ находится такихъ лекарей (эмчи) по одному и по два, къ нимъ нерѣдко обращаются калмыки; отчасти изъ религіознаго страха, а такъ же и отъ ограниченнаго комплекта медицинскихъ чиновъ, находящихся въ улусахъ.

Леченіе гелюнговъ очень простое и весьма однообразное,— хотя у нихъ существуетъ изложеніе медицины въ книгѣ: «*Еминъ-Номъ*» но они многое въ ней не понимаютъ, потому что болѣзни и медикаменты объяснены въ этой книгѣ на тибетскомъ языкѣ, который разобрать большая часть гелюнговъ не можетъ, а тѣмъ болѣе понять смыслъ изложеннаго.

Для леченія во всѣхъ болѣзняхъ, эмчи употребляютъ преимущественно теплую воду, или сыворотку въ большомъ количествѣ и при томъ почти ни какой пищи; растопленное баранье сало (изъ курдюка) или коровье масло, (по нѣскольку большихъ чашекъ въ сутки), крѣпкій бульонъ изъ баранины (шулюмъ) и. т. п., говорятъ что они имѣютъ какія то лекарства, покупаемыя у армянъ въ Астрахани, или торговцевъ

при улусныхъ ставкахъ, но лекарства эти держатся въ секретѣ, надобно полагать, что въ числѣ лекарствъ сулема играетъ не послѣднюю роль, потому что по отзывамъ врача калмыцкаго управленія, ему случалось видѣть калмыковъ, выдержавшихъ леченіе у гелюнговъ, съ меркуріальнымъ воспаленіемъ рта.—Сулемой же они лечатъ и сибирскую язву.

Вообще, леченіе калмыцкихъ эмчи есть чистое шарлатанство, какъ извѣстныхъ русскихъ знахарей и бабокъ.—Если между ними найдется нѣсколько такихъ, которые пользуются извѣстностію въ народѣ и оказываютъ иногда пособіе въ болѣзняхъ то это надобно отнести не болѣе какъ къ случайности и крѣпкой закаленной натурѣ калмыковъ, къ большинству же своихъ лекарей калмыки сами не имѣютъ довѣрія.

Для леченія заболѣвающаго скота и поданія немедленной помощи въ случаѣ появленія болѣзней, при Управленіи состоитъ ветеринарный врачъ (находящійся постоянно въ одномъ изъ улусовъ), помощникъ ветеринара и 3 калмыка, обученныхъ ветеринарному искуству.

Для наблюденія за порядкомъ въ улусахъ, содержанія караула, конвоированія арестантовъ и суммъ, собираемыхъ демчеями, назначается отъ Астраханскаго казачьяго войска: два Оберъ-офицера, 9 урядниковъ и 149 казаковъ, находящихся въ опредѣленномъ числѣ при каждой улусной ставкѣ.

Въ концѣ 1867 года разрѣшено, по случаю упраздненія Кумо-Маныческой кордонной линіи, сформировать разъѣздныя полицейскія команды изъ 10 казачьихъ урядниковъ и 100 человѣкъ калмыковъ, назначаемыхъ отъ улусныхъ обществъ, для замѣны впослѣдствіи этими командами наряда казаковъ отъ Астраханскаго казачьяго войска.

VI.

Результаты переписи Калмыцкаго народа, произведенной въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1868 года.

Калмыцкій народъ, при переходѣ въ 1630 году, изъ Зюнгаріи въ Южные предѣлы Европейской Россіи, состоялъ въ подчиненіи своимъ народнымъ Правителямъ, Тайшамъ и Нойонамъ.

Русское Правительство, оставляя неприкосновенными существовавшія сословныя отношенія и предоставивъ калмыкамъ для кочевья свои пустынныя въ то время степныя пространства, не считало необходимымъ налагать на калмыковъ какія либо обязательныя условія предъ Государствомъ, не смотря даже на то, что съ 1661 г. они считались ужъ подданными Россіи.

Это независимое и своеобразное положеніе калмыцкаго народа, занимавшаго своими кочевьями всю юго-восточную окраину Государства, а равно и предоставленіе власти надъ народомъ исключительно высшимъ его сословіямъ, не представляло Правительству надобности имѣть точное исчисленіе этого народа, такъ что, по сохранившимся оффиціальнымъ документамъ того времени, невозможно опредѣлить даже приблизительное количество калмыковъ, находившихся въ то время въ предѣлахъ Россіи. Сохранилось преданіе, что прикочевавшій сюда первоначально Тайша Хо-Урлюкъ привелъ съ собою около 50 т. подвластныхъ ему кибитокъ или семействъ; затѣмъ это количество народа, то увеличивалось новыми пришельцами, которыхъ привлекали сюда свободныя и привольныя пастбища, предоставленныя безданно, безпошлинно, этому народу, то

уменьшалось количество калмыковъ обратными перекочевками ихъ въ Зюнгарію.

Около половины прошедшаго столѣтія насчитывали уже болѣе 80 т. кибитокъ, кочевавшихъ въ отведенныхъ имъ степяхъ; но затѣмъ вдругъ эта масса кочевниковъ быстро уменьшилась послѣ бѣгства калмыковъ въ Зюнгарію, послѣдовавшаго въ 1771 году. Въ предѣлахъ Россіи остались только тѣ изъ нихъ, которые, по отдаленности кочевья и по неимѣнію переправъ, не успѣли или не могли перебраться на лѣвый (луговой) берегъ р. Волги для присоединенія къ бѣжавшимъ своимъ соплеменникамъ.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ того времени извѣстно что число оставшихся въ Россіи калмыковъ простиралось до 13 т. кибитокъ, но тоже самое количество (13,063 киб.) находится и въ официальныхъ документахъ спустя 12 лѣтъ, именно въ 1783 г., что доказываетъ, вопервыхъ, неправильность того или другаго указанія и, вовторыхъ, отсутствіе необходимости для администраціи въ точномъ исчисленіи народа, потому что нельзя допустить предположеніе, чтобы численность народа не подверглась въ теченіи этого времени измѣненію.

Хотя правильность исчисленія народа была болѣе чѣмъ сомнительна, но Правительство, предоставляя и послѣ бѣгства калмыковъ управленіе народомъ его высшимъ сословіямъ, довольствовалось тѣми свѣдѣніями, которыя доставляли ему владѣльцы и правители улусовъ только о числѣ кибитокъ, полагая произвольно въ каждой по 2 души мужескаго и по двѣ души женскаго пола. Не представлялось необходимости въ точномъ исчисленіи народа и потому еще, что калмыки были освобождены отъ всѣхъ повинностей предъ Государствомъ даже и калмыки тѣхъ улусовъ, которые находились уже въ казенномъ управленіи.

Въ дѣлахъ архива сохранились между прочимъ указанія о

количествѣ калмыковъ по улусамъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, могущихъ нести кордонную и казачью службу; но эти одностороннія свѣдѣнія по своей неточности не заслуживаютъ ни какого вниманія; что же касается до исчисленія всего вообще народа, то лучшимъ доказательствомъ неправильности этого исчисленія, можетъ служить та неизмѣнность цифръ въ продолженіи значительныхъ промежутковъ времени, которая показана въ оффиціальныхъ источникахъ, такъ напримѣръ:

въ 1818 году	показано	было	всего	народа		12674	кибитки.
— 1833 —	—	—	—	—		12151	—
— 1837 —	—	—	—	—		12967	—
— 1841 —	—	—	—	—		13074	—
— 1850 —	—	—	—	—		15267	—
— 1858 —	—	—	—	—		18631	—
— 1860 —	—	—	—	—		18465	—

Хотя существующими постановленіями объ управленіи калмыцкимъ народомъ между прочимъ возложено [1]) на обязанность Главнаго Попечителя имѣть *вѣрные свѣдѣнія* о числѣ кибитокъ или семействъ калмыковъ простолюдиновъ, *не дѣлая имъ переписи или ревизіи по формѣ*, но очевидно, что при отсутствіи какой либо переписи народа, невозможно имѣть даже приблизительно вѣрныя о немъ свѣдѣнія, и потому въ виду этого обстоятельства, а равно и возникшихъ со стороны калмыковъ жалобъ на неправильность раскладки сборовъ, Министерство Государственныхъ Имуществъ разрѣшило въ 1861 г. Главному Попечителю, для приведенія въ извѣстность численности калмыцкаго народа, составить семейные списки калмыкамъ.

Эти списки были въ томъ же году составлены и повѣрены особою Коммисіею, съ выдачею при этомъ введенныхъ Глав-

---

[1]) Высочайше утвержденное Положеніе объ управленіи калмыцкимъ народомъ 23-го Апрѣля 1847 года § 199.

нымъ Попечителемъ печатныхъ контрамарокъ, обозначавшихъ № кибитки и принадлежность семейства калмыка къ улусу, роду и аймаку.

Этою мѣрою было открыто много пропусковъ во время составленія посемейныхъ списковъ.

По спискамъ оказалось въ 1862 году:

	муж.		жен.
а) Нойоновъ-владѣльцевъ и ихъ семействъ .	18	—	23
б) Зайсанговъ аймачныхъ и безъаймачныхъ и ихъ семействъ	1693	—	1420
в) Духовенства	1452	—	—
А всего	3163	—	1443
	4606		

г) Калмыковъ-простолюдиновъ въ улусахъ:

	Кибитокъ или семействъ.	число душъ муж.	число душъ жен.
1) Багацохуровскомъ	2691	6960	5587
2) Эркетеневскомъ	2974	8310	6197
3) Яндыковскомъ	3732	8505	7462
4) Икицохуровскомъ	2004	6109	4302
5) Хошоутовскомъ	2343	4843	4186
6) Малодербетевскомъ.	10130 [1])	22863	19281
7) Харахусо-Эрденіевскомъ . . .	2020	5229	4031
8) Принадлежащихъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ-Нойонамъ .	324	796	599
А всего	26218.	63615	51645
		115260	

[1]) Впослѣдствіи оказалось, что въ этомъ улусѣ, *исчисленіе кибитокъ* было произведено неправильно, отчего эта цифра *положительно невѣрна,* исчисленіе же *душъ можно признать* приблизительно *точнымъ.*

По возрастамъ число калмыковъ-простолюдиновъ мужескаго пола въ то время состояло:

Отъ 1 до 18 лѣтъ		30186	душъ.
— 18 — 60 —		31178	—
Старѣе — 60 —		2651	—
	Всего.	63615	—

Эта первая перепись хотя представила болѣе основательныя свѣдѣнія о количествѣ калмыцкаго народа, однакоже нельзя признать результатовъ ея удовлетворительными, какъ по новости самаго дѣла для калмыковъ и лицъ производившихъ перепись такъ и по причинѣ кочевой жизни народа. При неимѣніи же метрическихъ записей не представлялось ни какой возможности слѣдить за движеніемъ народонаселенія.

Такимъ образомъ оффиціальныя свѣдѣнія о числѣ калмыковъ, показанныя въ слѣдующихъ годахъ послѣ составленія семейныхъ списковъ, представляютъ снова болѣе чѣмъ сомнительныя цифры; такъ къ 1 января 1868 г. числилось калмыковъ въ улусахъ:

1) Багацохуровскомъ	2709	кибитокъ.
2) Эркетеневскомъ	3121	—
3) Яндыковскомъ	3732	—
4) Икицохуровскомъ	2004	—
5) Хошоутовскомъ	2217	—
6) Малодербетевскомъ	9170 [1]	—
7) Харахусо-Эрденіевскомъ.	1932	—
8) Принадлежащихъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ	367	—
Всего.	25252	—
въ которыхъ числилось.	64012	д. м. п.
	52099	— ж. —
Всего.	116111	душъ.

[1]) Въ этомъ числѣ заключаются также излишне насчитанныя кибитки.

Такъ какъ эти цифры не представляютъ вѣрныхъ указаній о количествѣ и положеніи калмыцкаго народа, необходимыхъ для тѣхъ преобразованій которые предположены по управленію и устройству этого народа, то съ разрѣшенія Министерства Государственныхъ Имуществъ было приступлено къ новой повѣркѣ семейныхъ списковъ калмыковъ.

Выполненіе этой работы по улусамъ было возложено, подъ личнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностію попечителей, правителей и опекуновъ улусовъ, на аймачныхъ зайсанговъ и старшинъ, управляющихъ аймаками, съ тѣмъ, чтобы составленные ими списки были повѣрены на аймачныхъ сходахъ въ присутствіи попечителя и правителя улуса и удостовѣрены приговоромъ въ правильномъ ихъ составленіи. Для руководства же при составленіи списковъ даны были Главнымъ Попечителемъ надлежащія указанія и инструкція на русскомъ и калмыцкомъ языкахъ; кромѣ того разосланы по улусамъ, въ необходимомъ количествѣ, литографированныя бланки, для включенія въ нихъ всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній.

Всѣ приготовительныя работы были окончены въ ноябрѣ мѣсяцѣ и затѣмъ назначенъ былъ день 1 января 1869 года окончательнымъ срокомъ, для представленія отъ улусовъ посемейныхъ списковъ.

Имѣя въ виду, что множество калмыковъ разсѣяно по всей Астраханской губерніи, для работъ при городахъ, селеніяхъ, станицахъ, хуторахъ и рыболовныхъ ватагахъ, о мѣстопребываніи которыхъ аймачныя общества иногда не имѣютъ свѣдѣній и во избѣжаніе пропусковъ при составленіи списковъ, были командированы одновременно во всѣ уѣзды Астраханской губерніи чиновники Управленія калмыцкимъ народомъ и, кромѣ того, сообщено было всѣмъ полицейскимъ управленіямъ, станичнымъ начальникамъ, мировымъ посредникамъ и волост-

нымъ правленіямъ, какъ о доставленіи необходимыхъ свѣдѣній о калмыкахъ, проживающихъ въ ихъ вѣдомствахъ, такъ и объ оказаніи пособія командированнымъ лицамъ по возложенной на нихъ повѣркѣ.

Во время составленія списковъ производилась дѣятельная переписка съ тѣми лицами, на которыхъ возложена была эта обязанность, для разъясненія имъ встрѣчаемыхъ затрудненій и необходимыхъ указаній.

Такимъ образомъ вновь составленные и повѣренные на сходахъ семейные списки калмыковъ, начали поступать, отдѣльно по каждому аймаку, въ Главное Управленіе калмыцкимъ народомъ съ половины декабря мѣсяца; но окончательныя свѣдѣнія и разъясненія доставлены были только въ половинѣ апрѣля. При тщательномъ разсмотрѣніи этихъ списковъ оказалось, что несмотря на данныя указанія и инструкцію лицамъ, составлявшимъ списки, нѣкоторыми изъ нихъ были допущены ошибки относительно исчисленія кибитокъ. Такъ напримѣръ: въ нѣкоторыхъ аймакахъ были показаны, отдѣльными кибитками, увѣчные или неизлечимо больные, находящіеся на призрѣніи общества, а равно престарѣлые вдовы и вдовцы отъ 60—70 и болѣе лѣтъ съ малолѣтними дѣтьми, неимѣющіе ни рабочихъ силъ, ни скота; тогда какъ подобныя семейства не должны составлять отдѣльную кибитку, потому что подъ этимъ названіемъ должна заключаться податная единица, или вѣрнѣе сказать «*тягло*». Включая такія семейства, неимѣющія возможности отбывать повинность въ число кибитокъ, хотя и увеличивается количество послѣднихъ, но тягость повинностей ложится бременемъ на общество и потому не можетъ быть составлено никакого правильнаго расчета при распредѣленіи податей, на этомъ основаніи, при окончательной повѣркѣ списковъ было принято правиломъ: включать въ списки только для

одного счета тѣ семейства, которыя не имѣютъ ни рабочихъ силъ, ни скота, исключивъ ихъ изъ счета кибитокъ, какъ лицъ, лишенныхъ возможности отбывать кибиточную подать.

Затѣмъ, для повѣрки составленныхъ списковъ и приведенія въ извѣстность численности народа, а равно и тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы для управленія, была составлена особая Коммисія подъ личнымъ руководствомъ, Главнаго Попечителя изъ дѣлопроизводителя и двоихъ чиновниковъ особыхъ порученій Главнаго Управленія калмыцкимъ народомъ, которымъ было поручено сдѣлать по каждому аймаку повѣрку и общій выводъ по данной для этого формѣ, а равно и указанія всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній.

Коммисія окончила повѣрку списковъ въ маѣ мѣсяцѣ, представивъ Главному Управленію калмыцкимъ народомъ по каждому улусу вполнѣ законченные выводы и заключенія, по которымъ положительно можно опредѣлить какъ *численность всего калмыцкаго народа*, такъ равно и *количество кибитокъ;* могущихъ отбывать лежащія на нихъ повинности.

По окончательной повѣркѣ въ Главномъ Управленіи новыхъ посемейныхъ списковъ, количество всего вообще калмыцкаго народа въ началѣ 1869 года было слѣдующее:

а) Семейства

№№	МУЖЕСКАГО ПОЛА.	Лѣта.	ЖЕНСКАГО ПОЛА.
1	*Дугаровъ* Церенъ-Убуши (сотникъ) . . .	43	Его жена Бальджиръ. . . . .
	(Владѣлецъ Харахусо-Эрдепіевскаго улуса)		дочь Хонинъ . . . .
2	*Тундутовъ* Церенъ-Давидъ	10	. . . .
	(Владѣлецъ Малодербетевскаго улуса).		
3	*Тюменевы:* Церенъ-Надмитъ (юнкеръ) .	19	. . . .
	(Владѣлецъ Хошоутовскаго улуса).		
4	(Его дядя) Бату-Ка	14	Его мать Эльзенъ-Цокъ . . . .
			ее дочь Цанделикъ. . . . .
5	(Двоюродный братъ) Константинъ.	20	Его сестры: Александра. . . . .
			Елизавета. . . . .
	Мелкопомѣстные.		
6	*Батыровы:* Эрдени-Ара.	18	Ихъ мать Пюрьбе . . . .
7	Лиджи-Ара.	17	тетка Деликъ . . . .
8	Сангаджи-Ара	9	сестра Бюбе. . . . .
9	Лиджи	7	
10	*Буюнтуковы:* Очиръ.	21	Ихъ мать Халга. . . . .
11	Церенъ	19	(Двоюродная сестра) Джиргалъ . . . . . .
			(родст.) Бата-Амгулунгъ . . . .
12	*Натыровы:* Сангаджи	22	Ихъ мать Эльзете . . . .
13	Бадма.	18	сестра Сонинъ . . . .
14	*Тапкаевъ* Лиджи-Гаря.	25	Его жена Джиргалъ . . . .
	Неимѣющіе кибитокъ.		
15	*Гюнгаевъ* Дорджи.	50	Его жена Бюрюль . . . .
16	Его сыновья: Лиджи-Гаря	16	дочери Амгулунгъ . . . .
17	Сангаджи-Гаря.	8	Баярта. . . . .
			Баинъ-Джиргалъ . . . . .
			Жена Лиджи-Гари, Сарангъ . . . .
			Вдова *Шарапова*, Халга. . . . .
			Итого. . . . .

ойоновъ.

Лѣта.	Количество принадлежащаго имъ скота.						
	Верблюдовъ.	Лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.		Козъ	Свиней.
				Тонкорунныхъ	Простыхъ.		
28 7	56	1250	360	—	—	—	—
—	4	230	—	—	—	—	—
—	30	760	120	550	550	—	—
31 7	6	119	109	2164	274	—	—
18 14	—	2	6	500	195	—	—
40 74 35	—	—	—	—		—	—
53 14 22	—	20	20	—	50	—	—
43 13	—	10	20	—	62	—	—
18	—	11	5	—	—	—	—
37 11 5 2 16	—	2	27	—	—	6	—
51	—	—	—	—	—	—	—
	96	2404	667	3214	1081	6	—

б) Семейства зайса

Въ улусахъ.	По возра								
	Мужескаго пола.								Итого.
	Отъ 1 до 10 лѣтъ.	10—20.	20—30.	30—40.	40—50.	50—60.	60—70.	70 и болѣе.	
1) Малодербетевскомъ	45	54	24	14	18	11	33	3	172
2) Харахусо-Эрденіевскомъ. .	7	6	4	5	3	1	1	1	28
3) Хошоутовскомъ	7	6	4	4	2	—	—	—	23
4) Яндыковскомъ	8	20	3	2	2	3	3	—	41
5) Икицохуровскомъ	20	17	11	10	6	5	2	—	71
6) Эркетеневскомъ.	3	2	3	4	3	1	—	—	16
7) Багацохуро-Муравьевскомъ	16	16	17	7	6	4	2	2	70
Итого.	106	121	66	46	40	25	41	6	421

НГОВЪ АЙМАЧНЫХЪ.

С Т А М Ъ.								Количество принадлежащаго имъ скота.					
Женскаго пола.							Итого.						
Отъ 1 до 10 лѣтъ.	10—20.	20—30.	30—40.	40—50.	50—60.	60 и болѣе.		Верблюдовъ.	Лошадей.	Рогат. скота.	Овецъ.	Козъ.	Свиней.
41	45	16	21	21	7	9	160	301	4810	2071	9425	33	—
9	3	9	3	1	—	2	27	54	269	158	1300	25	—
1	4	3	3	5	—	2	18	14	73	113	190	20	—
5	9	5	4	7	3	—	33	42	138	170	710	68	—
11	21	15	9	9	7	3	75	117	424	297	3661	5	—
8	2	5	3	—	2	—	20	63	160	79	2000	10	—
21	19	16	9	5	7	4	81	58	937	441	1813	38	—
96	103	69	52	48	26	20	414	649	6811	3329	19099	199	—

в) Семейства зайсан

ПО УЛУСАМЪ.	ПО ВОЗРА								
	Мужескаго пола.								Итого.
	Отъ 1 до 10 лѣтъ.	10—20.	20—30.	30—40.	40—50.	50—60.	60—70.	70 и болѣе.	
1) Малодербетевскомъ	162	170	130	72	72	35	11	5	657
2) Харахусо-Эрденіевскомъ. .	38	61	39	28	16	10	4	2	198
3) Хошоутовскомъ.	3	3	3	1	2	1	—	—	13
4) Яндыковскомъ	30	38	27	16	18	8	2	—	139
5) Икицохуровскомъ	58	75	44	37	18	15	3	1	251
6) Эркетеневскомъ.	33	33	25	15	4	1	3	—	114
7) Багацохуро-Муравьевскомъ	24	36	27	13	14	5	3	—	122
Итого.	348	416	295	182	144	75	26	8	1494

…ОВЪ БЕЗЪАЙМАЧНЫХЪ.

…СТАМЪ.								Количество принадлежащаго имъ скота.					
Женскаго пола.							Итого.						
1—10.	10—20.	20—30.	30—40.	40—50.	50—60.	60 и болѣе.		Верблюдовъ.	Лошадей.	Рогат. скота.	Овецъ.	Козъ.	Свиней.
104	128	102	66	55	22	15	492	314	1189	3245	8860	68	—
37	27	27	24	12	12	1	140	119	173	238	2363	44	—
2	—	3	1	2	—	1	9	—	13	38	20	—	—
33	40	21	16	16	10	3	139	59	106	183	517	25	—
30	35	37	31	17	11	9	170	232	593	642	6129	65	—
11	12	15	10	4	4	2	58	193	520	671	6378	100	—
22	27	22	11	16	7	2	107	83	264	351	2190	24	—
239	269	227	159	122	66	33	1115	990	2858	5368	26457	326	—

г) Семейства калмы

ВЪ УЛУСАХЪ.	Число кибитокъ.	П о в о з р а								
		Мужескаго пола.								Итого.
		Отъ 1 до 10 лѣтъ.	10—20.	20—30.	30—40.	40—50.	50—60.	60—70.	70 и болѣе.	
1) Малодербетевскомъ.	7907	5923	6361	4602	2423	2164	1569	631	279	23952
2) Харахусо-Эрденіевскомъ .	2176	1476	1575	1364	619	514	335	137	65	6085
3) Хошоутовскомъ.	1855	961	1188	883	529	444	291	132	39	4467
4) Яндыковскомъ	3111	1896	2399	1638	912	806	466	186	48	8351
5) Икацохуровскомъ.	2248	1793	1686	1385	717	598	362	133	43	6717
6) Эркетеневскомъ.	2845	1771	2038	1660	1101	786	373	135	57	7921
7) Багацохуро-Муравьевскомъ	2710	1707	1805	1548	783	578	400	203	65	7044
8) Мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ.	248	167	152	137	76	69	38	15	5	659
Итого.	23136	15694	17204	13217	7115	5959	3834	1572	601	65196

КОВЪ-ПРОСТОЛЮДИНОВЪ.

Стамъ. Женскаго пола. 1—10.	10—20.	20—30.	30—40.	40 50.	50—60.	60 и болѣе.	Итого.	Количество принадлежащаго имъ скота. Верблюдовъ.	Лошадей.	Рогат. скота.	Овецъ.	Козъ.	Свиней
4812	4554	3063	2090	1984	961	467	17931	9139	25778	73899	237989	2494	10
964	868	849	568	482	205	37	3973	3297	6506	8334	73411	950	—
770	897	756	574	462	289	161	3909	537	3663	2781	13860	126	20
1614	1612	1220	973	811	502	316	7048	719	670	4734	16016	900	—
1340	1151	891	653	580	267	217	5099	3252	6081	10412	111496	229	13
1237	1160	1153	947	582	245	172	5496	2481	3540	7403	67358	2400	5
1341	1311	1086	658	706	430	190	5722	633	2956	8668	36032	974	10
116	130	110	86	53	32	11	538	131	160	691	3792	118	—
12194	11683	9128	6549	5660	2931	1571	49717	20189	49354	116922	559954	8191	58

д) Духовенство.

Въ улусахъ.	Бакшей.	Гелюнговъ.	Гецулей.	Манджиковъ.	Количество принадлежащаго имъ скота.					
					Верблюдовъ.	Лошадей.	Рогат. скота.	Овецъ.	Козъ.	Свиней.
1) Малодербетевскомъ	2[1]	132	90	104	700	2000	3220	40800	—	—
2) Харахусо-Эрденіевскомъ	2	49	36	36	85	200	215	2000	—	—
3) Хошоутовскомъ	1	60	45	25	61	219	255	1750	—	—
4) Яндыковскомъ	1	74	42	42	46	50	150	570	20	—
5) Икицохуровскомъ	1	62	51	43	34	221	292	5520	—	—
6) Эркетеневскомъ	1	54	48	33	51	220	140	3500	110	—
7) Багацохуро-Муравьевскомъ	1	73	49	44	33	440	123	800	—	—
Итого	9	504	361	327	1009	3350	4395	54940	130	—

[1]) Въ этомъ числѣ Лама калмыцкаго народа.

е) По занятіямъ.

КАЛМЫКОВЪ-ПРОСТОЛЮДИНОВЪ.	Число душъ мужескаго пола въ улусахъ.								Итого.	Кибитокъ по всѣмъ улусамъ.
	Малодербетевскомъ.	Харахусо-Эрденіевскомъ.	Хошоутовскомъ.	Яндыковскомъ.	Икицохуровскомъ.	Эркетеневскомъ.	Багацохуровскомъ.	Принадлежащихъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ.		
а) Скотоводствомъ 0,3 [1])	15932	2363	801	776	2884	1740	950	125	25571	8809
б) Наймомъ въ работы и преимущественно по рыболовству 0,5.	7637	3406	3210	7530	3665	6046	5946	500	37940	14152
в) Хлѣбопашествомъ 0,003	143	—	5	6	—	—	47	2	203	64
г) Ремеслами 0,002	33	1	50	10	35	4	5	—	138	45
д) Призрѣваемыхъ обществами 0,02	207	315	401	29	133	131	96	32	1344	66
Итого	23952	6085	4467	8351	6717	7921	7044	659	65196	23136

[1]) Всего народа.

Общій выводъ.

По сословіямъ.	Число душъ.		Количество принадлежащаго имъ скота.					
	Мужескаго.	Женскаго.	Верблюдовъ.	Лошадей.	Рогат. скота.	Овецъ.	Козъ.	Свиней.
Семействъ.								
1) Нойоновъ	17	22	96	2404	667	4295	6	—
2) Зайсанговъ аймачныхъ .	421	414	649	6811	3329	19099	199	—
3) Зайсанговъ безъаймачныхъ.	1494	1115	990	2858	5368	26457	326	—
4) Калмыковъ - простолюдиновъ.	65196	49716	20189	49354	116922	559954	8191	58
5) Духовенства	1201	—	1009	3350	4395	54940	130	—
Итого.	68329	51267	22933	64777	130681	664745	8852	58

Полученныя результаты послѣдняго исчисленія калмыцкаго народа указываютъ на поразительную непропорціальность въ числовыхъ отношеніяхъ между полами, возрастами и распредѣленіи имущества народа; такъ напримѣръ: 1) *по непропорціональности числовыхъ отношеній между полами*, оказывается, что по послѣдней переписи народа числится калмыковъ мущинъ 68329 душъ и женщинъ 51267 душъ послѣднихъ мѣнѣе на 17 т. душъ.

Допуская предположеніе, что при производившейся повѣркѣ посемейныхъ списковъ могли вкрасться ошибки, что не было обращено особеннаго вниманія на внесеніе въ списки лицъ женскаго пола, хотя подобное требованіе было категорически

заявлено всѣмъ лицамъ, производившимъ повѣрку, наконецъ что многія женщины умышленно были скрыты, съ цѣлію показать большее количество безбрачныхъ, слѣдовательно неживущихъ отдѣльными кибитками; не смотря на все это, фактъ несоразмѣрности между полами, замѣченный уже при первой переписи народа въ 1861 году, подтвердился и при нынѣшней повѣркѣ, въ болѣе значительной еще степени, указывая на весьма грустное для народа явленіе, именно на предстоящее уменьшеніе его количества и даже исчезновеніе въ весьма не далекомъ будущемъ отъ недостатка женщинъ. Это явленіе усложняется еще тѣмъ, что калмыки какъ Ламаиты не вступаютъ въ браки съ женщинами другихъ вѣроисповѣданій; напротивъ того калмычки, принимая св. крещеніе, выходятъ нерѣдко за православныхъ, особенно за казаковъ Астраханскаго войска.

Объяснить причины этой несоразмѣрности между полами можно только тѣмъ, что при одинаковыхъ условіяхъ степной, кочевой обстановки мущины ведутъ жизнь болѣе спокойную, праздную, тогда какъ всѣ семейныя заботы лежатъ исключительно на женщинахъ. Какъ въ семьѣ калмыка, такъ и во взглядѣ его на семейныя отношенія, женщина представляется ему въ видѣ рабы-труженицы; на ее обязанности лежитъ: накормить мужа и дѣтей, обшить ихъ, заготовить топливо и все необходимое по хозяйству и даже присмотрѣть за скотомъ; калмыкъ ей ни въ чемъ не помогаетъ хотя праздно иногда лежитъ цѣлый день, если нѣтъ пріятныхъ сосѣдей, чтобы шататься изъ одной кибитки въ другую. Вставая ранѣе всѣхъ, женщина ложится послѣ всѣхъ, утомленная дневными трудами и заботами. Къ этому печальному положенію калмыцкой женщины, изнуряющему ея силы, надобно прибавить еще смертность отъ родовъ, особенно отъ тѣхъ пріемовъ, которыми

калмыки помогають при трудныхъ родахъ; пріемовъ, напоминающихъ страшное звѣрство; кромѣ того смертность въ этихъ случаяхъ увеличивается еще отъ недостатка надлежащаго ухода за родильницами, пребыванія ихъ зимою въ продуваемой на сквозь кибиткѣ, нерѣдко при значительномъ холодѣ и бушующихъ шурганахъ (степной снѣговой бурѣ). Всѣ эти неблагопріятныя условія уменьшили женское населеніе на 17 т. душъ, или на $^1/_4$ часть всего количества мущинъ калмыковъ.

Лучшимъ доказательствомъ вліянія означенныхъ неблагопріятныхъ условій на смертнось женщинъ калмычекъ, могутъ служить выводы по сословіямъ; такъ напр. въ семействахъ нойоновъ, гдѣ женщины поставлены относительно въ лучшее положеніе, число ихъ болѣе мужчинъ, но въ семействахъ зайсанговъ и простолюдиновъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ степной жизни, разность въ числовыхъ отношеніяхъ между полами, рѣзко выказывается особенно въ тѣхъ сословіяхъ, которые болѣе обречены на трудовую жизнь; такъ въ семействахъ зайсанговъ аймачныхъ количество мущинъ (421) и женщинъ (414) почти одинакова; но этому благопріятствуетъ то обстоятельство что аймачные зайсанги, (управляющіе родовыми аймаками) люди болѣе или мѣнѣе зажиточные и во всякомъ случаѣ обезпеченные сборомъ съ калмыковъ по 57 коп. съ кибитки въ свою пользу; женщины въ этихъ семействахъ большею частію избавлены отъ работъ, имѣя возможность держать при себѣ прислугу изъ своихъ аймачныхъ. Зайсанги же безъаймачные находятся уже при другихъ условіяхъ, они хотя и не несутъ никакихъ повинностей, но не получая сбора съ калмыковъ, представляющаго во всякомъ случаѣ нѣкоторое обезпеченіе, не могутъ требовать и услугъ отъ простолюдина и если не имѣютъ своего скота или другихъ средствъ къ жизни то вынуждены сами работать. Такимъ образомъ это сословіе на-

ходится почти въ одинаковыхъ условіяхъ съ простолюдинами, и потому оказывается что въ составѣ семействъ безъаймачныхъ зайсанговъ женщинъ (1115) противу мущинъ (1494) мѣнѣе на 379 душъ или на $^1/_4$ часть, почти тѣже отношенія какъ и въ семействахъ простолюдиновъ, въ которыхъ числится мущинъ 65196 и женщинъ 49716, послѣднихъ мѣнѣе на 15480 душъ т. е. на $^1/_4$ часть всего количества мущинъ.

2) *По непропорціональности отношеній между возрастами* перепись показала, что изъ общаго числа 65196 душъ муж. пола самое большое количество народа упадаетъ въ мужскомъ полѣ: на возрасты отъ 1 до 10 лѣтъ 15694 и отъ 10 до 20 лѣтъ 17204, въ слѣдующихъ же десятилѣтіяхъ количество мущинъ начинаетъ быстро уменшаться, такъ въ возрастахъ.

Отъ	20 до 30	лѣтъ	числится	13217	душъ.
—	30 — 40	—	—	7115	—
—	40 — 50	—	—	5959	—
—	50 — 60	—	—	3834	—
—	60 — 70	—	—	1572	—
—	70 и болѣе	—	—	601	—

Это обстоятельство можно объяснить увеличеніемъ смертности въ этихъ возрастахъ, причины которой заключаются въ томъ, что калмыки частію по неспособности или непривычкѣ, и кромѣ того вслѣдствіе неизбѣжнаго давленія болѣе развитой рассы окружающей ихъ кочевья, не знаютъ почти никакихъ промысловъ, добывая себѣ скудное пропитаніе или скотоводствомъ или наймомъ въ разныя работы, большею частію самыя трудныя, самыя черныя, истощающія физическія ихъ силы и нерѣдко уносящія въ преждевременную могилу работника единственную подпору семейства.

*

По общимъ отзывамъ и наблюденіямъ замѣчено, что смертность между калмыками усиливается въ значительной степени по мѣрѣ увеличенія количества рабочихъ; это условіе объясняется тѣмъ, что усиленныя работы по рыболовству, куда калмыки преимущественно нанимаются, бываютъ обыкновенно весною и осенью, т. е. въ такое время года, когда простудныя болѣзни и лихорадки свирѣпствуютъ въ здѣшнемъ краѣ; ко всему этому присоединяются еще болѣзни отъ врожденнаго худосочія и послѣдствій сифилиса, глубоко пустившаго корни между кочевниками. Всѣ эти неблагопріятныя условія уносятъ безвозвратно здоровыя и молодыя силы народа способствуя его уменьшенію и неизбѣжному исчезновенію

3) *Относительно распредѣленія народнаго имущества*, заключающагося въ скотѣ, послѣдняя перепись указала на слѣдующіе факты: всего скота у калмыковъ по переписи оказалось:

	Головъ.
Крупнаго (верблюдовъ, лошадей и рогатаго)	218,391.
Мелкаго (овецъ, козъ и свиней)	673,655.
А всего	892,046 [1]).

Между сословіями это количество скота распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	На каждую душу обоего пола. Крупнаго.	Мелкаго.
У нойоновъ	81,2	110,2
— зайсанговъ аймачныхъ	12,9	23,1
— зайсанговъ безъаймачныхъ . . .	3,5	10,2
— духовенства (безбрачнаго). . . .	7,2	45,8
— простолюдиновъ	1,6	4,9

[1]) Судя по нѣкоторымъ даннымъ, количество скота показано калмыками не вполнѣ; во всякомъ случаѣ эти цифры даютъ только *приблизительное* и наглядное свѣдѣніе о количествѣ всего скота, находящагося у калмыковъ.

По улусамъ означенное количество скота распредѣляется на каждую душу обоего пола въ слѣдующихъ размѣрахъ:

ВЪ УЛУСАХЪ.	На каждую душу обоего пола.							
	Зайсанговъ аймачныхъ.		Зайсанговъ безъаймачн.		Духовенства.		Простолюдиновъ.	
	Крупнаго.	Мелкаго.	Крупнаго.	Мелкаго.	Крупнаго.	Мелкаго	Крупнаго.	Мелкаго.
Малодербетевскомъ	21,6	28,4	4,1	7,8	18,0	124,3	2,5	5,7
Харахусовскомъ	8,7	24,0	1,5	7,1	4,0	17,0	1,8	7,3
Хошоутовскомъ	4,9	5,1	2,3	0,9	4,0	13,3	0,8	1,6
Яндыковскомъ	4,7	10,5	1,2	1,9	1,5	3,7	0,4	1,1
Икицохуровскомъ	5,7	25,1	3,4	14,7	3,4	35,1	1,6	9,4
Эркетеневскомъ	8,4	55,8	8,0	37,0	3,0	26,5	1,0	5,2
Багацохуровскомъ	9,4	12,2	3,0	9,6	3,5	4,7	0,9	2,8
У калмыковъ, принадлежащихъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ	—	—	—	—	—	—	0,8	3,2

Изъ этой таблицы видно, что калмыки нѣкоторыхъ улусовъ, соображаясь съ мѣстными условіями, разводятъ преимущественно крупный или мелкій скотъ.

Для болѣе нагляднаго опредѣленія степени благосостоянія каждаго сословія по улусамъ, необходимо привести весь скотъ въ однообразную цѣнность; для этого принято калмыками дѣлить скотъ на *бодо*, т. е. одну крупную голову. Въ нѣкоторыхъ улусахъ *бодо* составляетъ одинъ верблюдъ, въ другихъ

же, верблюдъ считается за $1^1/_2$ *бодо*, а лошадь и рогатая скотина, равно какъ и четыре овцы считаются во всѣхъ улусахъ за одно бодо. Въ приводимомъ ниже исчисленіи верблюдъ, лошадь и рогатая скотина приняты за одно бодо, т. е равняющимися 4-мъ овцамъ и, согласно этой нормы, весь скотъ крупный превращенъ въ овецъ, во избѣжаніе мелкихъ дробей при обратномъ исчисленіи на крупную голову скота. Такимъ образомъ всѣ сословія калмыцкаго народа распредѣляются по имуществу въ слѣдующемъ порядкѣ:

а) *Нойоны-владѣльцы.*

			Головъ мелкаго скота. На каждую душу обоего пола.
1)	Улусовъ:	харахусо-эрденіевскаго	2221.3
2)	—	хошоутовскаго	1263.0
3)	—	малодербетевскаго . .	468.0
4)	—	мелкопомѣстные . . .	21.4

б) *Зайсанги аймачные.*

1)	—	малодербетевскаго . .	115.0
2)	—	эркетеневскаго	89.3
3)	—	харахусовскаго	59.0
4)	—	багацахуровскаго. . .	50.2
5)	—	икицохуровскаго . . .	48.0
6)	—	яндыковскаго	29.4
7)	—	хошоутовскаго	24.6

в) *Зайсанги безъаймачные.*

1)	—	эркетеневскаго. . . .	69.2
2)	—	икицохуровскаго . . .	28.4

3)	—	малодербетевскаго . .	24.2
4)	—	багацохуровскаго . . .	21.8
5)	—	харахусовскаго . . .	13.3
6)	—	хошоутовскаго . . .	10.1
7)	—	яндыковскаго . . .	6.9

г) *Духовенство (безбрачное).*

1)	—	малодербетевскаго . .	196.5
2)	—	икицохуровскаго . . .	49.0
3)	—	эркетеневскаго	38.6
4)	—	харахусовскаго	33.3
5)	—	хошоутовскаго	29.6
6)	—	багацохуровскаго . . .	19.0
7)	—	яндыковскаго. . . .	9.9

д) *Калмыки-простолюдины.*

1)	—	малодербетевскаго. . .	16.1
2)	—	икицохуровскаго . . .	16.1
3)	—	харахусовскаго	14.6
4)	—	эркетеневскаго	9.2
5)	—	богоцохуровскаго . . .	6.7
6)	—	принадлежащихъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ	6.5
7)	—	хошоутовскаго	5.0
8)	—	яндыковскаго	2.6

Изъ этихъ свѣдѣній видно, что по распредѣленію имущества первое мѣсто занимаютъ почти всѣ сословія малодербетевскаго улуса и послѣднее яндыковскаго улуса и что распредѣленіе

весьма неравномѣрно какъ между сословіями, такъ и между улусами.

4) Для опредѣленія занятій калмыковъ, включались при составленіи списковъ цѣлыя семейства, или кибитки калмыковъ и потомъ уже было извлечено изъ состава кибитокъ число душъ, состоящихъ въ кибиткахъ. Такимъ образомъ доставленныя свѣдѣнія хотя и не представляютъ строгаго разграниченія калмыковъ по предметамъ занятій, но служатъ въ нѣкоторой степени указаніемъ тѣхъ профессій, коими калмыки обезпечиваютъ свое существованіе. По этимъ свѣдѣніямъ оказалось, что изъ всего количества калмыковъ-простолюдиновъ: 65,196 душъ мужескаго пола занимаются:

	Всего народа.
1) Наймомъ въ разныя работы, преимущественно по рыболовству, 14,152 кибитки или 37,940 душъ муж. пола, что составляетъ	0.5
2) Скотоводствомъ 8,809 кибитокъ или 25,571 душа муж. пола, что составляетъ	0.3
3) Хлѣбопашествомъ и вообще земледѣліемъ 64 кибитки или 203 души	0.003
4) Разными ремеслами 45 кибитокъ или 138 душъ .	0.002
5) Призрѣваемыхъ обществами по бѣдности 1,344 души муж. пола или	0.02

По улусамъ означенное количество распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Въ улусахъ.	По занятіямъ.				
	Наймомъ въ работы.	Скотоводствомъ.	Хлѣбопашествомъ.	Ремеслами.	Призрѣваемыхъ обществами.
Малодербетевскомъ	0,3	0,6	0,005	0,001	0,008
Харахусовскомъ	0,5	0,3	—	0,0001	0,05
Хошоутовскомъ	0,7	0,2	0,001	0,01	0,08
Яндыковскомъ	0,9	0,09	0,0007	0,001	0,003
Икицохуровскомъ	0,5	0,4	—	0,005	0,01
Эркетеневскомъ	0,7	0,2	—	0,0005	0,01
Багацохуровскомъ	0,8	0,1	0,006	0,0007	0,01
Калмыковъ принадлежащихъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ	0,7	0,1	0,003	—	0,04

Въ заключеніе необходимо замѣтить, что послѣдняя перепись или повѣрка калмыцкаго народа, произведенная только второй разъ въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ, хотя и не представляетъ точныхъ и безошибочныхъ данныхъ о положеніи народа и не даетъ возможности сдѣлать сравненія съ результатами предшествовавшей переписи 1861 года, потому что въ промежутокъ времени отъ первой переписи до нынѣшней, не было ведено ни метрическихъ книгъ, ни постоянной ежегодной повѣрки народа, но во всякомъ случаѣ польза, принесенная послѣднею переписью, неоспорима, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что подобныя повѣрки народа пріучаютъ его къ благо-

устройству, что доказала въ нынѣшній разъ готовность всѣхъ сословій содѣйствовать требованіямъ Правительства, тогда какъ при составленіи семейныхъ списковъ въ 1861 году въ первый разъ, калмыки умышленно скрывались, оказывая противодѣйствіе составителямъ списковъ, и во-вторыхъ въ томъ, что доставленныя послѣднею переписью свѣдѣнія хотя и приблизительно указываютъ на современное положеніе этого народа, но во всякомъ случаѣ представляютъ нѣкоторую возможность судить какъ о степени его благосостоянія, такъ и о тѣхъ мѣропріятіяхъ, приложеніе которыхъ въ отношеніи народа оказывается необходимымъ въ настоящее время. Затѣмъ остается пожелать, чтобы эти первыя попытки въ средѣ кочеваго народа не пропали безслѣдно и представили бы возможность будущимъ составителямъ статистическихъ свѣдѣній о калмыкахъ, достигнуть болѣе точныхъ результатовъ для пользы Правительства и благоустройства этого изолированнаго народа.

Іюнь—1869 года.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ напечат.*
13	примѣч.	1831 г.	1731 г.
18	4	владѣленіе	владѣніе.
19	11	преступлянія	преступленія.
37	1	значеченіе	значеніе.
—	1 снизу	усранять	устранять.
42	21	признано	признало.
53	7	Гусударственный	Государственный.
62	послѣдняя	Главноупраляющему	Главноуправляющему.
82	5	присѣкается	пресѣкается.



